

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет международных отношений
Кафедра международных отношений и мировой политики

Центр изучения Центральной и Восточной Европы
Центр исследований проблемной государственности

**Проблемы стран постсоветского пространства,
Центральной и Юго-Восточной Европы**

Сборник научных статей

Выпуск 1

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2017

УДК 327
ББК 66.4(0)
П781

Редакционная коллегия:
доктор политических наук, профессор А.А. Слинько
кандидат исторических наук, доцент О.Ю. Михалев
кандидат исторических наук, доцент В.И. Сальников

Проблемы стран постсоветского пространства, стран Центральной и Юго-Восточной Европы : сборник научных статей. Вып. 1 / под общ. ред. А.А. Слинько ; отв. ред. О.Ю. Михалев, В.И. Сальников. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 286 с.

ISBN 978-5-9273-2547-4

В совместной публикации Центра изучения Центральной и Восточной Европы и Центра исследований проблемной государственности факультета международных отношений ВГУ по итогам проведенного в марте-апреле 2017 г. международного заочного семинара анализируются различные аспекты социально-экономических и политических реформ, проведенных в странах Центральной и Восточной Европы за почти три десятилетия системной трансформации, а также политические процессы на постсоветском пространстве, продолжающем находиться в состоянии турбулентности.

Ответственность за точность приведенных фактов, цитат, имен собственных и прочих сведений несут авторы опубликованных материалов. Высказанные в статьях мнения отражают только точку зрения их авторов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, всех тех, кто интересуется современной общественно-политической проблематикой.

УДК 327
ББК 66.4(0)

- © Воронежский государственный университет, 2017
- © Факультет международных отношений ВГУ, 2017
- © Центр изучения Центральной и Восточной Европы, 2017
- © Центр исследований проблемной государственности, 2017
- © Воронежский государственный университет, 2017
- © Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Проблемы стран постсоветского пространства

<i>Тонких В.А., Лытнева Н.А.</i> Россия и страны СНГ в системе международной безопасности	7
<i>Борковский К.</i> Украина в общей внешней политике и политике безопасности Европейского Союза	16
<i>Комарова Л.В., Плахотнюк А.С.</i> Усиление этнополитической напряженности и рост влияния националистических идеологий на постсоветском пространстве	30
<i>Косов А.П.</i> Роль и место Республики Беларусь в СНГ	37
<i>Лантева Ю.И.</i> Политические процессы в Беларуси и перспективы российско-белорусских отношений	51
<i>Морозов Р.Н., Баранник М.А.</i> Политика «открытых дверей» на евразийском пространстве	63
<i>Семенов А.А.</i> «Мягкая сила» как инструмент сотрудничества со странами СНГ	70
<i>Федоровский Ю.Р.</i> Методология «украиноцентризма»: критический аспект	78
<i>Иванова В.С.</i> ДНР: прошлое, текущая обстановка, возможные варианты будущего	86
<i>Калайджян А.Д.</i> Политика Европейского Союза в отношении Республики Беларусь	94
<i>Курбатов А.И.</i> Конфликтогенный потенциал информационного фактора: противостояние российских и американских СМИ во время грузино-осетинского конфликта 2008 года	103
<i>Мотрук Д.О.</i> Паспортная политика Российской Федерации в самопровозглашенных государствах Восточной Европы	114
<i>Неклюдов Н.Я.</i> «Не мир, но меч»: концепция Русского Мира как потенциал политического формата «мягкой силы» России	122

Часть II. Проблемы стран Центральной и Юго-Восточной Европы

<i>Бэкер Р.</i> Эволюция политических режимов Польши и России	141
<i>Донай Л., Прокопчик А.</i> Частные военные компании – новая нормативная угроза для Центральной и Восточной Европы	161

<i>Борковский К.</i> Почему поляки боятся беженцев?	179
<i>Валева Е.Л.</i> Трудная «европеизация» Болгарии	188
<i>Майорова О.Н.</i> Факторы, определившие сдвиг вправо в Польше в 2015 году	204
<i>Михалев О.Ю.</i> Проблема отношений с Россией во взглядах партии «Право и Справедливость»	220
<i>Савенков Р.В.</i> Значение религиозных институтов в формировании политической оппозиции (пример России и Польши)	243
<i>Истомина П.В.</i> Проблема территориальных споров в странах бывшей Югославии (на примере Хорватии)	257
<i>Твеленева П.А.</i> Многоликий евроскептицизм: случаи Венгрии и Польши	270
Информация о Центре изучения Центральной и Восточной Европы	284
Информация о Центре исследований проблемной государственности	285

Часть I

Проблемы стран постсоветского пространства

РОССИЯ И СТРАНЫ СНГ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тонких Владимир Алексеевич

*Доктор исторических наук, профессор
Воронежский государственный университет
e-mail: Vladiton@bk.ru*

Лытнева Надежда Александровна

*Бакалавр международных отношений
Воронежский государственный университет
e-mail: lytnevawini@mail.ru*

Аннотация: *Статья посвящена роли России и стран СНГ в системе международной безопасности, совершенствованию и упрочению связей по защите постсоветского пространства в условиях новых вызовов и угроз.*

Ключевые слова: *Россия, СНГ, национальная безопасность, международная безопасность.*

RUSSIA AND COUNTRIES OF THE CIS IN THE INTERNATIONAL SECURITY SYSTEM

Tonkikh Vladimir

*Doctor in History, Professor
Voronezh State University
e-mail: Vladiton@bk.ru*

Lytneva Nadezhda

*Bachelor of International Relations
Voronezh State University
e-mail: lytnevawini@mail.ru*

Abstract: *The article is dedicated to the role of Russia and the CIS in the International Security System, the improvement and the consolidation of contacts for defense of the Post Soviet Area in the new challenges and threats.*

Key words: *Russia, the CIS, National Security, International Security.*

Стратегической задачей России в современных условиях является обеспечение национальной безопасности, равно как безопасности наших союзников на постсоветском пространстве [8].

После распада СССР, который Президент РФ В.В. Путин справедливо назвал крупнейшей геополитической катастрофой XX века, Россия столкнулась с рядом сложных внутренних и международных проблем. Среди них: реформирование экономической и политической системы; выстраивание экономических и политических отношений с независимыми государствами на постсоветском пространстве; защита русскоязычного населения, оказавшегося по воле судьбы за пределами исторической Родины, государственного суверенитета от посягательств извне; раздел военного потенциала между новыми странами – бывшими союзными республиками СССР.

Наиболее сложной для России оказалась проблема нарушения единства трех славянских государств – России, Украины и Белоруссии, трех братских народов – русских, украинских и белорусов. Это единство формировалось веками на основе объективных экономических, военно-политических и идеологических факторов. Союз трех славянских народов послужил фундаментом складывания уникального феномена под названием «советский народ». Ряд современных политиков и ученых под разными предлогами стремятся поставить под сомнение этот феномен, дружбу народов Советского Союза. Эти попытки несостоятельны. Жившие в СССР знают, что человека оценивали не по национальным признакам (русский, украинец, казах, грузин и т.д.), а по нравственным качествам (доброта, открытость, взаимопомощь, взаимовыручка и т.п.). Советский народ не единожды доказывал право на существование данного феномена, особенно в годы Великой Отечественной войны, когда бок о бок за Родину, за родной дом сражались представители всех без исключения национальностей Советского Союза. Великая Победа была добыта кровью всех народов СССР.

Содружество Независимых государств (СНГ) создавалось в целях смягчения адаптации бывших республик СССР к новым условиям, когда разрывались прежние, формировавшиеся десятилетиями социально-экономические, военно-политические и культурные связи.

В мае 1992 года было принято решение о формировании Вооруженных Сил России, что стало причиной значительного сокращения военнослужащих и реорганизации военной структуры. Наряду с этим производился вывод российских вооруженных сил с территории Германии и прибалтийских государств.

Ключевой проблемой после распада СССР стала необходимость сокращения арсеналов ракетно-ядерного вооружения, которое кроме

России находилось на территории Украины, Белоруссии и Казахстана. Из-за позиции Украины передача сохранившегося ядерного потенциала России замедлилась. Только в январе 1994 года страны присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия и подтвердили свой безъядерный статус.

Военно-политические проблемы в первые годы существования СНГ стали наиболее острыми. Бывшие советские республики стремились максимально упрочить собственный суверенитет и дистанцироваться от Москвы в реализации внешнеполитического курса. В то же время они нуждались в военно-политической поддержке России, поскольку им угрожали серьезные опасности в лице международного терроризма, особенно в регионе Центральной Азии. В сложившейся ситуации в мае 1992 года лидеры России, Армении, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, и Таджикистана в Ташкенте подписали Договор о коллективной безопасности. В 1993 году к Договору присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. На Вооруженные силы России, действовавшие под эгидой СНГ, возлагались задачи обеспечения безопасности стран СНГ и урегулирования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Речь шла о приднестровском, грузино-осетинском, грузино-абхазском и вооруженном противостоянии в Таджикистане [6, с.413].

Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве в первые годы функционирования СНГ были порождены рядом причин. Во-первых, историческими принципами национальной политики: Советский Союз строился на основе федерализма, что стало одной из причин усиления центробежных сил. В период СССР Москва с помощью пряника и кнута сдерживала сепаратистские устремления лидеров союзных республик, в то же время подкармливая их за счет союзного бюджета. Во-вторых, причиной конфликтов стало влияние на происходившие события, а нередко и прямое вмешательство в дела республик иностранных государств. Прибалтика попала в зону влияния Германии; республики Южного Кавказа стали предметом споров между Россией, США, Турцией и Ираном; страны Центральной Азии столкнулись с влиянием России, США, Китая, Ирана, Афганистана и Пакистана. Молдавия стремилась к упрочению союза с Румынией. Всего за период с 1988 по 1991 год на постсоветском пространстве произошло свыше 150 конфликтов различной степени интенсивности. В 20 из них

имелись человеческие жертвы. В этих конфликтах погибло и пропало без вести более 100 тысяч человек [4, с. 306].

Приоритетным направлением внешнеполитического курса России в 1990-е годы стало проведение миротворческих операций и обеспечение безопасности молодых государств СНГ. При участии российских миротворцев были погашены острые конфликты в Абхазии и Приднестровье. В июле 1992 года Россия и Молдавия подписали соглашение о прекращении боевых действий в Приднестровье. В мае 1997 года стороны заключили Меморандум об основах нормализации отношений. Россия при этом выступала в качестве посредника. В том же году состоялись мирные переговоры участников грузино-абхазского конфликта. Было подписано соглашение о прекращении боевых действий в Таджикистане. Пребывание Вооруженных сил России на территории стран СНГ в Центральной Азии стало гарантом от агрессии со стороны внешних сил, что было крайне важно в обстановке гражданской войны в Афганистане.

В 2000-е годы основным направлением российской внешней политики стало усиление экономического влияния на постсоветском пространстве и обеспечение безопасности соседних с Россией государств СНГ. В то же время одной из задач внешней политики РФ оставалось ограничение иностранного влияния в СНГ с целью ослабить в этих странах присутствие России. РФ резко негативно относилась к вступлению стран СНГ в НАТО, размещению на их территории иностранных военных баз, что справедливо расценивалось российским руководством как прямая угроза национальной безопасности России. США и некоторые страны ЕС стремились усилить свое влияние в бывших советских республиках, в частности, в регионе Каспийского моря и Южного Кавказа как стратегических геополитических пространствах.

Еще в 1990-е годы руководство России обозначило определенные границы, переход которых мог представлять угрозу национальной безопасности нашей страны. Однако после терактов 11 сентября 2001 года РФ одобрила размещение американских военных баз на территории Узбекистана и Киргизии как ответную меру по сдерживанию терроризма в регионе. При этом подчеркивался чрезвычайный и временный характер американского присутствия в Центральной Азии.

Относительно сдержанно отнеслась Россия к присутствию американских военных инструкторов в Грузии, а также к вступлению прибалтийских республик в НАТО в 2004 году. После выхода прибалтий-

ских республик из состава СССР они не рассматривались российским руководством в качестве партнеров по совместным интеграционным проектам в СНГ.

Наибольшей угрозой для РФ стали так называемые «цветные» революции первой половины 2000-х годов в Грузии, Украине и Киргизии. Эти события осуществлялись при поддержке зарубежных спецслужб и носили откровенно антироссийский характер. Запад поддерживал и подкармливал местные националистически настроенные элиты. Государственные перевороты в этих странах ослабили влияние Москвы и были восприняты как попытка провести подобные акции и в России.

Организация «цветных» революций имела определенные геополитические последствия по дестабилизации ситуации на постсоветском пространстве. Так, революция «тюльпанов» в Киргизии в 2005 году угрожала стабильности всего региона Центральной Азии, спровоцировала межэтнические выступления в Ферганской долине Узбекистана. Явно антироссийский характер носила и «оранжевая» революция в Украине, в результате которой к власти в Киеве пришли антироссийские политики. В начале 2008 года украинское руководство выступило с обращением предоставить Киеву План действий по членству в НАТО. Руководство Североатлантического альянса обещало Украине и Грузии получить членство в перспективе. Подобные провокации негативно сказались на отношениях России с США и Украиной.

Революция «роз» в Грузии привела к обострению напряженности и созданию конфликтной ситуации в регионе Южного Кавказа. Российская сторона выступала в качестве гаранта мира и стабильности в Южной Осетии и Абхазии. «Пятидневная» война с Грузией в августе 2008 года стала наиболее острым событием на постсоветском пространстве: впервые в вооруженный конфликт вступили государства бывшего СССР. Военные действия в Грузии могли спровоцировать подобные конфликты в других регионах, где сохранялась напряженность.

К счастью, конфликт в Грузии завершился победой российских вооруженных сил. На Украине в результате выборов к власти пришел В. Янукович, подтвердивший внеблоковый статус Украины, что позволило на определенный период нормализовать российско-украинские отношения. В США президентом в 2008 году был избран демократ Б. Обама, объявивший о «перезагрузке» российско-американского со-

трудничества. Руководство России после «пятидневной» войны признало независимость Абхазии и Южной Осетии.

К 2010 году в отношениях России со странами СНГ наметились пути углубления интеграции [5, с. 181]. Россия, Белоруссия и Казахстан к 2012 году образовали Единое экономическое пространство. К союзу с Россией, Белоруссией и Казахстаном примкнули Армения, Киргизия, Таджикистан и Украина. В 2011 году российское руководство выступило с предложением укрепления взаимодействия в рамках Евразийского союза. Предполагалось создание на постсоветском пространстве центра силы с интегрированной экономикой, общей системой безопасности и единым гуманитарным пространством. Ныне более 40 государств изъявляют желание вступить в различные союзы на базе СНГ, в том числе с ЕАЭС хотели бы сотрудничать Турция, Иран, Китай, Индия, Монголия, Вьетнам, Сингапур, Пакистан, Таиланд, Камбоджа, Израиль [3].

Евразийский союз никогда не рассматривался лидерами стран СНГ как аналог возрождения СССР. Руководители Белоруссии и Казахстана постоянно подчеркивают необходимость сохранения национального суверенитета в рамках объединения. Евразийский экономический союз обеспечивает равные права всех его участников. Сдерживающим фактором интеграции являются разные масштабы экономик стран-партнеров ЕАЭС. Российская экономика гораздо масштабнее экономик других стран. ЕАЭС сталкивается с проблемой связей между всеми членами. У всех республик налажены партнерские связи с Россией, но Белоруссии, Казахстану, Киргизии, Армении нужно время для выстраивания торгово-экономических отношений друг с другом.

В 2016 году были согласованы ключевые вопросы формирования единого рынка фармацевтической продукции и общего рынка электроэнергии. Готовится концепция для объединения рынка нефти и газа. Идет обсуждение создания финансового центра ЕАЭС в Казахстане. Готовится гармонизация национальных платежных систем, денежно-кредитной политики для укрепления кооперационных контактов. В перспективе – создание общего рынка финансов и банковских услуг. Нуждается в ускорении промышленная кооперация. Не сформирована и общая идеология для евразийского пространства [2, с. 8].

Ведущим фактором интеграции в рамках ЕАЭС является российская экономика. Экономическая мощь государства наряду с военным потенциалом – фактор обеспечения национальной безопасности. С

начала 2000-х годов ведутся разговоры о модернизации, необходимости переориентации экономики с добычи и экспорта сырьевых ресурсов, что делает экономику РФ крайне уязвимой в условиях нестабильности мирового нефтяного рынка, – на индустриальные рельсы. Однако перемены в данном направлении происходят медленно. Правительство страны действует по инерции, не видя новых тенденций развития мировой экономики. В стратегической перспективе стране необходимо провести вторую индустриализацию на современной технической и технологической базе. В противном случае Россия может остаться за границами нового технологического уклада, содержанием которого является переход к компактной и эффективной энергетике, отход от использования углеводородов; развитие и внедрение нанобиотехнологий, нанотроники, наноэнергетики, молекулярной, ядерной и клеточной технологий; робототехники; искусственного интеллекта. Наука стоит на пороге открытий в медицине – использование стволовых клеток, инженерия живых органов и тканей [9, с.164].

Постоянно укреплялось и военное сотрудничество республик. Еще в 2003 году Договор о коллективной безопасности стран СНГ был преобразован в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), участниками которой стали Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Особые действия для обеспечения безопасности страны предпринимались с 2010 года.

Анализ исторических предпосылок и современных тенденций взаимного сотрудничества РФ и ЕАЭС показал, что реальной альтернативы углублению взаимовыгодного сотрудничества в рамках интеграции стран СНГ нет. СНГ является определенным механизмом развития евразийской интеграции и культурной общности стран евразийского пространства. Сотрудничество в рамках организации отвечает национальным интересам всех стран-участниц, является приоритетным направлением внешней политики РФ, что полностью согласуется с ее внешнеполитической концепцией. В Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ 30 ноября 2016 года) отмечается: «В качестве одного из важнейших элементов современной системы обеспечения безопасности на постсоветском пространстве Россия рассматривает Организацию Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ). Россия выступает за качественное развитие ОДКБ, превращение ее в авторитетную многофункциональную международную организацию, способную противостоять современным

вызовам и угрозам в условиях усиливающегося воздействия разноплановых глобальных и региональных факторов в зоне ответственности ОДКБ и прилегающих к ней районах».

В октябре 2016 года в Ереване состоялась встреча глав государств-участников Совета коллективной безопасности ОДКБ. В рамках саммита было принято свыше 20 документов, в том числе Стратегия коллективной безопасности до 2025 года, в которой согласованы позиции по проблемам региональной безопасности. Достигнуты договоренности о формировании системы кризисного реагирования ОДКБ; системы формирования новой архитектуры евроатлантической и евразийской безопасности; реагирования на угрозы «цветных» революций; программы подготовки военных специалистов и др. [1, с. 2]. На сентябрь 2017 года запланированы совместные российско-белорусские учения «Запад-2017». В ряде соседних государств уже началась истерика в духе «холодной войны». Учения «Запад-2017» носят сугубо оборонительный характер и не угрожают никому из наших партнеров [7, с. 2].

Важность усиления военной составляющей стран СНГ в рамках ОДКБ обусловлена усилением агрессивности в отношении России со стороны НАТО, что лидеры альянса связывают со стремлением России осуществить агрессию против стран Прибалтики, Украины и Польши. На саммите НАТО в Уэльсе в июле 2016 года было решено создать группы быстрого реагирования на случай «российской агрессии». Прибалтийские государства в последнее время стали плацдармом ударной группировки НАТО. В регион постоянно прибывают новые воинские соединения, вооружение, военная техника, направленные против России под прикрытием мифа о «российской военной угрозе».

Подобные действия не способствуют разрядке напряженности в Европе, не делают наши отношения с НАТО более безопасными и конструктивными. России приходится предпринимать адекватные шаги в целях обеспечения собственной национальной безопасности. Воинственная риторика военного командования НАТО возвращает мир к временам «холодной войны», которую современное молодое поколение европейцев стало забывать. «Проводимый США и их союзниками курс на сдерживание России, оказание на нее политического, экономического, информационного и иного давления подрывает региональную и глобальную стабильность, наносит ущерб долгосрочным интересам всех сторон, противоречит возрастающей в современных условиях по-

требности в сотрудничестве и противодействии транснациональным вызовам и угрозам», – говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации.

Экономические, политические, военные и культурные связи стран СНГ формировались не вчера, а десятилетия назад. В этом преимущество государств ЕАЭС, стремящихся его использовать в целях усиления конкурентоспособности. Совместное сотрудничество во всех сферах стран СНГ делает наши отношения более весомыми на международной арене. Евразийская интеграция не направлена против третьих стран, а ставит стратегической целью усиление экономической составляющей стран-участниц.

Литература

1. Козуров Д. Нас должны уважать, а не бояться / Д. Козуров // Союзное вече. – 2016. – №47.
2. Мигранян А. ЕАЭС: долго запрягаем, а как поедem? / А. Мигранян // Союзное вече. – 2017. – №10.
3. Нератов Д. СНГ: альтернативы нет? / Д. Нератов // Союзное вече. – 2016. – №56, 58.
4. Политическая конфликтология: учебник / ред. С.А. Ланцов. – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.
5. Российская трансформация: 20 лет спустя / под ред. Ж. Сапира. – М.: Магистр, 2013. – 216 с.
6. Россия в полицентрическом мире / под ред. А.А. Дынкина.- М.: Весь мир, 2011. – 580 с.
7. Союзное вече. – 2017. – №11.
8. Тонких В.А. Национальная безопасность России в условиях современных вызовов и угроз / В.А. Тонких, Н.А. Лытнева // Молодой ученый. – 2017, март. – №11(145) – С.404-408.
9. Хаустова Н.А. Контуры стратегии нестабильности XXI века: геополитические игры на мировой шахматной доске: прогнозы до 2030 года / Н.А. Хаустова, О.Н. Глазунов. – М.: URSS; ЛЕНАНД, 2014. – 174 с.

УКРАИНА В ОБЩЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Борковский Казимеж

кандидат политических наук,
адъюнкт кафедры национальной безопасности
факультета социальных наук
Университета им. Я. Кохановского (Кельцы, Польша),
филиал в г. Петркув-Трыбунальский
e-mail: kazimierz_borkowski@wp.pl

Аннотация. Украина не вполне уверена в своем будущем. С одной стороны, украинские власти серьезно заинтересованы в присоединении к ЕС, с другой стороны, напротив, не предпринимают никаких серьезных шагов в достижении намеченной цели. Кроме того, вполне вероятно, что правительство страны разочаровано двойственной политикой ЕС: наличие жестких требований и практически отсутствие реальных предложений. Для того чтобы стать членом ЕС, Украина должна выполнить требования не только политического, но и экономического характера. Само государство претерпело значительные изменения. Действительно, заметны позитивные шаги государства, но все еще требуют реализации ключевые реформы, а также широкомасштабная борьба с коррупцией. Более того, при внимательном анализе действий украинских властей, крайне нежелательным с их позиции начинается выглядеть и дальнейший дипломатический разрыв с Россией, с которой Украину связывают долгие партнерские отношения. Трудно предугадать результат окончательных решений властей, но нерешительность и промедление будут иметь серьезные последствия, в основном политического характера. В то же время стоит понимать, что политика Украины, направленная на сближение с НАТО, повлияет на ее отношения с Россией, рядом других стран, а также ЕС.

Ключевые слова: Украина, Европейский Союз, общая внешняя политика ЕС, соглашение об ассоциации, «Восточное партнерство».

UKRAINE IN THE COMMON FOREIGN AND SECURITY POLICY OF THE EUROPEAN UNION

Borkowski Kazimierz

Candidate of Political Sciences, Adjunct of the
National Security Department of the Faculty of
Social Science, Jan Kochanowski University (Kielce, Poland),
Branch at Piotrków Trybunalski
e-mail: kazimierz_borkowski@wp.pl

Summary. *Ukraine seems unsure of its future. On one side the Ukrainian authorities are keen on joining the EU, however, on the other side they make no decisive steps in order to meet the already given preconditions. It is also likely that the government is disappointed by the fact that EU set strict requirements but has little to offer. In order to become a EU member Ukraine would have to fulfill not only the political criteria but notably all the economic aspects. Ukraine has already undergone some changes. In fact, there are many positive changes noticeable within Ukraine but it is still necessary to implement some critical reforms as well as effectively tackle the corruption. What is more, in the analysis of political conditions in Ukraine it is clearly visible that the authorities are unwilling to completely give up the diplomatic cooperation with Russia to which they are committed by a long partnership. It is hard to foresee what definitive decisions will be made by the Ukrainian authorities, however, the indecisiveness will have many consequences, mainly political. At the same time it should be known that the support of Kiev in favour of approaching the NATO has its impact on relations with Russia as well as the other countries, particularly of the past EU.*

Key words: *Ukraine, European Union, Common foreign policy of the EU, association agreement, “Eastern Partnership”.*

Введение

Целью политики является изменение окружающей действительности с определяемой как «невыгодная» на признаваемую определенным центром, принимающим решения, на приемлемую или даже идеальную. Это положение о принятии политических решений может стать хорошей основой попытки анализа отношений между Европейским Союзом и Украиной. Момент для этого представляется наиболее удачным. После вступления в силу Лиссабонского договора, целью которого было реформирование и упорядочение структур, принимающих политические решения, отдельные органы ЕС или государства-члены могут и должны проводить значительно более активную внешнюю политику. Конечно, сейчас трудно говорить о полностью упорядоченной внутренней ситуации: опасность банкротства нескольких государств зоны евро, экономический кризис – все это постоянно поглощает внимание европейских элит. Однако динамика событий в ближайшем окружении ЕС не позволяет ждать, а примеры новых социальных движений и конфликтов убедительно показали нам, что Европейский Союз не является одиноким островом, который может позволить себе пассивно наблюдать за процессами, которые протекают в ближайшем окружении. Измерение восточного соседства не обладает в настоящий момент динамичным характером, но это означает, что в случае пассивности или от-

существовании желания воздействовать на происходящие на востоке процессы, оно может столкнуться с кризисной ситуацией.

С большой долей вероятности можно утверждать, что именно Украина станет тем местом, где политические и социальные процессы будут протекать наиболее динамично. С точки зрения интересов ЕС результат этих процессов может быть как крайне негативный и опасный, провоцирующий кризисные ситуации также в Евросоюзе, так и позитивный, финальным актом которого, хотя, безусловно, и в отдаленной перспективе, могло бы стать вступление Украины в ЕС в качестве элемента, укрепляющего и стабилизирующего союз. Реализация позитивных сценариев или предотвращение угроз, возникающих из-за ситуации на Украине, будут требовать от Европейского Союза активной политики в отношении этого одного из крупнейших его соседей.

Исторический обзор отношений Европейского Союза с Украиной

С точки зрения интересов государств ЕС в первые годы независимости Украины главным приоритетом стало реагирование на потенциальные угрозы, которые могли стать следствием дестабилизации в ней внутренней ситуации. В области безопасности на первом плане долго находилась проблема размещавшегося на территории Украины советского атомного оружия (разрешенная только в 1994 г. в результате соглашения между Киевом, Москвой и Вашингтоном). Также возбуждал тревогу конфликт о статусе Крыма и проживающего там русского меньшинства. Особый интерес Запада привлекала проблема предсказуемости поставок энергетического сырья, идущего транзитом через Украину, и шанс частичного моделирования процессов трансформации, главным образом в сфере тяжелой промышленности и финансовом секторе. Расставленные таким образом приоритеты долго устраивали Киев, который в правление Леонида Кучмы руководствовался стратегией сохранения равной дистанции между Брюсселем и Москвой. Украина, поддерживая диалог и сотрудничество с Европейским Союзом, получала шанс на использование части средств, предназначенных на поддержку стран бывшего СССР в рамках программы TACIS, и в отличие от соседней Белоруссии стала полноправным актором на международной арене [4, с. 22-24].

В этих реалиях создание договорной базы, ее имплементация и установление стабильных отношений заняло у ЕС и Украины 8 лет. Только 1 марта 1998 г. вступило в силу Соглашение о партнерстве и

сотрудничестве между Украиной и Евросоюзом, которое создало условия для более тесного сотрудничества. Правда, все еще было трудно говорить о большой интенсивности отношений и о том, что они могут связать Украину с прозападным вектором политики на постоянной основе. Только Оранжевая революция, то есть бунт украинского общества против фальсификации результатов второго тура президентских выборов, состоявшихся в декабре 2014 г., стала переломным моментом, приведя к коренным изменениям в истории Украины и ее международном положении. Пришедшая к власти элита – объединенная вокруг президента Виктора Ющенко – получила мощную поддержку со стороны ЕС (который на начальной стадии украинского кризиса долго воздерживался от занятия определенной позиции). Тогда взаимоотношения явно стали более интенсивными и динамичными, были предложены новые формы сотрудничества, в том числе помогающие процессу демократизации украинской законодательной системы. Европейский инвестиционный банк увеличил объем выделяемых средств, предназначенных на реализацию проектов на Украине до 250 млн. евро, что составило почти половину квоты, выделяемой на финансовую поддержку стран СНГ [4, s. 22-24].

Однако во всех этих действиях украинцы не увидели принципиального сигнала, то есть перспективы членства. Брюссельские чиновники ни разу не произнесли ни единой фразы, которую над Днестром можно было бы истолковать как открытие хотя бы очень отдаленной перспективы присоединения Украины. Лишь Европейский парламент в резолюции, принятой 13 января 2005 г., призвал государства-члены и Европейскую комиссию рассмотреть иные формы сотрудничества с Украиной, выходящие за рамки, очерченные Европейской политикой соседства и Планом действий, которые предоставили бы четкие европейские перспективы этому государству [1, s. 8-10].

С другой стороны, Оранжевая революция на Украине принесла лишь эйфорию, а не качественное преобразование украинских политических элит и не открыла дорогу углубленным экономическим, социальным и политическим реформам. Результатом стало разочарование каждой из сторон. Более того, скептические брюссельские чиновники и европейские политики получили очередное доказательство, что Украина еще не готова к принятию на себя роли серьезного стратегического партнера. На Украине позицию Брюсселя в отношении ее перспектив на членство восприняли как свидетельство отсутствия у Запада воли к

более решительным шагам. Это сопровождало отсутствие серьезного осмысления допущенных ошибок в европейской политике Киева. В результате произошел возврат к пропагандируемой еще президентом Кучмой идее многополюсности и поиску своего специфического, украинского пути развития. Особенное значение она получила после прихода к власти Виктора Януковича, и в настоящее время является основой для отношений ЕС-Украина [1, s. 8-10].

Внутренние условия для сотрудничества Украины с Европейским Союзом

Украина играет ключевую геополитическую роль в Центрально-Восточной Европе. Она граничит с государствами ЕС (Венгрия, Польша, Румыния, Словакия), с все активнее стучащейся в двери Европы Молдавией, с претендующей на роль гегемона, причем не только в регионе, Россией, а также управляемой последним европейским диктатором по-прежнему непредсказуемой Белоруссией. Украинские демократические стандарты, хотя и не свободные от недостатков и не всегда соблюдаемые, находятся на уровне, несравненно более высоком, чем в Белоруссии или в российской «суверенной демократии». Следует отметить, что, в отличие от выборов в России, на Украине перед оглашением результатов неизвестно, кто станет победителем. В день выборов в России единственной неизвестной является степень поддержки провластного кандидата. На Украине борьба за каждый голос и непредсказуемость результата – постоянная характеристика политической системы. Это стоит подчеркнуть, поскольку на пространстве СНГ это является лакмусовой бумажкой для процесса демократизации и указателем места между европейской и постсоветской культурой. Вместе с тем, сотрудничество с европейскими институтами Украине затрудняют несколько факторов. Среди них на первом плане находятся состояние экономики и внутривластная ситуация [6].

Главные направления сотрудничества ЕС и Украины

Помимо отсутствия политических и экономических реформ, с точки зрения ЕС важную проблему представляют размеры украинского государства. При ее гипотетическом членстве в ЕС, она стала бы шестым государством по числу жителей и вторым (после Франции) по размеру территории. Это не способствует далекоидущим планам сначала включения Украины в сферу постоянного влияния ЕС, а затем – в

очень долгосрочной перспективе – ее принятию в союз. Помимо связанной с историческими стереотипами привычки большинства западноевропейских политиков рассматривать возникшие на месте СССР государства (кроме прибалтийских) как сферу российского влияния, которую во имя добрых отношений с Москвой не следует нарушать, свою роль играли тут и экономические факторы – поддержка украинской экономики требует несравненно больших расходов, чем, скажем, подобные инвестиции в Молдавию [4, s. 22-24].

В таком контексте следует признать, что прежние инструменты сотрудничества, выработанные ЕС в отношениях с Украиной, были адекватны лишь ограниченным целям. Поэтому большая часть предпринимаемых Евросоюзом шагов направлялось в сторону поддержки стабилизационных реформ. Таковую цель преследовали запуск первой программы TACIS после начала трансформационных процессов на востоке Европы, а также поддержка демократических и рыночных реформ на пространстве бывшего СССР. Подписание в 1994 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС открыло Украине на постоянной основе доступ к фондам, выделяемым Брюсселем. Но это все не были действия, которые могли бы повлиять на геополитическую игру, в которой ориентированная на Запад Украина стала бы эффективным средством сдерживания неоимперских амбиций России. И ЕС в целом, и отдельные страны-члены, за небольшими исключениями, как, например, Польша до 2007 г., вообще не хотели играть в эту игру [4, s. 22-24].

Большой интерес к украинским делам возник только с принятием в Евросоюз государств Центральной Европы. Отсюда и ее включение в Европейскую политику соседства. Но до недавнего времени Украина, при всем своем значении, не рассматривалась в качестве приоритета. Применимо к восточным соседям ЕС принял стратегию выстраивания договорных отношений – от первых соглашений о партнерстве и сотрудничестве до предложенных позднее договоров об ассоциации. Ее сопровождало предложение развивать сотрудничество в конкретных секторах – от поддержки строительства правового государства до экономических реформ и планов по отмене визовых ограничений. Это секторальное сотрудничество должно было стать главной сферой развития отношений ЕС-Украина и очевидным шансом для последней на приближение к европейским стандартам [1, s. 8-10].

Цели сотрудничества, предлагаемые Соглашением об ассоциации между Евросоюзом и Украиной

Стратегической целью ЕС не была интеграция Украины в его состав. Для большей части политической элиты Евросоюза достаточным было предотвращение – насколько это не требовало больших финансовых расходов и не влекло крупных политических издержек в отношениях с Россией – возможных кризисных ситуаций в Киеве, которые могли бы непосредственно угрожать стабильности и безопасности государств – членов союза. Учитывались также непосредственные экономические интересы фирм, инвестирующих в Украину. Последняя рассматривалась только как элемент строительства новой политики и выработки новых инструментов в отношении ближайшего соседства. В Европе не получила значительной поддержки мысль, что отношения с Украиной должны развиваться на основе особого статуса, который на пространстве СНГ в течение многих лет был зарезервирован только для Российской Федерации [6].

С этой точки зрения переговоры над Соглашением об ассоциации стали переломным моментом, поскольку впервые к Украине был применен эксклюзивный подход. После подписания Соглашения участие Украины в двух важнейших инициативах, реализуемых в рамках политики соседства в регионе, т.е. Черноморская синергия и Восточное партнерство, уже не будет исключительной формой ее сотрудничества с ЕС. Эти программы теперь имеют лишь вспомогательное значение для выполнения Соглашения об ассоциации [4, s. 22-24].

Соглашение об ассоциации и целенаправленная политика в отношениях Украины и Евросоюза могут иметь переломное и фундаментальное значение в нескольких плоскостях. Основой станет начало процесса гармонизации украинского законодательства с правом ЕС. Соответствие украинского права европейскому, когда возникнут условия для продолжения расширения ЕС, будет иметь решающее значение для перспектив членства Киева в Евросоюзе. Кроме того, принятие европейских стандартов в сферах сертификации продукции, регулирования экономической деятельности откроет дорогу на европейские рынки большому количеству украинских товаров, а сопровождающая их рекламная кампания сделает Украину более близкой для европейских граждан. Не меньшее значение имеют обязательства Киева в отношении реформ по укреплению государственных институтов и соблюдению прав человека. Соглашение об ассоциации, и особенно его импле-

ментация, может стать фактором, уменьшающим поползновения власть предержащих на Украине на нарушение демократических стандартов. Реализация Соглашения предоставит Украине шанс уйти от постсоветской системы – политической и правовой – и приблизиться к европейским стандартам [1, s. 8-10].

Условием осуществления позитивных перемен будет серьезное отношение Европейского Союза к ассоциации с Украиной. Он должен постоянно оказывать давление, побуждающее Киев к выполнению условий Соглашения. Если Брюссель позволит Киеву подойти выборочно к взятым на себя обязательствам, как это было в случае с Соглашением о партнерстве и сотрудничестве, это обернется разочарованием для прозападной части украинского общества, а ЕС заставит усомниться в серьезности намерений его восточного соседа. Таким образом, для многих украинцев сотрудничество их страны с ЕС дает надежду на понуждение политических элит к проведению более решительных реформ [4, s. 22-24].

Часть экспертов обращает внимание на компромиссный для каждой из сторон характер ассоциации. Подписание Соглашения не требует от ЕС дать обещание о будущем вступлении Украины в союз, вместо того подчеркивается намерение развивать сотрудничество, выраженное в придании Украине особого статуса. Для Украины статус ассоциированного государства может стать подтверждением правильности политического курса на установление тесного сотрудничества с Западом и надеждой на последующие шаги, которые приблизят ее к членству. Таким образом, ассоциация Украины с ЕС ничего не обещает, но ничего и не исключает. Благодаря такой форме каждая из сторон может получить – по крайней мере потенциально – чувство удовлетворения, что во взаимных отношениях не случалось слишком часто [1, s. 8-10].

В результате подписания Соглашения об ассоциации Украина не станет частью Евросоюза, но сделается частью связанного с ним экономического проекта. Это даст шанс на постоянное влияние европейских норм на Украину. Принятие европейских стандартов сертификации и правил рыночной игры с течением времени все больше будет сближать украинскую экономическую систему с европейской. Адаптация европейского законодательства изменит ее правовую систему и окажет позитивное влияние на систему политическую [4, s. 22-24].

Переговоры о зоне свободной торговли

Соглашение об ассоциации включает создание зоны свободной торговли. Если ассоциация является главной политической целью Киева, то переговоры о создании зоны свободной торговли между Украиной и ЕС в большей степени форсировались Брюсселем. Хотя товарооборот между ЕС и Украиной уступает объемам торговли Украины со странами СНГ, но для Евросоюза Украина является важным экономическим партнером [7].

В 2010 г. Украина продала в Европейском Союзе товаров на сумму 11,4 млрд. евро, а купила на 17,3 млрд. евро. В рекордном 2008 г. государства ЕС экспортировали на Украину товаров на 25,1 млрд. евро, тогда как импорт из Украины составил только 14,5 млрд. евро. Доля Украины в товарообороте ЕС относительно невелика и составляет 0,8 % импорта и 1,3 % экспорта. Ее важнейшие торговые партнеры в Евросоюзе – это Германия (около 19 % товарооборота), Италия и Польша (по 11 %). Отличительной чертой для структуры товарооборота Украины со странами ЕС является заметная разница в характере торговли со старыми и новыми членами Евросоюза. Из старых стран ЕС Украина в основном импортирует товары и услуги, тогда как новые, особенно ближайшие соседи, служат важнейшими рынками украинского экспорта. Стоимость украинского экспорта в Германию и Польшу примерно одинакова, но вот объем импорта из этих стран существенно различается [2].

Чтобы лучше понять цели украинской дипломатии при переговорах о создании зоны свободной торговли, следует присмотреться к структуре товарооборота Украины. Данные Евростата за 2010 г. показывают, что экспорт и импорт сельскохозяйственной продукции сбалансированы, как и торговля сырьевыми ресурсами, тогда как баланс в торговле продукцией химической промышленности, машиностроения, средствами транспорта отрицательный [7].

Государства ЕС заинтересованы в либерализации торговли и переходе Украины на европейские стандарты, но при этом не хотят допускать в широком масштабе определенные украинские товары (прежде всего, продовольственные товары, изделия металлургической и химической промышленности) на европейские рынки. Польские, французские и немецкие производители боятся конкуренции с более дешевой украинской сельскохозяйственной продукцией, а химические компании (особенно из Германии) предпочитают продавать свою продук-

цию на украинском рынке, в крайнем случае сотрудничать с украинскими партнерами, но не допускать конечную продукцию украинской химической промышленности на европейские рынки. В то же время представители Arcelor Mittal и US Steel предостерегают, что допуск продукции украинской металлургии разбалансирует рынок ЕС. Это можно трактовать как попытку сохранения положительного торгового баланса в вышеназванных сферах [2]. В свою очередь, для украинской политической и экономической элиты, главной целью является возможно более широкий доступ на рынки ЕС как раз для продукции металлургического и химического секторов. Поэтому неудивительно, что со времен президента Януковича Киев старается получить у Брюсселя уступки в этих сферах, даже если это затрудняло процесс переговоров по Соглашению об ассоциации.

Проблемы виз и миграции

Переговоры об облегчении для украинцев порядка пересечения границы ЕС были менее сложными, чем по зоне свободной торговли, хотя назвать их легкими тоже нельзя. Целью Украины стало подписание договора о безвизовом режиме, для чего она в течение целого ряда лет предпринимала последовательные шаги, которые не могли не быть замечены и оценены в Брюсселе. Украина серьезно реформировала пограничную службу, эффективно используя выделяемые на эти цели средства из фондов ЕС. Брюссель позитивно оценил создание еще при Януковиче при министерстве внутренних дел Государственной миграционной службы [5].

Благодаря стараниям украинской стороны был принят визовый план действий, бравший за образец подобные документы, ранее подписанные с балканскими государствами. Он поставил перед Украиной трудные задачи, но взамен дал шансы на введение безвизового режима. Самым серьезным вызовом являлась перестройка правовой системы во главе с прокуратурой, которая должна в большей степени соответствовать европейским образцам. ЕС ожидал также более эффективной борьбы с коррупцией. Технической проблемой стало введение биометрических документов: Украина в этом отношении далеко отставала от России, Молдавии и Белоруссии [1, s. 8-10].¹

¹ Как известно, Украина смогла преодолеть описанные выше трудности, и 11 июня 2017 г. безвизовый режим между ней и Европейским Союзом вступил в силу. — *прим. перев.*

В отличие от предыдущих документов такого типа, соглашение с Украиной включает один пункт, который носит выраженный защитный характер со стороны ЕС. В нем говорится, что Европейская комиссия, оценивая прогресс Украины в выполнении взятых на себя обязательств, будет также анализировать потенциальное влияние отмены виз на увеличение нелегальной миграции из-за восточной границы [5].

По своему географическому положению Украина привлекает множество мигрантов как транзитное государство по пути на Запад. Еще перед вступлением государств Центральной Европы в Европейский Союз главным направлением нелегальной миграции была украинско-словацкая граница. В 1999-2003 гг. на этом участке украинская пограничная служба задержала 10806 нелегальных мигрантов, тогда как за этот же период на польско-украинской границе – 4094, на украинско-венгерской – 5352 и на украинско-румынской – 1014. После вступления новых членов в Евросоюз и в Шенгенскую зону введение виз, а также усиление охраны внешней границы ЕС значительно уменьшили количество попыток нелегального пересечения границы [3, s. 87].

Украинцы – довольно мобильный народ. По данным Международной организации по миграции, в последние годы эмигрировали 6,5 млн. украинцев (из 42 млн. жителей). Украинцы занимают пятое место среди мигрантов. Главными направлениями миграции являются: Польша, Российская Федерация, Соединенные Штаты, Израиль и Казахстан. В случае с миграцией в Польшу можно предположить, что для части украинцев это только первый этап их перемещения по странам Евросоюза. Среди украинских трудовых мигрантов большая часть находит работу в строительстве (54%), гораздо меньше заняты в домохозяйствах (17%) или в аграрном секторе (9%). Это довольно квалифицированные мигранты: 59 % имеют среднее образование, 14% – высшее, 17% – неполное высшее, тогда как начальное – только 10%. Лишь в редких случаях работа в эмиграции соответствует уровню их квалификации. География миграции отражает географию доходов населения, поэтому Западная Украина по этому показателю решительно опережает более богатые восточные регионы страны [3, s. 88].

Российско-украинские отношения и политика Европейского Союза

Одним из факторов, в наибольшей степени ослабляющих инструменты политики ЕС в отношении всего восточного соседства, в том числе и Украины, является уступчивая позиция Евросоюза в отношениях с Россией. Тихое согласие на то, что пространство бывшего СССР остается исключительно сферой стратегических интересов России, ослабляет для Европы возможности воздействия. Особый статус, который Москве удалось получить в отношениях с ЕС, приводит к тому, что Россия не только использует его в двусторонних отношениях с Евросоюзом, но и пытается влиять на его отношения с другими постсоветскими государствами. Лучшим примером этого была реакция российских политиков на появление инициативы «Восточного партнерства». Уже оглашение проекта в 2008 году встретило резко отрицательную реакцию. Сенатор Александр Бабаков прямо заявил, что это проявление польских державных амбиций и игнорирование справедливых традиционных интересов России на пространстве СНГ. Перед открытием «Восточного партнерства» свои предостережения в адрес новой инициативы высказал также российский министр иностранных дел Сергей Лавров, который 21 марта 2009 г. во время ежегодной конференции Брюссельского форума подчеркнул, что «Восточное партнерство» – это попытка раздела Европы на сферы влияния. Высказывания такого рода следовало рассматривать как попытки оказания давления с целью ограничения проекта до неконкурентных сфер по отношению к российской политике. Но нужно обратить внимание еще на один аспект. Попытки недопущения расширения европейских стандартов на государства бывшего СССР для России являются оборонительной политикой в двух отношениях.

Во-первых, она не желает делиться влиянием в сфере, которая была создана в значительной степени в соответствии с российскими экономическими и политическими интересами. Во-вторых, важны соображения внутренней политики. Процесс движения Украины на Запад и связанная с этим модернизация опосредованно влечет за собой подобные изменения в самой России. Динамично меняющаяся прозападная Украина – это большой вызов для Кремля. Правители России, которые до сих пор использовали лозунг модернизации в качестве одного из имиджевых элементов во время отдельных избирательных компаний (например, президентских Путина в 2000 г. и Медведева в 2008 г.), теперь могут быть вынуждены его реализовывать [3, s. 87].

Частые высказывания виднейших российских политиков, пытающихся представить проект «Восточного партнерства» в антироссийских категориях, являются попытками (порой удачными) позиционирования проблематики отношений Евросоюз – страны «Восточного партнерства» в соответствии с намерениями Москвы. Они вписываются в постоянную линию российской политики, которая видна также в сфере, в которой Россия особенно старается сохранять монопольные позиции – в проблематике региональной безопасности. Удержание Украины в сфере российских интересов не оставляет шансов на вступление Киева в Североатлантический союз [4, s. 22-24].

Необходимо подчеркнуть, что политика всех президентов Украины была направлена на недопущение полной зависимости от России. Заметно повлияли на ее формирование первые российские декларации после распада СССР, в которых Украина признавалась «временным государством». Полная зависимость Киева от Москвы стала бы началом выполнения такого сценария. Укрепление сотрудничества Украины с Западом, наоборот, отдаляет такую перспективу [3, s. 87].

Заключение

Главной проблемой политики ЕС в отношении Украины является отсутствие воли ее будущей интеграции. Это касается как структур Евросоюза, так и отдельных государств-членов. Эту сдержанность можно понять, но нужно отдавать себе отчет, что игнорирование украинских устремлений на вступление в ЕС ослабляет шансы влияния Евросоюза на ситуацию в Киеве. Следует признать, что в случае, если ЕС не намерен давать обещания, касающиеся членства, он должен высылать четкие сигналы, что не считает процесс европейской интеграции Украины завершенным.

В настоящее время, когда ЕС сигнализирует, что у Украины нет перспектив членства, власти в Киеве и украинский бизнес не хотят во имя обещаний возможного будущего сотрудничества отказываться от протекционистской политики. Соединение деклараций о важности копенгагенских критериев с либерализацией торговли и расширением доступа украинских товаров на европейские рынки может стать необычайно действенным инструментом, который углубит сотрудничество Украины и ЕС.

Эффективная политика Евросоюза в отношении Украины должна быть направлена на более широкий, чем до сих пор, круг адресатов

сотрудничества. Не менее важным, чем контакты с представителями власти, является создание и поддержание проевропейских настроений в обществе. Поэтому долговременной целью институтов ЕС должна быть поддержка создания критической массы из представителей малого и среднего бизнеса, академических элит, представителей свободных профессий, которая вынудит правящие элиты в Киеве к проведению решительных реформ.

(Перевод с польского О.Ю. Михалева)

Литература

1. Dubas A. Pierwsze reakcje na inicjatywę Wschodniego Partnerstwa / A. Dubas, A. Kozłowska, K. Kłysiński, J. Gotkowska, W. Rodkiewicz, P. Wołowski // Tydzień na Wschodzie. – 2008. – No.18.
2. Fehler W. Polityka Unii Europejskiej w zakresie bezpieczeństwa wewnętrznego / W. Fehler, K.P. Marczuk. – Warszawa, 2014.
3. Górka S. Drugorzędna polityka o dużych perspektywach rozwoju. Rzecz o polityce wschodniej UE / S. Górka // Polska w grze międzynarodowej / Red. J. Kloczkowski. – Kraków, 2010.
4. Konieczna J. Ukraine after the “Orange Revolution”: changes in the social attitude and values / J. Konieczna. – Warsaw, 2006.
5. Kost P. Ukraina wobec Unii Europejskiej. 1991-2010 / P. Kost. – Warszawa, 2011.
6. Lyubashenko I. Ukraina w Partnerstwie Wschodnim: nowe wyzwania / I. Lyubashenko // Liberte.pl. – 2009. – 16.05. [Electronic resource]. – URL: <http://www.liberte.pl/component/content/article/513.html> (accessed date: 21.04.2017).
7. Nowaczek K. Polityka Unii Europejskiej wobec procesów migracyjnych / K. Nowaczek. – Toruń, 2004.
8. Pogorzelski P. Ukraina. Niezwykli ludzie w niezwykłych czasach / P. Pogorzelski. – Warszawa, 2015.

УСИЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И РОСТ ВЛИЯНИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Комарова Людмила Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(г. Донецк, ДНР)

Плахотнюк Анна Сергеевна

аспирант ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(г. Донецк, ДНР)

e-mail: PlahotAnna@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос усиления националистических и сепаратистских тенденций в странах бывшего Советского Союза и влияния на данный процесс националистических идеологий. Результатом возросших националистических веяний в странах СНГ является нестабильная политическая ситуация, поляризация государства и образование неконтролируемых территорий. Отстаивается идея о том, что данный спектр проблем должен быть приоритетным в повестке дня стран-участниц СНГ.

Ключевые слова: национальная идеология, этнонациональный конфликт, этнотерриториальный конфликт, национализм, сепаратизм.

THE INCREASING OF ETHNO-POLITICAL TENSIONS AND THE RISE OF NATIONALIST IDEOLOGY IN THE POST-SOVIET SPACE

Komarova Lyudmila

Candidate of Historical Sciences, Associate professor

Donetsk National University (Donetsk, DPR)

Plahotnyuk Anna

Postgraduate, Donetsk National University

(Donetsk, DPR)

e-mail: PlahotAnna@yandex.ru

Summary. This article discusses the strengthening of nationalist and separatist tendencies in the countries of the former Soviet Union and the impact on this process the nationalist ideologies. The result of the increased nationalist tendencies in the CIS countries is the unstable political situation, the po-

larization of state and the formation of uncontrolled territories. Advocate that this range of problems should be a priority in the agenda of the countries-participants of the CIS.

Key words: *national ideology, ethnic conflict, ethno-territorial conflict, nationalism, separatism.*

Катастрофа глобального масштаба – крушение СССР – спровоцировала кардинальные политические и экономические изменения, которые трансформировали систему мировых межгосударственных отношений. Кроме того, уже независимые государства столкнулись с необходимостью возводить собственный фундамент в государственном строительстве, в процессе которого выявились и дали о себе знать противоречивые и трудноразрешимые вопросы. Среди них существенную нишу занимают вопросы этнополитического и этнотерриториального характера, возрастающая роль праворадикальных, националистических и популистских группировок, усилившиеся дезинтеграционные тенденции и усиление позиций Запада в регионе. По сей день перечисленные трудности не нашли своего разрешения и остаются актуальными вопросами в повестке дня данных государств.

Возрастание роли национализма в бывших странах Советского Союза связывают с кризисом коммунистической идеологии и необходимостью ее равноценной замены подобной, консолидирующей народ идеологией. В большинстве стран такой идеологический вакуум заполняется именно националистическими программами, которые концентрируют свое внимание на этническом, а не на либеральном гражданском типе национализма. В посткоммунистическом развитии стран Центральной и Восточной Европы можно выделить два периода, во время которых национализм особенно ярко проявился в политической жизни. Первый период длился с 1990 по 1999 г.: время, на протяжении которого происходит большая часть насильственных вооруженных конфликтов, которые в большинстве своем были «заморожены» и не разрешены. К концу 1999 г. этнотерриториальные конфликты в странах Центральной и Восточной Европы завершились, гражданские войны были «заморожены», однако все еще продолжался чеченский конфликт. События 2007-2008 гг., а также 2013-2017 гг. свидетельствуют об очередной актуализации национального вопроса в постсоветских странах. В это время в Венгрии и Польше массовые протестные движения, критикуя действия «глобализаторов», выражают свое несогла-

сие с правительственным курсом на европейскую интеграцию; утверждается новая редакция Конституции в Сербии, где она именуется «государством сербов и всех граждан, проживающих на ее территории», а также усиливается роль победившей партии националистов; в Российской Федерации активно расширяется сеть националистических организаций; все громче звучат претензии Албании и Румынии на присвоение территорий сопредельных государств; ужесточается политика «этнической демократии» в прибалтийских странах; националисты в Косово выступают против «неполной независимости Косово» [2, с. 71-75]. Переломным для Украины становится 2013 год: смена власти и политического курса, раскол государства, гражданская война и усиление роли радикального национализма в украинском обществе становятся характерными для продолжающегося уже несколько лет тяжелого кризиса. В это время в Польше к власти приходят представители национал-консервативной и католико-клерикальной партии – «Право и справедливость». Апрель 2016 года знаменовался эскалацией закавказского конфликта в Нагорном Карабахе и т.д.

Вышеперечисленный краткий обзор демонстрирует сложную ситуацию, сложившуюся на постсоветской этнополитической карте. Ввиду этого уместным будет рассмотреть различные аспекты в процессе нациестроительства некоторых постсоветских стран.

Стоит отметить, что большая часть стран бывшего СССР, категорически не принимая космополитную основу национально-культурного развития советского государства, направила свои усилия на построение однородного по своему национальному составу государства. Эта тенденция в особенности характерна для многонациональных государств с неразрешенными территориальными вопросами. На пространстве СНГ таковыми являлись Армения, Азербайджан (Нагорный Карабах), Грузия (Южная Осетия, Абхазия), Молдова (Приднестровье), Украина (Юго-Восток). Кроме того, этническая «черепополосица» и проблемы национального характера были присущи как прибалтийским, так и центрально-азиатским государствам. В Эстонии и Латвии ширились мысли об «оккупационном режиме» и возрастали русофобские настроения, в Центральной Азии, в частности в Алма-Ате, Новом Узене, Фергане, Оше, разгорались противоречивые вооруженные конфликты этно-национального характера, имеющие далекоидущие последствия для всей страны и региона в целом. О наличии явной этнической напряженности говорит тот факт, что с 1988 по 1991

гг. в рассматриваемых странах более 150 раз происходили конфликты, имеющие националистическую природу [4, с. 85-88].

Ввиду ослабления позиций России, в которой, к слову, также имелись этнотерриториальные трудности, в приведенных конфликтах значительное влияние имел фактор иностранной заинтересованности. Несомненно, оппонирующие силы, помогая «становлению демократий» в данных странах, рассчитывали на ослабление сотрудничества России со странами-сателлитами, тем самым подавляя геополитическое стремление последней быть объединяющим центром православной цивилизации. Ярким доказательством заинтересованности Запада в регионе служат «цветные революции», которые не единожды происходили на постсоветском пространстве, в частности в Грузии, Украине, Киргизии, Молдове и т.д. В свою очередь, эти «цветные» революции и последовавшие за ними конфликты, как правило, целенаправленно поддерживаемые США и другими странами Запада, не могли не вызвать ответной реакции России, которая столкнулась с опаснейшей угрозой своим жизненно важным национальным интересам [6, с. 96-100]. Заинтересованность внешних сил в раскачивании ситуации в близлежащих странах России во многом говорит и о том, что большая часть законсервированных в Советском Союзе этнических проблем, отчасти актуализировалась именно благодаря их влиянию. И действительно усиление этнополитической напряженности в постсоветский период мы можем наблюдать в Центральной Азии, Восточной Европе, Закавказье.

Говоря о Центральной Азии, нельзя не вспомнить слова известного американского аналитика З. Бжезинского, назвавшего данный регион «Евразийскими Балканами», подчеркивая тот факт, что балканский регион для Европы ассоциируется с напряженными этнополитическими конфликтами. Для Центральной Азии характерны подобные тенденции, из-за чего З. Бжезинский именует регион «котлом национальных противоречий». Можем выделить следующий ряд причин, провоцирующих такие противоречия. Во-первых, в Центральной Азии наблюдается значительная дифференциация регионов внутри стран в зависимости от уровня экономического развития, что приводит к появлению различных общественных движений, которые объединяют в своих рядах какой-либо конкретный этнос, живущий на определенной территории. К примеру, в Таджикистане такая географическая обусловленность послужила причиной нарастания противоречий между

«долинными» и «горными» таджиками, а по местному признаку общество разделилось на ленинабадские и памирские противостоящие друг другу сообщества [3]. В Киргизии конфликтогенность порождается разделением страны на тех, кто живет на юге (Ошский регион) и тех, кто обитает на севере (Бишкекский регион). Между этими регионами систематически, начиная с 1990 г., происходили вооруженные столкновения. Особую поляризующую роль в Узбекистане играет Ферганская долина, которая долгое время оставалась ареной этнического противостояния.

Во-вторых, отношения между странами усугубляет наличие ограниченных ресурсов. Борьба за их приобретение и перераспределение порождает дополнительные трудности в отношениях между центральноазиатскими государствами. Примерами тому могут послужить конфликт между таджиками и турками-месхетинцами в 1989 г. Кроме того, в 1990 г. по этой же причине накаляются отношения между узбеками и киргизами, в июне 2010 г. волнения наблюдаются в Ошской области, в 1989-1990 гг. столкновения происходят между таджиками Исфаринского района и киргизами Баткенского района.

В-третьих, наиболее существенной, с точки зрения авторов, проблемой является наличие анклавов и их негативное влияние на целостность и сплоченность государства. Границы, установленные еще при СССР и имеющие чисто административный характер, стали играть более значащую роль в политическом развитии уже независимых государств. Из-за несовпадения этнических и территориальных границ приграничные регионы обладают наибольшим конфликтным потенциалом. Поэтому неудивительно, что Ферганская долина – территория, распределенная между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном – стала источником межэтнической напряженности в регионе.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что страны Центральной Азии стоят перед сложными проблемами этнонационального характера, которые могут существенно поколебать политическую стабильность в регионе, поскольку в задействованных конфликтах, так или иначе, участвуют более двух государств. Помимо того, в Центральной Азии наличествуют сильные кланово-региональные противоречия, которые потенциально могут расколоть страну. Так, например, в 2009 году разгорелись противоречия между Узбекистаном и Таджикистаном по поводу принадлежности Самарканда и Бухары. В то же время вопрос о «Восточном Туркестане» – Синьцзян-Уйгурском ав-

тономном районе – также вносит обеспокоенность во взаимоотношениях центральноазиатских стран. В результате чего возрастают сепаратистские тенденции, что не может не беспокоить высшее политическое руководство.

Сепаратизм и проблема непризнанных территорий является общей и для такого региона, как Большой Кавказ. К этому региону было обращено особое внимание после развала СССР в связи с разгоревшимся там осетино-ингушским и чеченским кризисом, армяно-азербайджанским этно-территориальным противостоянием, грузино-осетинским и грузино-абхазским конфликтами. Все это происходит на фоне интенсивного возрастания националистических настроений в обществе, требование которого сосредоточились на необходимости признания права наций на самоопределение. Перечисленные конфликты спровоцировали появление на политической карте мира новых трех де-факто государств – Южной Осетии, Абхазии и Нагорно-Карабахской Республики. Непризнанные государства привнесли новый фактор нестабильности в межгосударственные взаимоотношения между странами СНГ. Помимо прочего, в России также стремительно возрастают сепаратистские тенденции. Потенциально одним из наиболее сложных этнополитических проблем является вопрос восстановления приграничного с Чеченской Республикой Ауховского района Республики Дагестан, населенного чеченцами-аккинцами, переселения оттуда жителей лакской национальности на новое место жительства, севернее города Махачкалы. Данный вопрос может перерасти в межрегиональный дагестано-чеченский территориальный конфликт и затрагивает интересы нескольких этнических групп: чеченцев-аккинцев, аварцев, проживающих в Новолакском (Ауховском) районе и селениях Калининаул и Ленинаул Казбековского района Республики Дагестан, лакцев Новолакского района, а также жителей трех пригородов Махачкалы, населенных кумыками (Альбурикент, Кяхулай и Тарки). В культурном, языковом, торговом, конфессиональном, информационном и экономическом отношениях чеченцы-аккинцы более ориентированы на Грозный, чем на Махачкалу. А после окончательного восстановления района нет гарантий, что муниципалитет волеизъявлением чеченского большинства не потребует отделения от Республики Дагестан и присоединения к Чеченской Республике, на что никогда не согласятся проживающие там аварцы [1, с. 107].

Определенное дезинтеграционное влияние на характер сотрудничества постсоветских стран оказывает кризис на Украине, в котором одновременно проявились две присущие для конфликтов в СНГ тенденции: усиление этнического национализма и образование неконтролируемых центральным правительством территорий. Продолжающийся и в настоящее время конфликт некоторые исследователи связывают с кризисом ценностей и национальной идеи. Ввергнутая в хаос страна нуждается в выработке по-настоящему действенной стратегии, в которой отразятся отделенные от узко понимаемого национализма идеи перспективного национального развития государства.

Таким образом, этнические и национальные конфликты, равно как и усиление националистических идеологий в странах постсоветского пространства, являются характеристикой сегодняшнего политического состояния стран СНГ, которое может спровоцировать усиление напряженности во взаимоотношении между странами Содружества и вызвать новый виток эскалации «замороженных» конфликтов. Следовательно, данный вопрос следует подвергнуть тщательнейшему теоретическому изучению для эффективной практической реализации по урегулированию имеющихся проблем.

Литература

1. Адиев А.З. Этнический национализм и конфликты на Северном Кавказе как институциональные явления / А.З. Адиев // Научная мысль Кавказа. – 2014. – №3. – С. 104-111.
2. Большаков А.Г. Этнические вооруженные конфликты в процессе демократического транзита стран Центрально-Восточной Европы и бывшего Советского Союза / А.Г. Большаков // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – №1. – С. 70-80.
3. Голубенко Т.А. Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве / Т.А. Голубенко, М.А. Дмитриенко // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012.
4. Кесян Г. Этнополитические конфликты — следствие социальных трансформаций / Г. Кесян // Обозреватель / Observer – 2009. – №6. – С. 85-91.
5. Конфликт в Украине: интерес Путина и кризис национализма // iPress.ua [Электронный ресурс]. – URL: http://ipress.ua/ru/articles/konflykt_v_ukrayne_ynteres_putyna_y_kryzys_natsyonal_yma_65384.html (дата обращения: 21.04.2017).

6. Лапкин В. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов / В. Лапкин, В. Пантин // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 12. – С. 92-103.

УДК 327(1–6СНГ)+341(1–6 СНГ)

РОЛЬ И МЕСТО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СНГ²

Косов Александр Петрович

кандидат исторических наук, доцент

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

(г. Витебск, Беларусь)

e-mail: interrel21@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор рассматривает позицию белорусского руководства относительно Содружества Независимых Государств в течение двадцатипятилетнего периода. Анализируя публичные заявления и действия белорусских властей в СНГ, он подчеркивает приоритетное место организации во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь.

Ключевые слова: Беларусь, постсоветское пространство, СНГ.

THE ROLE AND PLACE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Kosov Alexander

Candidate of Historical Sciences, Associate professor,

Head of the postgraduate studies, associate professor of the department of world history and culture,

The educational establishment "Vitebsk P. M. Masherov State University" (Vitebsk, Belarus),

e-mail: interrel21@yandex.ru

Summary. In this article the author considers the position of the Belarusian leadership on the Commonwealth of Independent States during the

² Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В.В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов).

twenty-five-year period. Analyzing the public statements and actions of the Belarusian authorities in the CIS, he emphasizes the priority of the organization in the foreign policy strategy of the Republic of Belarus.

Key words: *Belarus, Post-soviet space, Commonwealth of Independent States.*

Содружество Независимых Государств (СНГ) было образовано Россией, Беларусью и Украиной 8 декабря 1991 г. в результате подписания «Беловежского соглашения» [5, с. 301-305]. Впоследствии к тройке основателей Содружества присоединились еще восемь стран бывшего СССР. В условиях распада Советского Союза СНГ стало международной организацией, образованной с целью сотрудничества бывших союзных республик. Одним из наиболее активных участников Содружества стала Республика Беларусь. Это неудивительно, ведь Минск является неофициальной столицей СНГ. Тем самым Содружество стало для республики своеобразным имиджевым проектом. Именно в Беларуси неоднократно принимались судьбоносные для всех государств СНГ решения. Отдельные аспекты участия республики в данной организации нашли отражение в мемуарах [6; 10; 23] и исследованиях [18; 19; 21]. Однако специальных работ о деятельности Республики Беларусь в СНГ в постсоветской историографии недостаточно, поэтому представленная публикация, на наш взгляд, не будет лишней.

Цель данной статьи – рассмотреть внешнеполитическую деятельность Беларуси в отношении СНГ в контексте развития постсоветского пространства на протяжении двадцатипятилетнего периода.

Следует отметить, что с момента учреждения Содружества стремление к преобразованию СНГ в эффективную региональную организацию с высоким уровнем политического сотрудничества и экономической интеграции стало одним из ведущих внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь. Белорусское руководство положительно оценивало создание СНГ, тем более что оно имело самое непосредственное отношение к появлению данной организации. Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств было ратифицировано Верховным Советом Республики Беларусь 10 декабря 1991 г. [15]. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате белорусские представители в числе делегаций одиннадцати советских республик подписали декларацию, в которой излагались цели и принципы СНГ. В

частности, в документе указывалось, что взаимодействие участников организации «будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием» [1]. 30 декабря 1991 г. на первой встрече глав государств СНГ в Минске было подписано «Временное соглашение о Совете глав государств и Совете глав правительств Содружества Независимых Государств». Впоследствии в столице Беларуси расположились исполнительные и координирующие органы СНГ. Организационный этап создания Содружества завершился 22 января 1993 г., когда в Минске был принят основополагающий документ организации – «Устав Содружества Независимых Государств» [15].

Несмотря на участие Беларуси в процессе создания СНГ, в начале 1990-х гг. в центре общественной дискуссии оказался вопрос о целесообразности пребывания республики в составе Содружества и укрепления связей с центральным звеном организации – Россией. Оценивая первые годы существования Содружества, Председатель Верховного Совета Беларуси С.С. Шушкевич подчеркивал, что именно создание СНГ позволило избежать вооруженного противостояния и беспорядков на постсоветском пространстве [23, с. 191]. Он подвел итоги одной из первых встреч в Минске следующим образом: «Результаты существования СНГ налицо. ... На совещании в Минске найден подход, который учитывает различные мнения, различные внутренние состояния государств СНГ» [8, с. 20].

Премьер-министр В.Ф. Кебич, негативно оценивающий в своих мемуарах события в Вискулях, непосредственным участником которых он был, тем не менее, также признал, что подписание договора о новом формате отношений было необходимо [6, с. 219]. Кроме того, он указал, что в свое время у него даже возникло определенное чувство гордости за то, что столицей СНГ избрали именно Минск [6, с. 206]. При этом В.Ф. Кебич был горячим сторонником сближения с Россией. Он считал, что объединение Беларуси с Российской Федерацией заинтересует и другие постсоветские государства и, таким образом, ускорит процесс объединения в рамках всего Содружества [19, с. 34-35].

Позитивно говорил о СНГ и первый министр иностранных дел Республики Беларусь П.К. Кравченко. Он отмечал, что «... в обществе известие о роспуске СССР и создании СНГ было принято с эйфорией... Считаю, что особенно повезло Беларуси. Без единого выстрела, без крови, как в Тбилиси или Вильнюсе, мы легко получили то, о чем мечтали столетиями поколения нашего народа» [10, с. 199]. В октябре 1992 г. в своем выступлении на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН П.К. Кравченко назвал СНГ вынужденной, но неизбежной для постсоветских стран формой экономического выживания. Дипломат подчеркивал, что Беларусь рассматривает Содружество не столько как цивилизованную форму экономического «развода» бывших советских республик, сколько как возможность сообща подготовиться к вступлению в общеевропейский рынок [19, с. 98]. Более того, будучи приверженцем концепции Большой Европы, П.К. Кравченко выдвинул инициативу «Минск – Восточный Брюссель», предусматривавшую придание белорусской столице функций центра интеграционных процессов в СНГ с целью создания в перспективе Восточно-Европейского Экономического Сообщества [9, с. 49].

Однако в 1990-е гг. в Беларуси были политические силы, выступавшие против участия республики в Содружестве. Так, курс правительства подвергался критике со стороны белорусских националистов в лице Белорусского Народного Фронта (БНФ). В 1992-1993 гг. они добивались выхода Беларуси из состава СНГ и создания альтернативного Балтийско-Черноморского союза в составе Беларуси, Латвии, Литвы, Украины и Эстонии. Так, руководитель БНФ З.С. Позняк требовал вывода страны из состава СНГ (в лучшем случае он допускал возможность сохранения ею статуса ассоциированного члена Содружества) и был категорически против сближения с Россией [19, с. 36]. Свое требование выхода из Содружества националисты, во-первых, мотивировали потенциальной угрозой со стороны России, подверженной имперским амбициям, белорусскому суверенитету. Во-вторых, они утверждали, что союз Минска с Москвой обострит отношения Беларуси с другими постсоветскими государствами [18, с. 25].

Свой вариант реализации внешней политики предлагали Партия коммунистов Беларуси, Славянский Собор «Белая Русь», Либерально-демократическая партия Беларуси, Движение за социальный прогресс и справедливость, Народное движение Беларуси. Поддерживая про-российский курс правительства, они настаивали на более решитель-

ном сближении с Россией (вплоть до создания единого государства) в противовес отношениям с Западом. Обычным явлением в их программных документах начала 1990-х годов было требование восстановить СССР в той или иной форме. В частности, в заявлении Совета Движения за социальный прогресс и справедливость от 29 декабря 1991 г. говорилось: «Трудящиеся Республики Беларусь должны знать, что с образованием СНГ они лишаются права быть гражданами великой страны, в строительство и защиту которой они внесли немалый вклад, лишаются права называть своим Отечеством государство от Бреста до Курил, от Ямала до Кушки». Конгресс народов Беларуси, созданный по инициативе Народного движения Беларуси в сентябре 1993 г., призывал «признать политической ошибкой соглашение о создании СНГ, приступить к созданию военного, экономического и политического союза братских республик, а затем к созданию единого государства» [19, с. 37].

Тем не менее, альтернативы участию Беларуси в СНГ в 1990-е гг. не было, поэтому белорусские представители активно включились в работу координирующих органов Содружества – Межпарламентской Ассамблеи, Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны, Главного командования Объединенных вооруженных сил, Совета командующих пограничными войсками, Совета по железнодорожному транспорту, Межгосударственного совета по космосу, Электроэнергетического совета, Межгосударственного экономического комитета, Межгосударственного экологического совета, Экономического суда, Комиссии по правам человека и т.д. В Минске стали проводиться рабочие встречи глав государств и правительств, министров стран СНГ. Кроме того, в белорусской столице разместились постоянные исполнительные и координирующие органы СНГ: Консультативный комитет и Исполнительный Секретариат. 18 января 1994 г. Верховный Совет Республики Беларусь ратифицировал Устав СНГ, принятый на заседании Совета руководителей государств в Минске 22 января 1993 г. [19, с. 98]. Правда, при ратификации Устава Беларусью были сделаны определенные оговорки. Например, о том, что «размещение и применение Вооруженных Сил Республики Беларусь на территории других государств-членов Содружества, равно как размещение и применение вооруженных сил других государств-членов Содружества на территории республики, без разрешения Верховного Совета Республики Беларусь не допускается» [20]. Это было связано с

нежеланием республики принимать участие в вооруженных конфликтах на постсоветском пространстве. Хотя подключение Республики Беларусь к системе коллективной безопасности СНГ стало важным приоритетом в сфере безопасности страны. Еще в декабре 1991 г. Минск поддержал предложение о сохранении единого оборонного пространства СНГ, однако в мае 1992 г. отказался присоединиться к Ташкентскому договору, положившему начало реальному созданию системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве [9, с. 88]. Известно, что в рамках системы коллективной безопасности СНГ белорусское правительство намеревалось сотрудничать преимущественно с Россией, но без участия белорусских военнослужащих в горячих точках на постсоветском пространстве. Позиция главы правительства о необходимости присоединения Беларуси к системе коллективной безопасности СНГ и укрепления военных связей с Россией вызвала в стране широкую общественную дискуссию. В поддержку В.Ф. Кебича выступили Союз офицеров Беларуси, руководители государственных промышленных предприятий, коммунисты и ряд идейно близких им партий и общественных движений. Против выступали сторонники БНФ, социал-демократы и либералы [19, с. 55]. Тем не менее, большинство депутатов Верховного Совета Республики Беларусь добивалось ускоренного подключения страны к системе коллективной безопасности СНГ. Инициатива БНФ относительно сохранения Беларусью нейтрального статуса не получила широкой поддержки в белорусском парламенте и тихо угасла [19, с. 56].

Важное место во внешней политике Беларуси заняла экономическая интеграция в рамках Содружества. Так, в марте 1993 г. премьер-министр страны В.Ф. Кебич высказался в поддержку создания Экономического союза СНГ. Он считал, что союз нужно выстраивать на основе взаимных обязательств постсоветских государств в сфере торгово-экономических отношений, координации их бюджетной, финансовой, расчетной политики, согласования денежной эмиссии, усиления материальной ответственности за срыв договорных обязательств. Для улучшения деятельности союза В.Ф. Кебич рекомендовал создать постоянные структуры с участием заместителей глав правительств (вице-премьеров). Весной 1993 г. премьер-министр запросил у белорусских парламентариев полномочий на участие в создании Экономического союза СНГ и получил их. В результате 24 сентября 1993 г. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушке-

вич вместе с руководителями Азербайджана, Армении, Казахстана, Молдовы, России, Таджикистана и Узбекистана на встрече в Москве подписал Договор об Экономическом союзе СНГ. Однако в то время дезинтеграционные процессы в Содружестве преобладали, и практического воплощения подписанный документ не получил [19, с. 99].

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. Минск возлагал большие надежды на СНГ. Однако из-за неэффективности функционирования Содружества по ряду объективных и субъективных причин приоритетными для Беларуси по многим направлениям стали отношения с Российской Федерацией [2, с. 43]. Тем не менее, белорусская сторона не отказалась от участия в СНГ. 21 октября 1994 г. президент Беларуси А.Г. Лукашенко вместе с другими руководителями государств СНГ подписал меморандум «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств», где подчеркивалась необходимость постепенного формирования эффективной интеграционной структуры Содружества и допускалась возможность придания некоторым органам СНГ определенных межгосударственных полномочий в согласованных сферах [19, с. 100-101]. Белорусский президент сделал сотрудничество на постсоветском пространстве одним из приоритетных направлений внешней политики страны. Так, 25 ноября 1997 г. А.Г. Лукашенко обнародовал заявление относительно перспектив развития СНГ. Ратуя за углубление взаимодействия постсоветских государств, он предложил дать гражданам стран СНГ одинаковые и максимально широкие права на территории Содружества в сферах социального обеспечения, образования, здравоохранения, трудоустройства, владения имуществом. Кроме того, А.Г. Лукашенко хотел договориться о координации позиций по важнейшим международным вопросам, в том числе в международных организациях; объединить усилия при вступлении в ВТО; активизировать работу МЭК; создать механизм, обеспечивающий исполнение членами СНГ их обязанностей; реорганизовать структуры СНГ; усилить роль Экономического суда СНГ; создать совместный телеканал и т.д. Однако в то время его предложение не вызвало значительного отклика у руководителей других государств Содружества [19, с. 101].

Несмотря на перенос Беларусью со второй половины 1990-х гг. усилий на развитие белорусско-российской интеграции, руководство страны не утратило интереса к СНГ. Так, излагая на саммите в казахстанском Чимбулаке (28 февраля – 2 марта 2002 г.) позицию Респуб-

лики Беларусь относительно Содружества, А.Г. Лукашенко подчеркнул необходимость расширения экономического взаимодействия государств СНГ, активизации усилий по созданию зоны свободной торговли [4, с. 169]. Намерение и дальше развивать сотрудничество со странами Содружества на основе общих экономических, внешнеполитических интересов и обеспечения коллективной безопасности А.Г. Лукашенко подтвердил и в ежегодном послании белорусскому народу и парламенту Республики Беларусь в апреле 2002 г. По его словам, Беларусь намерена и в дальнейшем активно поддерживать позитивные тенденции разноформатной, разноскоростной интеграции в рамках СНГ [4, с. 186].

Отсутствие весомых результатов в функционировании СНГ в первой половине 2000-х гг. дало основания А.Г. Лукашенко публично выразить свое недовольство. Так, в ежегодном послании белорусскому народу и парламенту Республики Беларусь в апреле 2004 г. он указал на то, что на фоне динамичного развития ЕС «совсем вялой, «хилой» и безвольной выглядит наше Содружество Независимых Государств. Эта структура еще дышит, но за год не решила ни одного серьезного вопроса». При этом глава республики подчеркнул, что позиция Беларуси осталась неизменной: «мы за сильное Содружество» [4, с. 368.]. 22 июля 2004 г. в докладе «Внешняя политика Беларуси в новом мире» А.Г. Лукашенко указал на затянувшийся поиск оптимальных и адекватных форм и конфигураций интеграции участниками СНГ. По его словам, очень много делается нужного и полезного, отвечающего интересам всех, но также в Содружестве слишком много дублирования, неразберихи, невыполнения не то что устных договоренностей, а подписанных соглашений [4, с. 431].

Беларусь не просто страна пребывания штаб-квартиры СНГ. У республики много интересов, прежде всего экономических и энергетических, на всем пространстве СНГ. Поэтому белорусское руководство было намерено и далее поддерживать эффективную работу органов Содружества, добиваться устранения ненужного параллелизма в их функционировании, развивать двусторонние отношения со странами СНГ, укреплять международные позиции СНГ [4, с. 432]. Исходя из этого, официальный Минск характеризовал СНГ как необходимое, несмотря на имеющиеся проблемы и недоработки, обеспечивающее инфраструктурное единство постсоветского пространства. В частности, как признавал в 2006 г. министр иностранных дел

Беларуси С.Н. Мартынов, разговоры о том, что СНГ «скорее мертвое, чем живое» не имеют под собой ни политических, ни юридических оснований. По его мнению: «Направления, на которых работает СНГ, и роль СНГ – фактически безальтернативны. Это и зона свободной торговли, это и система ПВО, это и взаимодействие в гуманитарной сфере. Ну и, наконец, СНГ не имеет альтернативы в качестве политической площадки для взаимодействия и совместной работы лидеров государств его составляющих» [17]. Правда, во многом данные заявления по-прежнему оставались лишь словами, так как воплотить их в реальность Беларуси было не под силу из-за преобладания разнонаправленных тенденций над интеграционными внутри Содружества.

Во второй половине 2000-х – середине 2010-х гг. белорусская сторона продолжила предпринимать шаги по повышению имиджа СНГ. Для дальнейшего укрепления авторитета Содружества внутри организации и за ее пределами Республика Беларусь призывала к сплоченности государств-участников при отстаивании интересов партнеров по СНГ на международной арене, в том числе на площадке ООН. Свидетельством являются как публичные заявления белорусского руководства, так и попытки реализации белорусских предложений на практике. Так, президент А.Г. Лукашенко продолжил говорить о том, что Беларусь всегда выступала за сохранение Содружества как полноценной международной организации, нацеленной на развитие региональной интеграции. По его словам, «СНГ нашло свое место в системе интеграции на постсоветском пространстве и стало хорошей площадкой, в том числе для двусторонних встреч». С точки зрения белорусского президента, сильными сторонами Содружества являются «организация взаимодействия по самым различным направлениям, равноправие государств-участников, гибкость форматов коллективного сотрудничества и механизмов принятия решений». Поэтому «Беларусь твердо стоит на позициях сохранения и укрепления этого интеграционного образования, а также более полного использования его созидательного потенциала». Тем более что СНГ – это основа, на которой создаются иные организации на постсоветском пространстве. А.Г. Лукашенко уверен: «СНГ надо брать за обсуждение серьезных проблем на постсоветском пространстве ... Содружество станет авторитетным и востребованным, когда будет решать главные, животрепещущие вопросы» [22].

Главе белорусского государства вторит и премьер-министр страны А.В. Кобяков, говорящий о том, что «Минск всегда был и остается в центре интеграционных процессов СНГ». По его мнению, «СНГ является значимым, востребованным и актуальным межгосударственным объединением, которое позволяет его участникам решать весь спектр насущных вопросов межрегионального сотрудничества». За двадцать пять лет государства-участники Содружества провели большую работу по развитию всестороннего сотрудничества. Согласно А.В. Кобякову: «Многие вещи, которые мы считаем как само собой разумеющиеся, существуют только лишь благодаря тому, что есть СНГ. Это касается таких обыденных, но, тем не менее, очень важных вещей, как сотрудничество в области энергетики, транспорта, связи, сферах торговли, экономических отношений». Поэтому для Беларуси развитие отношений с СНГ является одним из приоритетов внешней политики страны. «Мы всегда поддерживали и будем поддерживать Содружество, способствовать его развитию» [22].

Позитивно оценивает СНГ и министр иностранных дел Беларуси В.В. Макей. По его словам: «Республика Беларусь всегда выступала за то, чтобы Содружество Независимых Государств развивалось и крепло. Мы всегда поддерживали интеграционные процессы на постсоветском пространстве» [22]. Министр считает, что необходимо сделать СНГ сильнее и востребованнее. «Мы должны сделать многое, чтобы повысить эффективность деятельности нашей организации, ее отраслевых структур. Мы должны сделать так, чтобы решения, которые мы принимаем, приносили большую отдачу. Мы должны оптимизировать нашу структуру, посмотреть договорно-правовую базу с целью повышения ее эффективности. Надо изъять те документы, которые не работают, и оставить, усовершенствовать те документы, которые приносят общую пользу». По его словам, «Республика Беларусь никогда не была и не будет «могильщиком» интеграционных процессов на пространстве СНГ и иных пространствах» [16].

В эти годы именно от Беларуси исходило много инициатив по дальнейшему развитию СНГ. В частности, именно на это были направлены действия Минска в период председательства республики в Содружестве в 2013 г., согласно разработанной «Концепции председательства Республики Беларусь в Содружестве Независимых Государств в 2013 году» [7]. В 2013 г. Минск проявлял заинтересованность в дальнейшем укреплении Содружества, в максимальном раскрытии его со-

зидательного потенциала, в совершенствовании механизмов сотрудничества во всех сферах совместной деятельности [3]. Совместно с партнерами было проведено более 70 значимых мероприятий экономического, экологического, гуманитарного и межрегионального характера [11].

В силу ряда политических обстоятельств 20 марта 2014 г. Министерство иностранных дел Украины уведомило Исполком СНГ о сложении полномочий страны-председателя в 2014 в Содружестве. В результате председателем в СНГ вновь стала Беларусь. Все официальные мероприятия в рамках Содружества, которые в 2014 г. планировались провести в Киеве, были перенесены в Минск. Белорусское председательство заслужило высокую оценку, в том числе со стороны зарубежных партнеров и экспертов. Беларусь традиционно выступала за сохранение и укрепление интеграционного сотрудничества в СНГ, подтверждением чему стал комплекс мероприятий по реализации концепции развития СНГ [21, с. 86]. В активе белорусской стороны – проведенные в Минске мероприятия на высшем и высоком уровне, организованный международный экономический форум «СНГ и новые форматы взаимодействия», инициативы по развитию взаимодействия в сферах инновационной деятельности, транспортной логистики, торговли услугами и технического регулирования [12].

Значительное внимание белорусским руководством уделялось наращиванию взаимодействия в рамках Содружества Независимых Государств. По инициативе Беларуси был принят План совместных действий стран-членов Содружества по решению актуальных вопросов в финансово-экономической сфере. Решением Совета глав правительств СНГ утвержден План мероприятий по реализации третьего этапа Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года. Мероприятия Плана нацелены на реализацию научно-технического и образовательного потенциала государств СНГ, разработку инфраструктурных проектов, развитие экономики и др.

Можно отметить, что активная позиция Беларуси способствовала сохранению востребованности Содружества как авторитетной международной организации, на площадке которой решаются многие актуальные для постсоветских стран вопросы, включая функционирование зоны свободной торговли [13].

В 2016 г. Беларусь последовательно выступала за сохранение Содружества как региональной международной организации, обеспечивающей взаимодействие государств-участников по всему спектру направлений сотрудничества. 28 октября 2016 г. на встрече с руководителями делегаций Совета глав правительств Содружества в Минске А.Г. Лукашенко озвучил конкретные предложения белорусской стороны по укреплению СНГ [14].

Однако, к сожалению, Республика Беларусь не обладает соответствующим геополитическим потенциалом, необходимыми возможностями, что позволило бы ей выступить в роли локомотива Содружества. Часто ряд объективных и субъективных факторов не позволяет реализовать имеющийся потенциал. Известно, что нередко государства-члены не могут поступиться своими национальными интересами. Каждая сторона пытается отстоять свою позицию, что мешает достичь компромисса. К тому же, между отдельными участниками СНГ существуют серьезные противоречия. Тем не менее, абсолютно прав министр иностранных дел В.В. Макей в том, что Содружество нужно не просто в качестве дискуссионной площадки, места для встреч и голословных обсуждений каких-то вопросов, а как место, где принимаются конкретные решения, которые способствуют повышению благосостояния стран и народов постсоветского пространства [16]. Поэтому, по его словам, для Беларуси Содружество «остается востребованным и актуальным межгосударственным объединением, позволяющим решать весь спектр насущных вопросов межрегионального сотрудничества» [22].

Таким образом, Республика Беларусь на протяжении двадцати пяти лет является одним из активных участников и сторонников сохранения СНГ. Белорусское руководство прилагает максимум усилий, направленных на повышение функционала Содружества. Несмотря на наличие целого ряда трудностей в его работе, отказываться от СНГ Минск, являющийся к тому же неформальной столицей организации, не собирается. Более того, как свидетельствует ряд публичных заявлений и действий белорусского руководства, Беларусь стремится адаптировать Содружество к современным реалиям. Правда, в силу тех или иных причин усилия Минска не дают необходимого результата. Это приводит государства-членов СНГ, в том числе и Республику Беларусь, к формированию и участию на пространстве Содружества в различных интеграционных проектах – Союзном государстве, Таможенном союзе, Евразийском экономическом союзе и других.

Литература

1. Алма-Атинская декларация // Техэксперт [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900101> (дата обращения: 10.04.2017).
2. Гайдукевич Л. Геополитический облик Республики Беларусь: состояние и перспективы / Л. Гайдукевич // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. – № 3. – С. 42-45.
3. Заявление о ходе председательства Беларуси в СНГ в 2013 году // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. – 2013. – 25 октября [Электронный ресурс]. – URL: <http://cis.minsk.by/news.php?id=2205> (дата обращения: 30.03.2017).
4. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 9 (2001–2005 гг.) / склад. У.Е. Снапкоўскі, А.В. Ціхаміраў, А.В. Шарапа; рэдкал.: С.М. Мартынаў (старшыня) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2013. – 688 с.
5. Кебич В.Ф. Беловежский гамбит / В.Ф. Кебич. – Минск: Торгово-финансовый союз «БТФС», 2013. – 336 с.
6. Кебич В.Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В.Ф. Кебич. – Минск: Парадокс, 2008. – 480 с.
7. Концепция председательства Республики Беларусь в Содружестве Независимых Государств в 2013 году // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=19072> (дата обращения: 04.04.2017).
8. Косов Ю.В. Содружество Независимых Государств: институты, интеграционные процессы, конфликты : учебное пособие для студентов вузов / Ю.В. Косов, А.В. Торопыгин. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 224 с.
9. Кравченко П.К. Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир. Выступления, статьи, интервью, дипломатические документы и переписка. Учебно-методическое пособие / П.К. Кравченко. – Минск: БИПС-Плюс, 2009. – 636 с.
10. Кравченко П.К. Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении: записки дипломата и политика / П.К. Кравченко. – М.: Время, 2006. – 456 с.
11. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2013 году // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: http://mfa.gov.by/upload/review_MFA_2013.pdf (дата обращения: 06.04.2017).
12. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2014 году // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. [Электронный ресурс] – URL: <http://mfa.gov.by/publication/reports/a2973e28e4b86261.html> (дата обращения: 06.04.2017).

13. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2015 году // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://mfa.gov.by/publication/reports/ad9a745931227143.html> (дата обращения: 06.04.2017).

14. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2016 году // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://mfa.gov.by/publication/reports/ea444d5cceb4798d.html> (дата обращения: 06.04.2017).

15. Содружество Независимых Государств // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://russia.new.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/political/CIS/ (дата обращения: 31.03.2017).

16. Стенограмма подхода к прессе Министра иностранных дел Беларуси В. Макея в рамках участия в заседании Совета постоянных полномочных представителей при уставных и других органах СНГ (12 января 2017 г., г. Минск) // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://mfa.gov.by/press/smi/fb91e8d8ecbe56a8.html> (дата обращения: 06.04.2017).

17. Стенограмма пресс-конференции Министра иностранных дел Республики Беларусь Сергея Мартынова для представителей СМИ по итогам состоявшегося в Минске 28 ноября саммита СНГ // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://mfa.gov.by/press/smi/adbca9b6835995fb.html> (дата обращения: 06.04.2017).

18. Тихомиров А.В. Белорусские внешнеполитические приоритеты в контексте участия в интеграционных процессах: взгляды власти и общества / А.В. Тихомиров // Современные евразийские исследования : научный журнал / под ред. Ю.Г. Голуба. – Саратов, 2014. – Вып. 1. – С. 24-30.

19. Тихомиров А.В. Внешняя политика Республики Беларусь в 1991-2011 гг. / А.В. Тихомиров. – Минск: Право и экономика, 2014. – 278 с.

20. Устав Содружества Независимых Государств // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ [Электронный ресурс]. – URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187> (дата обращения: 02.04.2017).

21. Циватый В.Г. Республика Беларусь и Содружество Независимых Государств в 2014 г.: внешнеполитическое и институциональное измерение (взгляд из Украины) / В.Г. Циватый // Беларусь в современном мире : материалы XIII Международной конференции, посвященной 93-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2014 г. / редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 86-87.

22. Цитаты о Содружестве // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ [Электронный ресурс]. – URL:

<http://cis.minsk.by/quotes.php?action=list&country=-1&occupation=-1&year=-1>
(дата обращения: 30.03.2017).

23. Шушкевич С.С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР / С.С. Шушкевич. – М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.

УДК 323.27+341.39(5-15)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛАРУСИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ

Лаптева Юлия Игоревна

кандидат политических наук, доцент

Воронежский государственный университет

e-mail: lapteva.u.i@yandex.ru

Аннотация: в статье анализируются некоторые проблемы, влияющие на перспективы развития российско-белорусских отношений. Несмотря на наличие множества объективных предпосылок, их фактическое состояние во многом не соответствует декларируемым целям. Экономическое и политическое развитие обеих стран сегодня заставляет многих экспертов говорить о его результатах в терминах парадигмального тупика, необходимости смены модели и назревшей трансформации. При этом типологическое сходство политических режимов в России и Беларуси способствует их взаимной поддержке, поскольку дестабилизация одного из них неизбежно поставит вопрос о жизнеспособности другого. Но подлинный интерес обеих стран заключается в том, чтобы создать не зависящую от характера политических режимов основу для долгосрочных отношений, как в двустороннем формате, так и в формате интеграционных объединений.

Ключевые слова: российско-белорусские отношения, украинский кризис, электоральный авторитаризм, евразийская интеграция

POLITICAL PROCESSES IN BELARUS AND PERSPECTIVES OF THE RUSSIAN-BELARUS RELATIONS

Lapteva Yuliya

Candidate of Political Sciences, Associate professor

Voronezh State University

e-mail: lapteva.u.i@yandex.ru

Summary: *the article refers to some problems affecting the prospects of Russian-Belarusian relations. Despite many objective preconditions, their actual state in many ways does not correspond to the declared goals. The economic and political development of both countries today compels many experts to talk about it in terms of a paradigmatic impasse, the need for a model change and urgent need for transformation. At the same time, the typological similarity of political regimes in Russia and Belarus contributes to their mutual support, since the destabilization of one of them inevitably raises the question of the viability of the other. But the real interest of both countries is to create the basis for long-term relations both in bilateral format and in the format of integration associations, detached of political regimes.*

Key words: *Russian-Belarusian relations, Ukrainian crisis, electoral authoritarianism, Eurasian integration.*

Происходящие в мировой политике трансформации заставляют искать новые подходы и к выстраиванию двусторонних отношений, и к интеграционным проектам различного уровня, как к уже сложившимся, так и к стартовавшим недавно. Например, сложный период переживает Европейский Союз, президент США Д. Трамп, исполняя свои предвыборные обещания, объявил о выходе из амбициозного проекта Транстихоокеанского партнерства, неопределенными остаются перспективы Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Многие исследователи отмечают глубокий кризис институционального устройства Союзного государства России и Белоруссии. Дискуссионными являются и перспективы ЕАЭС.

Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. в качестве приоритетного направления определяет «укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием», что прежде всего касается Союзного государства, ЕАЭС и ОДКБ [13]. Модель российско-белорусских отношений в рамках Союзного государства создавалась в совершенно иных условиях и в настоящее время является достаточно малоэффективной. После 2004 г. интеграционные процессы развивались не столько в двустороннем, сколько в многостороннем формате – в рамках ЕврАзЭС и Таможенного союза. Развитие интеграции в рамках ЕАЭС также упоминается в Концепции в связи с желательностью развития взаимодополняемых интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах.

Несмотря на наличие множества объективных предпосылок, фактическое развитие интеграционных процессов на так называемом постсоветском пространстве (хотя этот термин часто критикуется как устаревший [17]) во многом не соответствует декларируемым целям. Экономическое

развитие стран СНГ и ЕАЭС сегодня заставляет многих экспертов говорить о его результатах в терминах парадигмального тупика, необходимости переориентации [См., например, 21]. Для будущего интеграции важны и те политические процессы, которые протекают в самих государствах-участниках. Выбор приоритетов в международном сотрудничестве, определение его форм и направлений – все это происходит под воздействием политических факторов. Политическое развитие государств постсоветского пространства также обсуждается в терминах смены модели и назревшей трансформации. Безусловно, политическим изменениям должна будет соответствовать трансформация подходов к интеграции, иначе эти процессы будут стагнировать, а интеграционные объединения – обесцениваться в глазах участников.

Что касается российско-белорусских отношений, то с одной стороны можно отметить их стратегический характер. Множество факторов, таких как интенсивность экономических связей, взаимная заинтересованность в сфере обеспечения национальной безопасности, история взаимодействия и социокультурная близость, казалось бы, служат объективным основанием для высокой заинтересованности в интеграции и развитии всестороннего сотрудничества. Но, несмотря на это, отношения между Россией и Республикой Беларусь, как в двустороннем формате, так и в контексте интеграционных объединений, периодически проходят через своеобразные конфликтные стадии, что дает основания говорить об их колебательном или циклическом характере.

Например, в 2016 г. обсуждение Таможенного кодекса ЕАЭС проходило на фоне обострения разногласий по стоимости российского газа и объемам поставки нефти для Беларуси. Представители Беларуси не присутствовали на заседании Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств ЕАЭС, проходившем в декабре 2016 г. в Санкт-Петербурге. Также камнем преткновения стал вопрос о допуске белорусских продовольственных товаров на российский рынок, обсуждался вопрос об участии белорусских производителей в государственном заказе РФ. Кроме того, Минск одобрил гражданам ряда государств безвизовый режим в случае краткосрочного пребывания, при этом возникла проблема организации дополнительного контроля на достаточно прозрачной российско-белорусской границе. А в начале декабря 2016 г. по обвинению в

экстремизме были арестованы три публициста, которые выступали в СМИ с пророссийских позиций.

В связи с этими событиями многие аналитики отмечали, что российско-белорусские отношения находятся в низшей точке своего развития. Исследователь белорусской политики Э. Вильсон в феврале 2017 писал, что такое беспрецедентное ухудшение свидетельствует о том, что традиционная парадигма двусторонних отношений разрушается [6]. Эксперт центра Карнеги А. Колесников отмечал, что во время последнего обострения двусторонних отношениях стало очевидно, что «якоря, привязывающие Беларусь к депрессивной российской экономической квазиимперии» слишком слабы, чтобы создать основу для развития подлинного сотрудничества. И хотя А. Лукашенко продолжит действовать в режиме лавирования, отношения между странами серьезно подорваны [12]. Эксперты расположенного в Литве независимого Белорусского института стратегических исследований в своем проекте «Внешнеполитический индекс» в декабре 2016 г. отметили, что «отношения с Россией ухудшились до абсолютного минимума за весь период анализа (с начала 2011 г.)» [7, с. 3].

Тем не менее, в апреле прошли переговоры между главами государств. Принятый пакет соглашений, часть которого не раскрывалась прессе, по заверениям сторон, снял все разногласия, а Таможенный кодекс ЕАЭС был принят белорусской стороной к рассмотрению и подписан 11 апреля.

Возникает вопрос о том, можно ли увязать колебания внешнеполитического курса президента Лукашенко с внутривнутриполитическими процессами. Так, например, обострение конфликта с Россией в 2016 г. проходило на фоне парламентских выборов, прошедших в спокойной обстановке и завершившихся избранием двух представителей оппозиции. Хотя наблюдатели ОБСЕ и отметили, что выборы не соответствуют демократическим стандартам, они признали прогресс и призвали к дальнейшей либерализации. После этого прошли переговоры о возможном участии членов белорусского парламента, впервые названного в западных источниках «избранным», в парламентской ассамблее Восточного партнерства. Еще летом 2016 г. была достигнута договоренность о проведении в Минске 26-й сессии парламентской Ассамблеи ОБСЕ [20]. Тенденция улучшения отношений с ЕС, начатая снятием санкций в ответ на амнистию

политических заключенных в период президентской кампании 2015 г., продолжилась. Была создана Координационная группа Беларусь-ЕС – новый институт для развития диалога [14]. Также за 2016-2017 гг. Беларусь получила более половины средств из двух миллиардов долларов от Евразийского фонда стабилизации и развития [8].

Договоренность же с Россией по поставкам нефти и ценам на газ была достигнута после того, как в Беларуси получило развитие новое протестное движение – массовые выступления против так называемого «налога на тунеядцев» – законодательно установленного требования уплаты налогов работоспособными, но не трудоустроенными официально гражданами. Помимо требований социально-экономического характера, протестующие в различных городах Беларуси в феврале-марте 2017 г. высказывали и политические требования, связанные с проведением честных выборов и широких реформ. Были проведены задержания некоторых активистов и журналистов, освещавших эти события [15], а во время выступлений в день независимости 25 марта задержания были более массовыми [11].

Эти действия вызвали критику правозащитников и представителей ЕС. Также явное проявление авторитарных тенденций вряд ли послужит хорошим фоном для предоставления Беларуси кредитов МВФ. Но в данном случае режим вряд ли будет чувствителен к такой критике, поскольку выступления 2017 опасны тем, что их инициатором и движущей силой выступает не организованная политическая оппозиция, которая достаточно слаба, а представители социальных слоев, составляющих электорат А. Лукашенко. Показательно, что протесты распространились в провинции и не были сугубо столичным явлением: выступления проходили в Гомеле, Витебске, Бресте, Бобруйске и других городах. Если раньше ограничение свобод компенсировалось поддержанием определенного уровня жизни, то теперь социальный контракт, положенный в основу взаимоотношений режима президента А. Лукашенко с гражданами, пошатнулся. Экономический спад сказывается на уровне жизни широких слоев населения: ВВП Беларуси за январь-июнь 2015 г. сократился по сравнению с 2014 г. на 3,4%. В целом за 2015 г. ВВП Беларуси сократился на 3,9% , а в 2016 – на 2,6%. А реальная заработная плата граждан меньше, чем в начале 2014 г. [23]

Вряд ли стоит напрямую связывать проявление «авторитарной» тенденции в белорусской внутренней политике с «восточным» поворотом во внешней. На протяжении пребывания А. Лукашенко у власти колебательная стратегия скорее была прагматически используемым инструментом, притом, что после 2010 г. поворот в сторону Запада мог ограничиваться лишь символическими шагами. Но можно отметить, что в новой реальности, сформированной в условиях украинского кризиса, такая корреляция стала более явной. Российско-белорусские отношения столкнулись с новыми вызовами. Несмотря на то, что Минск стремится подчеркнуть нейтральность в конфликте между своими соседями, сотрудничать с Украиной и использовать стратегию оказания «добрых услуг» в процессе урегулирования для поднятия своего политического капитала, одной из угроз режиму видится именно широкий политический протест по образцу украинского «майдана». Эти опасения периодически артикулирует сам президент [10].

Тема рисков, связанных с дестабилизацией режима в результате протестов, инспирированных и поддержанных внешними акторами, достаточно часто поднимается лидерами РФ и РБ [22]. И более глубокое, типологическое сходство политических режимов, сложившихся в обеих странах, отмечается многими исследователями. Прежде всего, их можно сравнивать в контексте электорального авторитаризма [2; 5]. Вместе с тем, электоральный авторитаризм – это очень широкое понятие, объединяющее режимы, возникающие в различных социально-экономических и социокультурных условиях. Политические режимы России и Беларуси сближает еще и принадлежность к постсоветскому пространству. И хотя понятие постсоветского пространства подвергается заслуженной критике, в то же время, советское прошлое во многом определяет характер управленческих подходов и практик, используемых правящими элитами обоих государств для выстраивания взаимоотношений с различными сегментами общества, – с бизнесом, широкими слоями граждан, с оппозицией. Проблема же заключается в относительно низкой эффективности этих подходов в условиях развития рыночных механизмов в экономике и плюрализма в политике.

Российский и белорусский политические режимы объединяет не только стремление контролировать электоральный процесс, не только характер лидерства, но и специфическая роль бюрократического аппарата.

Он становится не просто инструментом для поддержания status-quo, но достаточно самостоятельным актором, проявляющим активную заинтересованность в сохранении своих предпочтений и прерогатив. Польский исследователь Рафал Чахор в работе, посвященной постсоветским политическим режимам [1], выделяет специфический постсоветский вид бюрократического неопатримониализма, который характеризуется рядом особенностей, проявляющихся в политической практике России и Беларуси.

Прежде всего, для обоих режимов характерен ограниченный плюрализм элит. Административный контроль над экономикой препятствует формированию самостоятельных и сильных оппозиционных элит, основанных на связи с бизнесом. Но и бюрократическая элита не всевластна, а подчинена центральному политическому институту. Регулярные антикоррупционные кампании выполняют роль «чисток», призванных проявить патерналистскую заботу об охране прав граждан и одновременно продемонстрировать бюрократическим элитам их зависимость от лидера.

Характерно, что значимой частью элиты являются «силовики» - руководители органов охраны правопорядка, спецслужб, армии. Представители этого сегмента могут быть рекрутированы в бюрократическую элиту. Но при этом исключительно важно выстраивание президентской вертикали, недопущение создания альтернативных клиентурных сетей, например, в региональном разрезе. Ключевая роль института главы государства в рамках подобного режима подтверждается возможным удлинением срока его полномочий или же отменой ограничений на повторное занятие должности, а также наличием у него права законодательной инициативы и возможности издавать имеющие силу закона указы.

Бюрократический неопатримониализм ограничивает сферу деятельности гражданского общества и устанавливает над ней жесткий контроль, который носит превентивный характер. Формируются такие институциональные условия, в которых сложно создать и зарегистрировать общественную организацию, политическую партию, а существующим организациям сложно получить доступ в контролируемое государством широкое медиа-пространство.

Контроль над электоральным процессом приводит к проведению «управляемых выборов» с широким использованием «административного ресурса». При этом существенная часть граждан может в принципе поддерживать режим, но при этом интерес к электоральному процессу сни-

жается. Это проявляется в падении явки. Если в России на парламентских выборах 2016 была действительно отмечена рекордно низкая явка – 47,9%, то в Беларуси на выборах 2016 она превысила 74%, что, как отмечали наблюдатели, было достигнуто во многом за счет мобилизованного досрочного голосования [18].

Ограничение конкуренции и деполитизация сферы управления ведут к маргинализации оппозиции и деградации института политических партий. В РБ они еще слабее, чем в РФ, что обусловлено спецификой мажоритарной избирательной системы, которая дает возможность выдвижения кандидатов гражданам и трудовым коллективам. Более чем три четверти парламентариев Беларуси – беспартийные. В России же политические партии необходимы для контроля потенциально оппозиционных групп. Но в обоих государствах наблюдается недоверие к институту политических партий, причем не только к провластным, но и к оппозиционным [19].

Деполитизация является важной характеристикой режима еще и потому, что она обеспечивает свободу действий бюрократической элите при слабом гражданском обществе и неразвитых институтах демократического контроля. Риски в этой ситуации как раз сопряжены с социально-экономическими кризисами, способными продуцировать массовые протесты. В арсенале подобных режимов присутствует достаточно ограниченный набор средств для управления этими рисками. Прежде всего, это ужесточение контроля и концентрация власти, а также использование популистско-патриотической риторики для мобилизации граждан в поддержку существующей системы. Иные средства разрешения социально-политических конфликтов не развиваются из-за глубинного недоверия между бюрократической элитой и иными слоями общества, государством и бизнесом, властью и оппозицией. При этом в элитах обеих стран не наблюдается раскола, хотя и проявляются либерально-модернизаторские тренды, например, в России в период президентства Д. Медведева, или же в современной Беларуси, в правительстве которой присутствует «прогрессивный блок».

Безусловно, различия между российским и белорусским политическими режимами значительны. Различные масштабы и различная структурная основа экономик также весьма значимы. Существенное различие лежит и в поле национальной политики: если Беларусь, несмотря на то, что среди пост-

советских государств она характеризовалась самой слабой национальной идентичностью, движется по пути создания национального государства, то для России, в силу комплекса причин, национальное государство по-прежнему остается лишь одним из возможных вариантов развития.

Описанное сходство политических режимов, в сочетании с культурной близостью, способствует их взаимной поддержке, поскольку дестабилизация одного из них неизбежно поставит вопрос о жизнеспособности другого. В России о возможности изменения режима в РБ часто говорят в контексте повторения «украинского» сценария дестабилизации, направленной на подрыв российского влияния. С этой точки зрения она крайне нежелательна. Но и для А. Лукашенко либерализация в РФ, даже не сопровождающаяся радикальной сменой элит, будет означать актуализацию внутреннего запроса на либерализацию.

Можно также указать и на иные, также связанные с внутривнутриполитическим развитием обеих стран, факторы, оказывающие влияние на развитие двусторонних отношений. Так, патриотическая мобилизация в России, а точнее ее внешнеполитические проекции, выраженные в концепции «русского мира», вызывают настороженную реакцию в Беларуси. Со своей стороны, процессы официальной «белорусизации», а также развитие национальной идеи оппозиционными политическими силами вызывают реакцию в российском политическом сообществе.

Утверждение о том, что Беларусь заинтересована в обеспечении плодотворного сотрудничества как с западными, так и с восточными партнерами, и таким образом стремится к многовекторности внешнеполитического курса, стало общим местом в исследованиях и, одновременно, отправной точкой для выстраивания как внешнеполитической концепции официального Минска, так и программ существенной части оппозиции. Тем не менее, либеральная часть политической оппозиции в Беларуси рассматривает украинский кризис как точку невозврата, после которой необходимо осуществлять выбор между участием в европейском или же в евроазиатском интеграционном проекте. Надежды на разрешение вопроса в пользу европейского выбора либеральная оппозиция связывает со сменой режима [12]. При этом другая часть оппозиции исходит из того, что возможна модернизация режима, основанная на расширении реального политического участия и развитии конструктивного диалога между обществом и властью [19].

Подобная мирная трансформация существующего режима могла бы быть снизит риски для развития российско-белорусских отношений. При этом представляется, что необходимо обновление подходов к интеграции, которые должны строиться не на жестких альтернативах и ультимативных требованиях, а на предложениях, сочетающих экономическую выгоду с перспективами реализации национальной модели развития. Интересно, что ряд исследователей, формулируя рекомендации для ЕС по развитию отношений с Республикой Беларусь, также призывают реализовывать стратегию деполитизированного экономического сотрудничества, видя в ней надежную альтернативу попыткам навязать стране политически мотивированный выбор [3;4]. Подобная стратегия позволит создать не зависящую от характера политических режимов основу для долгосрочных отношений, как в двустороннем формате, так и в формате интеграционных объединений.

Литература

1. Czachor R. Postradzieckie reżimy polityczne w perspektywie neopatrymonialnej / R. Czachor. – Wrocław: Biblioteka Instytutu Polsko-Rosyjskiego, 2015.
2. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / A. Schedler (ed.). – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. – 267 pp.
3. Korosteleva Elena. EU-Russia relations in the context of the eastern neighbourhood / Elena Korosteleva // Institute of Public Affairs Policy Brief Bertelsmann Stiftung. – 2015. – May [Electronic resource]. – URL: <http://www.bertelsmann-stiftung.de/en/publications/publication/did/eu-russia-relations-in-the-context-of-the-eastern-neighbourhood/> (accessed date: 10.04.2017).
4. Korosteleva Elena. The EU and Belarus: seizing the opportunity? Working paper. Swedish Institute for European Policy Studies, Sweden / Elena Korosteleva // European Policy Analysis. – NOVEMBER ISSUE 2016 [Electronic resource]. – URL: <https://kar.kent.ac.uk/59637/1/Belarus%20policy%20brief%20final%20oct%202016.pdf> (accessed date: 10.04.2017).
5. Levitsky S. Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the Cold War / S. Levitsky, L. Way. – New York, Cambridge University Press, 2010. – 536 p.
6. Wilson A. Belarus's game of truancy. The traditional paradigm for Russia-Belarus relations has broken down / A. Wilson // European Council on foreign relations. – 2017. – 14 February [Electronic resource]. – URL:

http://www.ecfr.eu/article/commentary_belarus_game_of_truancy_7232 (accessed date: 12.04.2017).

7. Белорусский внешнеполитический индекс. – №35. – 2016. – ноябрь-декабрь [Электронный ресурс]. – URL: http://belinstitute.eu/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_BFPI_35_ru_0.pdf (дата обращения: 12.04.2017).

8. Евразийский банк развития назвал условия новых траншей для Белоруссии // ИА REGNUM. – 2017. – 28 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru/news/economy/2269319.html> (дата обращения: 28.04.2017).

9. Класковский А. В Бресте «дармоеды» тоже скандируют «уходи!». Вертикаль Лукашенко в ступоре / А. Класковский // Naviny.by. – 2017. – 5 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://naviny.by/article/20170305/1488731376-v-breste-darmoedy-tozhe-skandiruyut-uhodi-vertikal-lukashenko-v-stupore> (дата обращения: 12.04.17).

10. Класковский А. Лукашенко заговорил с металлом в голосе. Либерализация все? / А. Класковский // Naviny.by: белорусские новости. – 2017. – 10 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://naviny.by/article/20170310/1489149018-lukashenko-zagovoril-s-metallom-v-golose-liberalizaciya-vsyo> (дата обращения: 28.04.2017).

11. Класковский А. Полицейское государство без прикрас. Белорусские власти растоптали День Воли / А. Класковский // Naviny.by: белорусские новости. – 2017. – 25 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://naviny.by/article/20170325/1490455719-policeyskoe-gosudarstvo-bez-prikras-belorusskie-vlasti-rastoptali-den> (дата обращения: 12.04.2017).

12. Колесников А. Галс на Запад: потеряет ли Россия Белоруссию? / А. Колесников // Московский центр Карнеги. – 2017. – 3 февраля [Электронный ресурс]. – URL: <http://carnegie.ru/2017/02/03/ru-pub-67898> (дата обращения: 12.04.2017).

13. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 12.04.2017).

14. Координационная группа ЕС-Беларусь провела третий раунд встреч // Представительство Европейского союза в Беларуси. – 2017. – 4 апреля [Электронный ресурс]. – URL: https://eeas.europa.eu/delegations/belarus/24145/koordinacionnaya-gruppa-es-belarus-provela-tretiy-raund-vstrech_ru (дата обращения: 12.04.2017).

15. Коровенкова Т. Марши «дармоедов». Власти бьют и по независимой прессе / Т. Коровенкова // Naviny.by: белорусские новости. – 2017. – 14

марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://naviny.by/article/20170314/1489470499-marshi-darmoedov-vlasti-byut-i-ro-nezavisimoy-presse> (дата обращения: 12.04.2017).

16. Лукашенко: нельзя запретить людям ходить на площадь, но майдана в Беларуси не будет // ИА Belta. – 2017. – 09 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belta.by/president/view/lukashenko-nelzja-zapretit-ljudjam-hodit-na-ploschad-no-majdana-v-belarusi-ne-budet-236730-2017/> (дата обращения: 28.04.2017).

17. Лукьянов Ф. Трансформация постсоветского пространства / Ф. Лукьянов // Российский Совет по международным делам. – 2017. – 1 марта [Электронный ресурс]. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/transformsiya-postsovetskogo-prostranstva/?sphrase_id=92760 (дата обращения: 12.04.2017).

18. Мельничук Т. Белоруссия: «незаметные» выборы при активной явке / Т. Мельничук // Русская служба Би-би-си, Минск. – 2016. – 7 сент. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bbc.com/russian/features-37276316> (дата обращения: 28.04.2017).

19. Оргиш В. В Беларуси оппозиция сейчас не способна выиграть битву за электорат / В. Оргиш // Новости tut.by. – 2017. – 4 апр. [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.tut.by/economics/538061.html> (дата обращения: 28.04.2017).

20. Очередная ежегодная сессия ПА ОБСЕ пройдет в 2017 году в Минске // Sputnik.by. – 2016. – 1 июля [Электронный ресурс]. – URL: <https://sputnik.by/politics/20160701/1023782185.html> (дата обращения: 12.04.2017).

21. Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сб. ст. в 2-х тт. / Отв. ред. – А.Б. Крылов. Том 1. Западный фланг СНГ. Центральная Азия. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 197 с.

22. Путин: Россию будут атаковать в 2016-2018, но Майдан не пройдет // Politonline. – 2015. – 26 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politonline.ru/interpretation/22880961.html> (дата обращения: 28.04.2017)

23. Реальная зарплата в Белоруссии «нащупала дно» // ИА REGNUM. – 2017. – 27 апр. [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru/news/economy/2268889.html> (дата обращения: 28.04.2017)

ПОЛИТИКА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Морозов Руслан Николаевич

*кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и внешней политики
ГОУ ВПО ДонНУ (г. Донецк, ДНР)*

Баранник Марина Андреевна

*студентка 3-го курса,
специальность «международные отношения»
ГОУ ВПО ДонНУ (г. Донецк, ДНР)
E-mail: marinabarannik@mail.ru*

Аннотация. ЕАЭС провозгласил политику «открытых дверей», в качестве основных направлений и способов сотрудничества с другими странами региона и мира. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты политики «открытых дверей» ЕАЭС, проводится анализ внешнеполитической ситуации, рассмотрены особенности сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, политика «открытых дверей», евразийское пространство.

EAEU “OPEN DOORS” POLICY IN THE EURASIAN SPACE

Morozow Ruslan

*Candidate of Historical Sciences, associate professor,
Department of International Relations and Foreign Policy
Donetsk National University (DPR)*

Barannik Marina

*3rd year student of specialty “International Relations”
Donetsk National University (DPR)
e-mail: marinabarannik@mail.ru*

Summary. The EAEU proclaimed an “open doors” policy as the main directions and ways of cooperation with other countries in the region and the world. This article discusses theoretical and practical aspects of the policy of “open doors” of the EAEU, analyzes international situations and discussed cooperation within the EAEU.

Key words: EAEU, “open door” policy, Eurasian space

В период продолжающегося давления на Россию и ее союзников со стороны стран Запада, диверсификация производства и разнонаправленное экономическое сотрудничество приобретает все большую значимость.

Евразийский экономический союз является ключевым механизмом для достижения поставленных целей, тем узловым элементом, с помощью которого страны ЕАЭС и их партнеры могут рассчитывать на эффективную реализацию своих внутренних и внешнеэкономических приоритетов.

Интеграция и сотрудничество являются важными как для стран – участниц ЕАЭС, так и для других государств. Для первых расширяется рынок, а для вторых создаются новые альтернативные пути экономической кооперации, что вместе повышает эффективность ЕАЭС, способствует развитию многовекторности экономических связей в мире, формированию многополярности и поиску решений по преодолению кризисных ситуаций.

Данная проблема не перестала быть предметом анализа политологов, юристов, экономистов и специалистов в области международных отношений. Ввиду большого разнообразия различных исследований по данной тематике историография вопроса представляется весьма обширной.

Вместе с тем, проблема «открытых дверей» как фактор новой экономической реальности в рамках ЕАЭС специально не рассматривалась. Определенные данные о состоянии и перспективах взаимодействия постсоветских государств нашли свое отражение в работах российских, белорусских и казахских исследователей [1; 6; 7].

Большое внимание Единому экономическому пространству, в структуре международных интеграционных процессов, уделено в работе С.Н. Ярышева [8].

Доктрина «открытых дверей» не нова. Практика развития государств, в особенности, например, внешней политики США в XIX в. яркое тому подтверждение. Суть данной концепции заключается в обеспечении равенства возможностей – «открытых дверей» для всех заинтересованных сторон.

Сегодня двери ЕАЭС открыты для всех стран, разделяющих его цели и принципы, условия участия в данном интеграционном проекте.

Под сотрудничеством подразумевается вступление в ЕАЭС в качестве страны участницы, получение статуса ассоциированного члена в создание зоны свободной торговли с ЕАЭС.

О создании зоны свободной торговли ведутся переговоры со многими странами мира: Египтом, Израилем, Индией, Новой Зеландией [2].

В мае 2016 г. ЕАЭС подписал соглашение о свободной торговле с Вьетнамом [3]. Сегодня с ЕАЭС готовы подписать соглашение о свободной торговле или начать переговоры несколько десятков стран (около 40) [4].

В первую очередь, это страны постсоветского пространства, так как именно бывшие советские республики имеют необходимые исторические и экономические связи, а также бесценный опыт взаимодействия, что является приоритетным при создании современных интеграционных объединений.

Евразийская экономическая интеграция без сомнений может оказать положительное влияние на их внутри и внешнеэкономическую ситуацию, заполнить «пробелы» в организации производства и торговых связей, оставшихся после распада СССР, способствовать решению многих проблем и трудностей, возникающих при адаптации к глобализирующемуся рынку, «смягчить» переходные этапы экономики. Это лишь одна из объективных причин участия бывших республик СССР в ЕАЭС. Внутри этих стран также назревает внутренняя потребность к переменам к лучшему, преобразованиям.

Важно отметить, ЕАЭС – не безальтернативный проект для них, и он так себя не позиционирует. Но это один из эффективных ответов на возникающие проблемы, прежде всего, экономические, внутри вышеупомянутых государств.

Внутренние потребности стран постсоветского пространства выражаются в активизации поиска идентичности, национальной, хозяйственной принадлежности. К тому же во многих из них за 25 лет так и не произошло кардинальных трансформаций в экономических и хозяйственных отношениях, они не прошли путь «перестройки», не была проделана та колоссальная работа, которая была выполнена, к примеру, Россией и Казахстаном. Мы можем судить об этом по последним событиям в некоторых соседних странах, ближайших партнерах, чье кризисное состояние на сегодня является свидетельством

поиска ответа на такой внутренний запрос и одновременно последствием «пробелов» в его удовлетворении со стороны элит этих стран.

С другой стороны, государство должно созреть для таких перемен и у каждого для этого свои сроки. Поиск национальной идентичности и хозяйственной принадлежности стран постсоветского пространства, как и ряда стран Евразии, является способом реализации и защиты своих национальных интересов. Под национальными интересами в нашем случае мы понимаем, прежде всего, экономические и социальные интересы народов (населения) данной страны [5].

Как правило, такая потребность наиболее ярко выражена в странах, чьи политические элиты подвержены влиянию более «сильных стран-партнеров», в странах, где происходит постоянная борьба политических группировок (тоже не без внешнего участия) или там, где долгое время не происходит обновления политического истеблишмента и государственная власть приобретает династический характер. В силу этих причин политические элиты оказываются не способны в полной мере отвечать на потребности в защите национальных интересов населения, и поиск их реализации принимает, порой, крайние формы, такие как национализм.

Главным фактором, приводящим к кризису, является неэффективность экономики и социально-экономической политики. В сочетании со слабостью политических элит формируется кризисная ситуация. Пожалуй, самым хорошим примером данной тенденции является украинский кризис.

Есть и другие примеры поиска идентичности, которые осуществляются «сверху». Это сильное национальное начало, которое присутствует во всех сферах жизни государства. Примером умеренного, но активного применения данной модели является Туркменистан.

Говоря о постсоветском пространстве, можно сказать, что сильный упор на «национальное» делается практически во всех странах бывшего СССР. Это, в первую очередь, является средством защиты своих интересов и поиска своего пути развития. Выстраивая свою политику по отношению к странам-партнерам ЕАЭС, Россия должна учитывать эти тенденции, «запрос» этих государств.

Для стран с меньшим экономическим потенциалом очень важны равноправные экономические отношения, защита своих национальных интересов. Об этом говорят не только «малые» страны постсоветского пространства, но и партнеры по ЕАЭС, например, Казахстан,

занимающий второе место после России по геоэкономическим показателям.

Вместе с тем, и внутри стран-участниц ЕАЭС, и в странах-партнерах ЕАЭС определенно присутствуют настроения на сближение с евразийским интеграционным объединением, и даже рассматривается членство в нем.

Среди положительных ожиданий интеграции называется унификация законодательства, которое, по мнению граждан этих государств, нуждается в модернизации. Таким образом, на постсоветском пространстве мы видим определенную потребность внутри государств на эффективное развитие их экономик и поиск своей траектории развития.

В некоторых странах постсоветского пространства процесс адаптации принимает крайние формы. Вместе с тем бесспорно можно утверждать, что за первый год существования ЕАЭС во многих странах евразийского пространства он нашел позитивный отклик и привлек к себе новых партнеров и участников. Это и вступившие в ЕАЭС Армения и Кыргызстан, Таджикистан, в котором рассматривают вопрос о присоединении к ЕАЭС, Туркменистан, где видят для себя положительные стороны интеграции, и несколько десятков государств Евразии и мира, изъявившие желание сотрудничать с интеграционным проектом в рамках зоны свободной торговли. Учитывая вышеперечисленные тенденции, ЕАЭС должен выстраивать грамотную политику в отношении стран-партнеров.

Политика «открытых дверей» должна затрагивать не только межгосударственный уровень, но и охватывать гражданские институты, иметь социальное измерение.

«Вялая текучесть» предшествующих объединений и союзов на постсоветском пространстве была обусловлена, в том числе, малой популяризацией и работой среди гражданского населения стран-участниц [2].

В данном значении приобретает актуальность народная и культурная дипломатия. Заинтересованность в экономической интеграции и сотрудничестве должна исходить не только от высших должностных лиц государства, но и поддерживаться обществом. Как показывает изучение общественного мнения, сегодня активную позицию по интеграции занимают граждане стран-партнеров ЕАЭС, и в некоторых случаях проявляют даже большую заинтересованность, чем их официальные представители.

Так, несмотря на противоречивое отношение к выгодам от вступления Казахстана в ЕАЭС среди казахстанского истеблишмента, большинство населения Казахстана поддерживает участие государства в интеграционном проекте [2, с. 46].

Согласно опросу общественного мнения среди граждан Республики Молдова, проведенному в октябре 2016 г., большинство поддерживает ЕАЭС в качестве возможного интеграционного проекта для своего государства.

Таким образом, на постсоветском пространстве в ряде стран существует хорошая почва для развития сотрудничества в рамках интеграционного проекта, и работа по налаживанию взаимодействия должна вестись на всех уровнях – государства, гражданского общества, с населением.

Рассматривая другие направления политики ЕАЭС в отношении стран-партнеров, стоит также упомянуть западное направление. Несмотря на режим взаимных санкций, продолжается сотрудничество между Россией и странами ЕАЭС с западными партнерами, прежде всего ЕС.

Уже в первые дни своего функционирования, ЕАЭС направил предложение в ЕС о сотрудничестве в формате зоны свободной торговли, что, по мнению как западных, так и российских экспертов, могло бы оказать положительное влияние на экономики союзов и стран-участниц. Хотя данное сотрудничество таит в себе определенные риски, главным образом, политического характера, связанные с внешнеполитическими стратегиями союзов и механизмами принятия политических решений в ЕС, следует помнить, что ЕАЭС – это интеграционный проект, направленный, прежде всего, на экономическую эффективность.

И, несмотря на переплетение экономического и политического в современных международных отношениях, нужно продолжать искать перспективные формы сотрудничества и возможные методы кооперации ЕАЭС и ЕС, приветствовать шаги к сближению.

Политика «открытых дверей» ЕАЭС и заключается в том, что двери открыты для всех желающих, с учетом целей, принципов и условий Евразийского экономического союза. Стоит подчеркнуть, что тема «западного направления» кооперации ЕАЭС проходит через весь первый год работы интеграционного объединения, и в последние месяцы наблюдается активизация усилий в этом направлении.

Так, министр иностранных дел РФ Лавров, выступая на совместном заседании коллегии МИД Белоруссии и России, заявил, что «для сближения между ЕС и ЕАЭС имеются все необходимые предпосылки, включая высокую степень взаимодополняемости экономик и приверженность единым правилам торговли. Недавно соответствующие предложения для начала диалога были переданы Евразийской экономической комиссии...» [2, с.47].

При выстраивании своей политики в отношении стран-партнеров ЕАЭС, настоящих и потенциальных, необходимо определиться, что нужно ЕАЭС: долгосрочные эффективные экономические отношения или краткосрочные выгоды с непредсказуемыми последствиями для таких отношений.

Можно констатировать, ЕАЭС как интеграционный проект имеет хорошую перспективу для своего развития и находит положительный отклик не только среди стран региона, но и мира.

Литература

1. Быков А.Н. Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации / А.Н. Быков. – СПб.: Алетейя, 2009. – 192 с.
2. Глазьев С.Ю. Евразийская интеграция – ключевое направление политики РФ / С.Ю. Глазьев // Журнал «Изборский клуб». – 2014. – №2 (14). – С. 44-47.
3. ЕАЭС призывает ЕС к переговорам о создании зоны свободной торговли // ICTSD [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/мосты/news/> (дата обращения: 10.04.2017).
4. Евразийский экономический союз – официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 10.04.2017).
5. Железняк А. ЕАЭС как предпосылка создания многополярного мира / А. Железняк [Электронный ресурс]. – URL: <http://oko-planet.su/first/282006-eaes-kak> (дата обращения: 11.04.2017).
6. Матусевич Е.В. Национально-государственные интересы Республики Беларусь в контексте глобализации / Е.В. Матусевич. – Минск: ИНБ Республики Беларусь, 2005. – 161 с.
7. Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий: Сборник научных статей. – Астана: Елорда, 2001. – 272 с.
8. Ярышев С.Н. Международно-правовые вопросы формирования и функционирования Единого экономического пространства. Дисс... докт. юрид. наук. 12.00.10. – международное право / С.Н. Ярышев. – М.: Дип. Академия МИД РФ, 2012. – 413 с.

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ СНГ

Семенов Алексей Александрович

*Младший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН;
Политический аналитик CIS-Europe Monitoring Organization (CIS-ЕМО)
e-mail: alexeisemenoff@mail.ru*

Аннотация. Концепция «мягкой силы» стала одной из коренных теорий в мировой политике, экономике и дипломатии. В отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение, «мягкая сила» предполагает способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия и привлекательности. Страна, привлекательная с точки зрения «мягкой силы», становится также центром притяжения людей и инвестиций. Однако реализация «мягкой силы» во внешней политике России сталкивается с рядом препятствий. Автор рассматривает стратегию «мягкой силы» России в направлении СНГ, выявляет имеющиеся проблемы и предлагает рекомендации по увеличению ее эффективности.

Ключевые слова: Россия, СНГ, «мягкая сила», международные отношения

“SOFT POWER” AS AN INSTRUMENT OF COOPERATION WITH THE CIS-COUNTRIES

Semenov Alexey

*Master of Political Science,
Junior research fellow; political analyst
Institute of Far Eastern Studies RAS; CIS-Europe Monitoring Organization
e-mail: alexeisemenoff@mail.ru*

Summary. The concept of “soft power” has become one of the basic theories in international relations, world economics, and diplomacy. Unlike “hard power”, which implies coercion, “soft power” implies the ability to achieve the desired results on the basis of voluntary participation and attractiveness. The country with effective “soft power” becomes the center of attraction of people and investments. However, the implementation of “soft power” in Russia’s foreign policy faces a number of obstacles. The author considers the strategy of Russia’s “soft power” in the direction of the CIS, identifies existing problems, and suggests recommendations for increasing its effectiveness.

Keywords: Russia, the CIS, «soft power», international relations

В 2016 году британское PR-агентство «Portland Communications» впервые поместило Россию на 27 место в список наиболее влиятельных стран по критерию «мягкой силы» [4]. При этом, что в 2015 году Россия не вошла в «тридцатку».

Расчеты индекса проводились исходя из двух критериев – объективных и субъективных показателей. К объективной части относятся технологии, государственное управление и образование. Субъективные показатели исследователи получают в ходе опросов общественного мнения по поводу разных аспектов – от национальной кухни страны до ее гостеприимства и дружелюбия.

По словам авторов индекса, для западных наблюдателей позиция РФ могла стать сюрпризом, особенно с учетом продолжающейся санкционной войны между Россией и ЕС. Однако «большие запасы «мягкой силы» в области культуры» сыграли свою роль. «Россия — это родина Эрмитажа, Большого театра с его балетом, Чехова, Достоевского, Чайковского и Булгакова», – отмечают авторы доклада. Они также признают, что попытки Москвы стать лидером в борьбе против террористов запрещенной в РФ террористической группировки «Исламское государство» в Сирии также произвели позитивный эффект, ведь самый высокий результат (8 место) Россия продемонстрировала по вовлеченности в противодействие глобальным вызовам и охвату зарубежной сети диппредставительств.

Термин «мягкая сила» впервые был введен в оборот 25 лет назад американским политологом, профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в своей книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» («Bound to Lead: The Changing Nature of American Power») [1]. Впоследствии он развил данное понятие в своей книге 2004 года «Мягкая сила: Как добиться успеха в мировой политике» («Soft Power: The Means to Success in World Politics») [2].

Понятие «мягкая сила» стало одной из коренных теорий в глобальной, мировой политике, экономике и дипломатии. Суть концепции «мягкой силы» заключается в том, что сила страны на международной арене измеряется не только количеством ядерных боеголовок и экономической мощью, но также более тонкими вещами, связанными с проникновением культуры и ценностей или привлекательностью образа жизни.

Сила, в понимании Ная, это способность воздействовать на других для достижения необходимых результатов. Воздействовать можно тремя способами: принуждением, деньгами и привлекательностью.

В отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение, «мягкая сила» предполагает способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности.

Главное преимущество «мягкой силы» перед военной или финансовой мощью государства Джозеф Най видит в способности привлечь кого-либо благодаря ценностному содержанию внешней политики, а не простому набору материальных рычагов давления. Если государство может включить в свой арсенал «мягкую силу» привлекательности, то ему удастся существенно сэкономить «на кнутах и на пряниках».

Най выделяет три компонента, с помощью которых государство способно оказывать воздействие:

- 1) Культура, которая должна привлекать остальных, как в случае популярности американской поп-культуры или французской «от кутюр»;
- 2) Ценности, в т.ч. политические ценности, причем не только их декларирование, но и следование им: страна должна придерживаться этих ценностей и у себя дома, и за рубежом;
- 3) Внешняя политика, как таковая, когда она выглядит легитимной, нравственной и авторитетной.

Последние полвека доминирующее положение США базировалось не столько на значительной военной и экономической мощи (хотя и на ней, конечно, тоже), сколько на их способности привлекать другие страны за счет создания благоприятного имиджа, экспорта идей и ценностей (демократия, гражданские свободы и даже голливудские фильмы). Страна, привлекательная с точки зрения «мягкой силы», становится также центром притяжения людей и инвестиций.

Еще в 2012 году Президент России Владимир Путин в ходе своего выступления на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации в МИД России на тему «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности» призвал шире использовать «мягкую силу» [11].

В 2013 году Владимир Путин представил новую «Концепцию внешней политики» страны. В качестве приоритета назывался курс на

сближение со странами СНГ. Кроме того, подчеркивалось, что России придется проводить политику в нестабильном, постоянно меняющемся мире. Впервые в подобном документе было прописано обещание применять «мягкую силу» [7].

Тем не менее, как отмечал российский политолог Сергей Караганов после вооруженного конфликта в Абхазии и Южной Осетии, Россия вынуждена делать упор на жесткую, в т.ч. военную силу, потому что «она живет в гораздо более опасном мире и ей не за кем от него прятаться... и потому, что «мягкой силы» – социальной, культурной, политической, экономической привлекательности – у нее мало. Так что приходится использовать те «конкурентные преимущества», которые есть. Играть на поле более продвинутой конкуренции Россия пока – и по нарастающей – не может и, соответственно, не хочет» [6].

Интересно, сам Джозеф Най считает, что Россия неправильно понимает суть его идеи, а способность России привлекать других будет продолжать уменьшаться [4]. По его мнению, Россия допускает ошибку, думая о том, что главный инструмент мягкой силы – это государство. В сегодняшнем мире информации в избытке, но внимания не хватает. А внимание зависит от авторитета и убедительности. Государственная пропаганда редко бывает убедительной, а лучшая пропаганда – это не пропаганда.

Джозеф Най писал это в 2013 году, и, несмотря на улучшение позиций России в формальном индексе, это был не пустой звук.

В российском высшем руководстве и дипломатическом корпусе до сих пор не сформировалось окончательного понимания концепции «мягкой силы».

В международных отношениях «мягкая сила» может оказаться эффективнее как «жесткой силы», так и экономических рычагов влияния.

Согласно заявлению помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Виктории Нуланд, США вложили в Украину около 5 млрд. долларов с 1991 года, с тех пор, как Украина стала независимым государством после распада Советского Союза [9].

Эти деньги были потрачены, в первую очередь, на гуманитарные программы, в том числе на развитие демократических институтов и поддержку независимых СМИ.

Стратегия России в этом направлении была иной. Россия ставила на два направления: поддержка украинской экономики и налаживание тесных связей с определенной частью политической элиты.

По словам бывшего главы Минэкономразвития РФ Алексея Улюкаева, Россия за последние 20 лет вложила в украинскую экономику 200 млрд. долларов, в том числе искусственно занижая цены на газ и другие ресурсы, предоставляя Украине кредиты и т.д. [10]

Это в 40 раз больше. Однако сейчас отношения между Украиной и США намного лучше, чем между Украиной и Россией.

В условиях высокого уровня коррупции большинство денег, вероятнее всего, не доходило до каких-либо программ развития или создания необходимой инфраструктуры, а оседало в карманах близких к власти олигархов. Население же не чувствовало этой экономической помощи.

В итоге мы имеем то, что пришедшая к власти оппозиция оказалась враждебно настроена к России. Общественные настроения также не демонстрируют позитивного отношения: о «холодном» и «очень холодном» отношении к России заявили 57% опрошенных украинцев в рамках исследования, которое проводилось осенью 2016 года на Украине социологической группой «Рейтинг» [5]. В частности, свое отношение как «холодное» охарактеризовали 28% опрошенных, а как «очень холодное» – 29%. При этом только 3% опрошенных заявили об «очень теплом» отношении к РФ и 15% – о «теплом», 24% охарактеризовали свое отношение как «нейтральное».

При этом лучше всего украинцы относятся к Польше (12% – «очень тепло» и 41% – «тепло»), Белоруссии (10% – «очень тепло» и 41% – «тепло») и Европейскому Союзу (8% – «очень тепло» и 36% – «тепло»).

Была ли успешной российская стратегия на Украине? Зависит от того, какая в действительности была цель. Но если целью было построение партнерских отношений и формирование позитивного образа России – то очевидно, что нет.

Россия изначально вела неэффективную стратегию на Украине, а во время кризиса выбрала жесткую линию, что, в конечном итоге, привело к полной потере Украины как возможного союзника и конфронтации России с США и ЕС.

Ввиду того, что Россия заинтересована в формировании добрососедских отношений со странами-участниками СНГ, из этой ситуации следует извлечь уроки в отношении взаимодействия с ними.

Во-первых, в России так часто говорят про американскую «мягкую силу» и способы противостояния ей, что совсем забыли про Ки-

тай, который на фоне своей экономической экспансии в Центральной Азии активно развивает «мягкую силу». Имеется в виду не противодействие китайской «мягкой силе» и не конфронтация с КНР, а работа по усилению влияния русского языка и русской культуры в рамках экономической интеграции. России следует расширять культурно-гуманитарные связи в Центральной Азии с целью восстановить благоприятный имидж страны в глазах населения этого постсоветского региона. В противном случае есть риск постепенного разрыва экономических и гуманитарных связей, и эту нишу займет Китай, потому что уже сейчас есть тенденция, что студенты в вузах центрально-азиатских стран чаще выбирают для изучения в качестве иностранного китайский, а не русский.

Во-вторых, России нужно не допустить формирования негативного образа в Белоруссии.

Среди многочисленных факторов, повлиявших на ухудшение образа России на Украине, можно выделить два не совсем очевидных.

Первый можно назвать «шовинистическим», и заключался он в отрицании украинской государственности, самостоятельности украинского языка и украинской нации как таковой. Подобные заявления допускали некоторые публичные персоны, публицисты и т.д. Они вызвали скандал и широко расходились в СМИ. В условиях растущих националистических настроений это сильно ухудшало ситуацию и способствовало дальнейшему росту национализма в украинском обществе.

Вторым фактором было противопоставление «Либо Россия – либо Европа». Если сравнивать по уровню развития экономики и благосостояния населения, то Россия не всегда смотрелась выигрышно. Незадолго до событий Евромайдана Украина оказалась именно перед таким жестким выбором, что стало одной из причин политического кризиса. Не следует ставить перед таким выбором Белоруссию: отношения с Россией и отношения с ЕС не являются взаимоисключающими.

Как отмечает белорусский политолог Алексей Дзермант, противостоять проявлениям национализма и ксенофобии (в т.ч. русофобии, белорусофобии, казахофобии и т.д.) можно только на антинационалистической основе, а никак не пропагандой такого же национализма, только русского [8]. По его мнению, «мягкая сила» должна быть взаимной, с привлечением гражданского общества, лояльного своим государством, направленная на достижение взаимопонимания между

странами-участницами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и продвижение его интересов вовне.

Российский политолог Алексей Кочетков, в свою очередь, обращает внимание на тот факт, что около 2/3 граждан Белоруссии выступают за тесную белорусско-российскую интеграцию и считают белорусов и русских единым народом. По его мнению, российские некоммерческие организации могут и должны работать с этой частью белорусского общества, а также вести мониторинг и предавать гласности обозначенные выше негативные явления, опасные как для России, так и для Белоруссии [8]. Российская «мягкая сила» в Белоруссии должна быть направлена на поддержку гражданских инициатив, связанных с углублением белорусско-российской интеграции, реализацией договоров о создании Союзного государства и ЕАЭС.

В заключение хотелось бы отметить, что в последнее время часто говорят о «мягкой силе» в негативном ключе, как о специфическом способе оказания давления на другие страны.

Но развитие «мягкой силы» не должно быть игрой с нулевой суммой. Все страны могут выиграть от нахождения друг друга привлекательными партнерами.

Странам-партнерам по СНГ не следует бояться российской «мягкой силы», потому что это, в первую очередь, инструмент сотрудничества, инструмент дипломатии.

От «мягкой силы», иностранных грантов и т.д. революции не случаются. Конечно, правительства других стран в случае кризиса могут, например, поддержать одну из сторон, но у всех социальных и политических потрясений всегда есть объективные причины.

Россия в первую очередь заинтересована в сильных и стабильных партнерах по СНГ. В этом смысле развитие российской «мягкой силы» в странах СНГ будет способствовать поддержанию социальной и политической стабильности в регионе.

При этом даже в случае смены власти в стране, вне зависимости от причины – в результате выборов или в результате политических потрясений – новая политическая элита должна быть так же лояльна России, как и старая, или, по крайней мере, нейтральна. Это же касается и населения.

Помочь в этом могут именно гуманитарные программы, поддержка экспертного сообщества, ученых, талантливой молодежи, будущих лидеров в различных отраслях, через формирование не аб-

страстного интереса к России и русской культуре, а формирование вполне конкретных связей.

Литература

1. Nye Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / Joseph S. Nye. – New York: Basic Books, 1990.
2. Nye Joseph S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics / Joseph S. Nye. – New York: Public Affairs, 2004.
3. Nye Joseph S. Jr. What China and Russia don't get about soft power / Joseph S. Nye // Foreign Policy. – 2013. – 29 April [Electronic resource]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-Russia-dont-get-about-soft-power/> (accessed date: 19.03.2017).
4. Soft Power Index 2016 // Portland Communications. – 2016 [Electronic resource]. – URL: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking> (accessed date: 19.03.2017).
5. Динамика общественно-политических взглядов в Украине. 28 сентября – 7 октября (Динаміка суспільно-політичних поглядів в Україні. 28 вересня – 7 жовтня) // Социологическая группа «Рейтинг» [Электронный ресурс]. – URL: http://2016ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/2016_september_survey_of_residents_of_ukraine_ua_press_0001.pdf (дата обращения: 18.04.2017).
6. Караганов Сергей. Россия в евроатлантике / Сергей Караганов // Российская газета, Федеральный выпуск №5046 (222). – 2009. – 24 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2009/11/24/euro.html> (дата обращения: 18.04.2017).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации // Kremlin.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 18.04.2017).
8. «Мягкая сила» России. Братская поддержка или вмешательство во внутренние дела? // Imhoclub.by. – 13.01.2017. – 13 янв. [Электронный ресурс]. – URL: https://imhoclub.by/ru/material/mjagkaja_sila_rossii/c/1081432 (дата обращения: 19.03.2017).
9. Нуланд: США вложили в Украину 5 млрд долларов // 112.ua. – 2014. – 22 апр. [Электронный ресурс]. – URL: <http://112.ua/politika/nuland-ssha-vlozhili-v-ukrainu-5-mlrd-dollarov-52325.html> (дата обращения: 19.03.2017).
10. Россия вложила в Украину \$200 миллиардов за 20 лет, заявил Улюкаев // РИА Новости. – 2014. – 19 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/economy/20140519/1008370790.html> (дата обращения: 19.03.2017).
11. Соповещание послов и постоянных представителей России // Kremlin.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения: 18.04.2017).

МЕТОДОЛОГИЯ «УКРАИНОЦЕНТРИЗМА»: КРИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Федоровский Юлий Рудольфович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
Луганский национальный университет имени В.Даля
(г. Луганск, ЛНР)
e-mail: zonnenberg@lds.net.ua

Аннотация. В данной статье автор исследует некоторые аспекты подхода к вопросу методологии современного «украиноцентризма» и дает обзор критических замечаний на эту тему со стороны представителей антиревизионистского направления. Актуальность темы обоснована остротой нынешнего вооруженного конфликта на Донбассе, идеологический базис которого представляет собой одну из сторон рассматриваемого противостояния «украиноцентристов» и их противников.

Ключевые слова: методология истории, «украиноцентризм», историография, коллаборационизм, ОУН-УПА.

METHODOLOGY OF “UKRAINOCENTRISM”: CRITICAL ASPECT

Fedorovsky Julius

Candidate of Historical Sciences,
Associated Professor of Department of Domestic and General History
Lugansk National University named after V. Dal (Lugansk, LPR)
e-mail: zonnenberg@lds.net.ua

Summary. In this article the author explores some aspects of the approach to the question of the methodology of modern "Ukrainocentrism" and provides an overview of critical remarks on this by representatives of the anti-revisionist trend. The relevance of the topic is justified by the severity of the present armed conflict in the Donbas, whose ideological basis is one of the sides of the confrontation of the "Ukrainocentrists" and their opponents.

Key words: methodology of history, "Ukrainocentrism", historiography, collaborationism, OUN-UPA.

Методология истории, как известно, изучает специфику основных теоретико-методологических направлений в исторической науке, различных научных школ и в целом формирует научно-

познавательные предпосылки для проведения конкретно-исторических исследований.

Ключевыми принципами исторической науки являются принципы конкретности, историзма, объективности, опоры на исторические источники, историографические традиции.

Напомним, что еще в середине XIX в. оформились два основных методологических подхода, научно анализирующих историю человечества. Это формационный подход или исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса и цивилизационный, у истоков которого стояли О. Конт, Г. Спенсер, И. Тэн, Н.Я. Данилевский, А. Тойнби и др.

XX век кардинально изменил положение истории в обществе. Некогда слывшая «царицей наук», история сегодня переживает глубокий кризис, одной из характеристик которого является взаимоотношение истории и общества, утрата к ней общественного доверия и, соответственно, резкое падение ее социального статуса. Глубинные причины такого положения, как считается, следует искать в исторической методологии, не сумевшей найти адекватный ответ на вызовы времени. В катастрофических потрясениях XX века потерпели крушение традиционные основания классической историографии: убеждение в разумности мира, вера в прогрессивный характер исторического развития и т.д. Поэтому на протяжении столетия, особенно второй его половины, шел трудный, противоречивый процесс формирования новой истории. В его основе – радикальное теоретико-методологическое перевооружение исторической науки, связанное с поисками нового социального статуса истории. Она превращается в широкую социокультурную дисциплину, изучающую человека во времени и тем самым способствующую его лучшему пониманию. Особое внимание уделяется гуманизации исторической науки как важнейшей характеристике ее современного состояния.

В приложении к отечественной исторической науке одним из наиболее проблемных и болезненных вопросов остается период Великой Отечественной войны, деятельность украинских националистов и связанное с этим явление коллаборационизма.

Напомним, что еще в 1997 году Кабинет Министров Украины во исполнение поручения Президента от 28.05.1997 утвердил Правительственную комиссию во главе с вице-премьер-министром по изучению деятельности ОУН-УПА. В Институте истории Украины НАНУ была сформирована рабочая группа историков при комиссии под руковод-

ством профессора С.В. Кульчицкого. На протяжении 7 лет эта группа выпустила 28 книг и в первый год президентства В. Ющенко был издан итоговый документ «Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА», а также коллективная монография «Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Історичні нариси».

Авторы ввели в научный оборот обширный фактический материал, старательно опровергли мифы традиционной советской историографии, заполнили ряд «белых пятен» в истории ОУН-УПА, подчеркнув масштабы движения, его «державотворчу діяльність у ході визвольних змагань».

Однако политическая конъюнктура значительно нивелировала положительное значение этого труда. Канадский историк, доктор наук Виктор Полищук в 2006 году резко раскритиковал «Фаховий висновок», указав на откровенную тенденциозность его авторов С. Кульчицкого, А. Кентия, Г. Касьянова; их полное смыкание с ангажированными бандеровскими источниками; опору на «сознательно селекционированную историографию», игнорирующую неудобные факты, в частности откровенный коллаборационизм главарей ОУН-УПА; замалчивание фактов преступной деятельности, откровенного террора и этнических чисток, проводимых бандеровцами [4]. Прискорбно, что работа Полищука была фактически проигнорирована, а вот «Фаховий висновок» издан полумиллионным тиражом и распространен в обязательном порядке по всем школьным библиотекам Украины.

Более основательная критика «Фахового висновка» была дана днепропетровскими учеными В.В. Иваненко и В.К. Якуниным в монографии «ОУН-УПА во Второй мировой войне: проблемы историографии и методологии» (2006). Авторы справедливо указали на его ненаучный характер и политизированность; тенденциозный подход, ошибочные тезисы и постулаты; явно предубежденные интерпретации ряда событий, явлений, фактов; откровенную направленность на реабилитацию ОУН-УПА и ревизию итогов Великой Отечественной войны [1].

В последующих работах они вычленили и подвергли справедливой критике концепцию идеологического «украиноцентризма», в последние годы активно использующуюся в качестве «новой методологии» исследований, указав, что этим преследуются две главные цели: отрицание феномена массового героизма советского народа и дискре-

дитация советского патриотизма как одного из основных факторов консолидации народов СССР в Великой Отечественной войне.

В дальнейшем критику методологии «украиноцентризма» развернул молодой донецкий историк Алексей Мартынов, который квалифицировал ее как модернизированную версию украинского «интегрального национализма» бандеровского направления, а «концентрированным изложением этой новой исторической схемы (а вернее, мифологии)» назвал вышеупомянутый «профессиональный вывод» «рабочей группы» под руководством Кульчицкого. Концепция «украиноцентризма», созданная на идеологической основе эмигрантской историографии, предлагает чисто ревизионистский, резко антисоветский и антироссийский взгляд на историю Второй мировой войны и российско-украинских отношений в целом. Мартынов вычленил такие основные черты данной концепции:

- замкнутость и ограниченность историографии (следование консервативной историографической традиции, сформированной еще в 1940-90-е гг. в эмигрантских центрах наподобие «Свободного Украинского университета» в Мюнхене);
- шельмование идеологических оппонентов (нетерпимость к любым другим направлениям, открытая враждебность к советской, современной российской и антифашистской украинской историографии, навешивание на них ярлыков «антиукраинских» и «тоталитарных»);
- историко-правовой нигилизм (субъективность и тенденциозность историографии «украиноцентризма», игнорирование юридического аспекта проблемы ОУН-УПА вопреки нормам международного права, в частности положений Приговора Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, Конвенции о предупреждении преступления геноцида 1948, Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям 1968 и др.);
- создание необандеровских культов (активизировавшееся при президенте Ющенко создание искусственных общественно-политических культов, призванных прославлять и популяризовать нацистских пособников, идеологов и главарей украинского национализма Р. Шухевича, С. Бандеру, В. Кука, Андрея Шептицкого и др.);
- использование административного ресурса [2, с. 243] (продвижение «украиноцентризма» в жизнь при помощи прямых административных мер со стороны государственных органов, в первую очередь

президентской вертикали власти, а в последние годы – прямое насилие против исследователей, не согласных с такими трактовками).

Отметим, что, кроме Мартынова, в подобном антиревизионистском ключе работают также такие современные историки, как Александр Дюков (Москва), Анатолий Чайковский (Киев), Олег Росов (Днепропетровск), Владимир Воронцов (Крым), Сергей Барышников (Донецк) и другие.

Однако в современной украинской историографии, к сожалению, преимущественно наблюдается отчетливая тенденция к идеализации деятельности ОУН-УПА, особенно обострившаяся в последние годы, когда к власти после «Майданного переворота» 2014 года пришли откровенно пронацистские силы. Сегодняшние украинские исследователи зачастую преувеличивают вклад националистов в борьбу против нацистских оккупантов, крайне героизируют участников оуновского движения, замалчивают или оправдывают фактически союзнические отношения ОУН-УПА с немецкими войсками, спецслужбами, оккупационной администрацией, проведение ими боевых действий и террора против Красной Армии, советских партизан, мирного польского и украинского населения и даже полностью отрицают существование такого явления, как украинский коллаборационизм (В. Сергейчук).

Например, И.К. Патриляк голословно утверждает, что УПА вела борьбу с рейхом «самовіддано, масштабно і безкомпромісно... нацисти з 1942 р. саме в українських націоналістах бачили найбільшу загрозу своєму пануванню в краї. УПА зробила максимум, що в такій ситуації могла зробити партизанська армія» [3, с.410-411]. Хотя, как убедительно показано в многочисленных документах, вооруженные действия националистов против оккупантов носили крайне ограниченный характер. Руководство УПА осторожничало в выступлениях против немецких гарнизонов, рассматривая как главную задачу отпор «нової більшовицької окупації». Не случайно ни в одной из работ по истории ОУН-УПА не приводятся обобщенные статистические данные о том, сколько фашистских оккупантов было убито и ранено, сколько танков, бронемашин, поездов уничтожено УПА.

Также В.О. Шайкан и другие авторы, подчеркивая ситуативность и временность сотрудничества ОУН-УПА с оккупантами, утверждают, что такие соглашения имели только тактический характер. Таким образом, они, как замечают В.В. Иваненко и В.К. Якунин, из конъюнктурных соображений пытаются любой ценой обелить бан-

деровское движение, вывести его за рамки никем никогда не опровергнутых обвинений в коллаборационизме.

Курс на героизацию ОУН-УПА поддерживается также ныне правящими политическими силами, представителями властных структур и академических институтов. Как заметил известный историк, академик П.П. Толочко (недавно отправленный в отставку новыми «пост-Майданными» властями Украины), часть ученых обслуживает современную политическую конъюнктуру, живет по принципу: чего угодно? А сегодня «угодно» говорить, что бандеровцы – это герои-освободители Украины – и они про это говорят.

В независимой Украине еще с 1991 года культивировался ряд националистических мифов, таких как: Бандера, Шухевич, Василь Кук и другие лидеры ОУН-УПА – «легендарные личности, герои-борцы за Украину»; «ОУН – общеукраинское явление»; «именно УПА сыграла решающую роль в разворачивании сопротивления нацистам на западноукраинских землях»; «Великая Отечественная была чужой войной для украинского народа» и т.п.

Подобная мифологизация, а также другие негативные черты методологии «украиноцентризма» категорически противоречат вышеуказанным основополагающим принципам исторической науки, а именно принципам историзма, объективности, опоры на исторические источники, историографической традиции.

Острые дискуссии между двумя разными концепциями истории Украины периода Второй мировой войны продолжались относительно свободно до недавнего времени. Носителями одной из них являются ветераны УПА, политические и общественные организации, считающие себя правопреемниками ОУН, ученые, разделяющие их взгляды. Выразители другой концепции – это ветераны Великой Отечественной войны, а также профессиональные историки, которые стоят на их позициях. Представители этих двух концепций занимают диаметрально противоположные позиции по ключевым проблемам истории, дают разные ответы на вопросы сущности и характера войны, кого считать героями, а кого – врагами, как оценивать военные события 1941-1944 гг. на территории Украины, как относиться ко дню 9 мая.

Достойно сожаления, что в современной украинской историографии «украиноцентристский» подход стал доминирующим. На практике это приводит к неадекватным характеристикам ряда событий прошлого, тенденциозной их интерпретации. Ход исторических

событий искусственно разрывается по национально-территориальному признаку, игнорируя целостность явления. Авторы напрочь отрицают или замалчивают позитивные тенденции совместной украинско-российской истории, ставят в центр повествования негативные факторы, ошибки и просчеты, что необъективно.

Все вышеперечисленные негативные явления достигли своего апогея в последние три года, когда на территории большей части Украины начал править нелегитимный пост-Майданный режим, когда в академические споры откровенно вмешалась сегодняшняя политическая конъюнктура и власти откровенно стали на сторону апологетов пробандеровской точки зрения, зачастую используя прямое насилие.

8 сентября 2016 года коллегия Министерства образования и науки Украины одобрила новые учебные программы для 9 класса средних школ «в свете исторических событий, произошедших в стране за последние два года», которые будут учтены при печатании новых учебников с 2017 г. Наиболее заметные изменения коснулись программ по истории Украины и географии, которые «пересмотрены с украиноцентрической точки зрения. События, которые изучаются в курсе истории Украины, должны согласовываться с европейской историей и историей соседних стран». С 1 сентября ученики 10-11 классов будут изучать историю Украины по новой программе. Впервые в старших классах вводятся практические занятия с упором на тему «советской оккупации» и «войны с Россией». Выделены в отдельные темы «Установка и утверждение советского тоталитарного режима (1921-1939 гг.)», «Войны советской России с Украинской народной республикой», «Советская оккупация Украины» [5].

Глава Института национальной памяти Владимир Вятрович (один из столпов современной пробандеровской историографии, неоднократно уличенный в фальсификации архивных источников) в феврале 2017 г. представил украиноцентричную концепцию преподавания современной истории для учеников 10-11 классов. Он предложил вообще заменить предметы «История Украины» и «Всемирная история» одним – «История: Украина и мир», считая, что этот предмет «будет способствовать выработке устойчивости школьников к манипуляциям вокруг истории». В концепции Вятровича предусматривается, что в общем предмете компонент истории Украины должен быть не менее 70% от общего объема материала и дол-

жен базироваться на принципах «патриотизма, украиноцентризма, европейскости».

В структуре предмета предлагаются такие пункты: войны УНР с Россией; оккупация Украины коммунистической Россией; ассимиляторская политика Советского Союза; Голодомор и массовые репрессии; украинское измерение Второй мировой войны; Украинское освободительное движение 1930-х – 1940-х годов и Движение сопротивления на оккупированных нацистами и их союзниками территориях; установление марионеточных коммунистических режимов в Европе; украинцы в военных формированиях других государств и проч. [6]

Таким образом, нынешний киевский этнократический режим окончательно встал на порочный путь воспитания подрастающего поколения на ультра-националистических идеалах в стиле «Юкрейн юбер аллес», не желая вспоминать, к чему приводили подобные опыты в Европе в XX веке и чем это закончилось для подобных режимов.

Для противостояния таким извращениям, в порядке конкретных рекомендаций, автору представляется справедливым и необходимым давать учащимся сумму фактов со всех сторон для самостоятельного составления ими объективной картины исторических событий.

Литература

1. Іваненко В.В. ОУН і УПА у другій світовій війні: проблеми історіографії та методології / В.В. Іваненко, В.К. – Дніпропетровськ: Арт-прес, 2006. – 424 с.

2. Мартынов А.С. Проблема ОУН-УПА и Восток Украины: на примере региона Донбасса. Критика историографии «украиноцентризма» / А.С. Мартынов // Украинский национализм и Донбасс. – Донецк, 2010. – С.186-311.

3. Патриляк І. Український визвольний рух у роки Другої світової війни / І. Патриляк, В. Трофимович // Україна у Другій світовій війні: погляд з ХХІ ст. Історичні нариси: У 2 кн. – К.: Наукова думка, 2011. – Кн. 2. – С.386-429.

4. Полищук В. Гора родила мышь. Бандеровскую. Критика «Отчета рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН-УПА» / В. Полищук. – Киев, 2006. – 80 с.

5. В Украине переписали школьные программы для 9 класса в духе «украиноцентризма» // Страна.Юа: информационно-аналитическое сетевое издание. – 2016. – 9 сент. [Электронный ресурс]. – URL: <https://strana.ua/news/30887-v-ukraine-perepisali-shkolnye-programmy-dlya-9-klassa.html> (дата обращения: 29.03.2017).

6. Вятрович хочет заменить историю Украины и Всемирную историю одним предметом // Страна.ua: информационно-аналитическое сетевое издание. – 2017. – 10 февр. [Электронный ресурс]. – URL: <https://strana.ua/news/55054-vyatrovich-predlozhl-zamenit-istoriyu-ukrainy-i-vsemirnyuyu-istoriyu-odnim-predmetom.html#.WJ3aLSXYSr8.facebook> (дата обращения: 29.03.2017).

УДК 321.013

ДНР: ПРОШЛОЕ, ТЕКУЩАЯ ОБСТАНОВКА, ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ БУДУЩЕГО

Иванова Валентина Сергеевна

студентка факультета международных отношений

Воронежский государственный университет

e-mail: stonymaiden1806@gmail.com

***Аннотация.** Данная статья представляет собой анализ текущего положения Донецкой Народной Республики, рассмотрение возможных сценариев развития событий в ДНР с учетом современных реалий международных отношений и исторического прошлого республики.*

***Ключевые слова:** ДНР, непризнанные государства, «Русская Весна».*

LPR AND DPR: THE PAST, CURRENT STATE OF AFFAIRS, POSSIBLE OPTIONS FOR THE FUTURE

Ivanova Valentina

Student of International Relations Department

Voronezh State University

e-mail: stonymaiden1806@gmail.com

***Summary.** This article is devoted to the analysis of the current situation of DPR, consideration of possible scenarios taking into account the current state of international relations and the historical background of the republic.*

***Key Words:** DPR, unrecognized states, “Russian Spring”.*

Для анализа текущей ситуации на территории Донецкой Народной Республики необходимо обратиться к истории для понимания того, что территория Украины не монолитна, она представляет собой совокупность территорий, имеющих различное историческое прошлое, несущих отпечаток различных культур.

Так, территории Закарпатья в определенный исторический период считались венгерскими, затем – чехословацкими, а впоследствии вошли в состав СССР. Бессарабия – современная Одесская область – исторически территория Молдавии, перешедшая сначала к Румынии, а потом – к СССР.

Представляющие наибольший интерес для данной работы территории Слободской Украины (ныне Донецкая, Луганская, часть Сумской, Харьковская области) имеют особую историю, особую региональную идентичность. Этнический фактор не имел первостепенного значения для жителей Донбасса в период нахождения в составе Российской Империи, Советского Союза, упор делался на социальный статус, доступ к благам. Идеологический фактор в еще большей мере способствовал отодвиганию национального признака на Донбассе на второй план, что отличалось от западного региона Украины, «где главным мерилом патриотизма выступает язык, национальная культура и приверженность к традиционным этническим ценностям» [6, с. 98]. Так на территории Донбасса сформировалось относительно однородное общество с особым пониманием национальной идентичности, национальной идеи.

На протяжении истории Украина испытывала сложности с геополитическим самоопределением ввиду ее географического и геополитического положения между Востоком и Западом. Так, в доиндустриальную эпоху (эпоха преמודерна) Юго-Западная Русь тяготела к Русскому Царству, впоследствии частично войдя в ее состав. В эпоху индустриального общества (эпоха модерна) появляется стремление противопоставить себя Москве, что объясняется рождением идеи нации. В свою очередь в постиндустриальный период (эпоха постмодерна) налицо разделение Украины на сторонников укрепления связей с Россией и сторонников интеграции с Западом [16].

Таким образом, события 2013-2014 гг. на Украине привели к расколу государства. В результате так называемого «Евромайдана» Юго-Восток Украины выступил против нового прозападного режима Киева, а также за воссоединение со «своей исторической Родиной –

Россией». Данные массовые протесты получили название «Русская Весна» [13].

Результатом вышеуказанных событий стало образование ЛДНР, гражданская война на Украине, вооруженные столкновения на территории республик [18].

7 апреля 2014 г. в Донецке были провозглашены Декларация о суверенитете ДНР и Акт о государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики. 11 мая 2014 г. на территории Донецкой Народной Республики прошел референдум, в ходе которого граждане республики выразили свое отношение к поддержке суверенитета ДНР (государственный суверенитет поддержали 89,7% проголосовавших) [8]. Уже в марте 2016 г. в ДНР началась выдача собственных паспортов [15].

По мнению ряда исследователей, ДНР можно отнести к категории «проблемных государств» – понятие, объединяющее «непризнанные государства», «квазигосударства», «повстанческие государства», «несостоявшиеся государства» и другие подобного рода образования, относящиеся к «зонам проблемной государственности», где отсутствуют основные признаки государственности и существуют проблемы с контролем входящих в их границы территорий [17, с. 104].

В качестве оснований для включения ДНР в группу проблемных государств выделяется ряд факторов:

1) отсутствие международного признания ДНР хотя бы одним государством-членом ООН. Единственным государством, признавшим независимость обеих республик, является Южная Осетия, которая сама не является членом ООН и имеет ограниченное признание [11]. Украина не признает ДНР и ЛНР государствами, а рассматривает их как террористические и сепаратистские организации, марионеточные государства Российской Федерации, которые незаконно захватили и удерживают украинскую территорию [9; 10].

2) проблемы суверенитета самопровозглашенной республики. ДНР испытывает проблемы с регулированием экономических процессов и с поступлением налогов от предприятий, находящихся на территории ДНР, в бюджет. Предприятия, имеющие регистрации на неподконтрольных Украине территориях Донецкой и Луганской областей, с 2014 года уплатили налогов, сборов и единого социального взноса (ЕСВ) в госбюджет Украины на общую сумму около 36,8 млрд. грн.

(около \$1,5 миллиарда). Также не введена собственная валюта, что препятствует обеспечению экономического суверенитета [14].

3) незавершенность процесса создания легитимных органов власти. Предусмотренные Минскими соглашениями выборы в органы местного самоуправления ограничились предварительным голосованием, результатом которого стала победа общественного движения «Донецкая Республика» в 505 округах из 514 [2].

При рассмотрении событий Русской весны в контексте теории революций Джека Голдстоуна, события на Донбассе проходят через определенные фазы: I – захват власти революционерами; II – постреволюционную борьбу за власть. В настоящее время идет переход к III фазе – установлению «новой нормальной власти», становлению демократических институтов, попыткам подавления революционных формирований, установлению контроля вновь образованных государственных структур над всей территорией страны, установлению относительной стабильности (в перспективе получить международное признание). В самопровозглашенных республиках Донбасса еще далеко до наступления «реконсолидированной, стабильной версии революционного режима»... [18, с. 73-75]

Появление нового государственного образования – ДНР – также рассматривается как результат сепессионистских процессов, характерных для современных международных отношений. Сепессия – крайняя форма политического сепаратизма, которая представляет собой процесс отделения от существующего государственного образования какой-либо его части, в результате которого в границах этой территории создается новое суверенное государство. «Нерегулярность международного статуса... ставит под вопрос государственную состоятельность, способность обеспечить выполнение необходимых функций политического производства» [12]. Однако для обеспечения обладания всей полнотой суверенных прав необходимо международное признание, с чем ДНР, как уже было отмечено, испытывает трудности.

При этом появление квазигосударства становится результатом продолжительных системных противоречий в обществе между группами сил, представляющих разные слои населения и опосредующих дифференцированные подходы в политике, экономике, религии, этнокультуре и т.д. Такие противоречия на территории Украины имели в качестве основы языковые и этнополитические разногласия [1].

Таким образом, основания для включения ДНР в категории «квазигосударств»/«проблемных государств» следующие: реально существующая автономия, отсутствие международного признания, проблемы суверенитета, незавершенность создания легитимных органов власти.

Касаемо экономической самостоятельности Донбасса, можно утверждать, что фактический отрыв от Украины уже произошел, и он будет только увеличиваться [4]. ДНР активно стремится к возрождению торгово-экономических связей времен СССР. Это фактически единственный реалистический способ восстановления промышленной деградации, которая являлась частью еще общеукраинских процессов.

Можно констатировать, что сложность с инвестициями, модернизацией производств у ДНР компенсируется пока полной деиндустриализацией и деградацией в экономике самой Украины, потерей ей российского рынка. Но говорить об экономической самодостаточности Донбасса в отрыве от производственных цепочек и экономических связей явно преждевременно [4].

С учетом вышеуказанных факторов, представляется возможным выделить ряд сценариев развития событий на территории Донбасса: возвращение ДНР под юрисдикцию Украины, включение ДНР в состав Российской Федерации. Стоит отметить, что вариантов развития ситуации может быть намного больше, в зависимости от конкретной расстановки сил, от отношений между крупными игроками – Россией, США, ЕС и ряда других факторов. Рассмотрение непосредственно этих двух сценариев имеет целью обозначить широту диапазона возможного решения конфликта.

1. Вариант возвращения пророссийского Донбасса в состав децентрализованной Украины. Донбасс, ориентированный на Москву, мог бы стать одним из инструментов влияния Кремля на Киев [4]. Однако такой вариант на данном этапе представляется нереализуемым, так как сам Киев решительно и последовательно отторгает от себя свои регионы, обрекая тем самым миллионы своих граждан на проживание без социального, банковского, медицинского обеспечения [3]. Иными словами, это вариант, продиктованный волей Запада, и не несущий выгоды ни участникам Русской Весны, ни Правительству Украины [17, с. 106].

Интеграция ДНР в состав Украины возможна только в случае эскалации конфликта, возможным результатом которого может стать военное поражение республики.

2. Сценарий включения ДНР в состав Российской Федерации. По мнению Алексея Чеснакова - директора Центра политической конъюнктуры, у России существуют два этапа интеграционных процессов для Донбасса: «На первом этапе нужно создавать условия для того, чтобы жители Донецкой и Луганской Народной Республики могли реализовывать максимально свои любые человеческие права на территории этих регионов и на территории России... А на втором этапе нужны более тесные механизмы интеграции, чтобы было возможно не только реализовывать свои права, но и реализовывать программы развития. В перспективе это должна быть более тесная экономическая интеграция [7].

Жителям ДНР референдум 11 мая 2014 года о признании суверенитета республики преподносился как промежуточный этап на пути интеграции в РФ. Планировалось провести повторное голосование уже по вопросу о присоединении к Российской Федерации, но вскоре этот вопрос был отнесен к разряду второстепенных [5]. Примечательно, что Правительство РФ проигнорировало желание жителей ДНР, что подчеркивает отсутствие готовности Кремля в условиях геополитической нестабильности включить в свой состав территории непризнанных республик. Это подтверждается и заявлением пресс-секретаря Президента РФ Дмитрия Пескова о том, что Кремль не располагает сценариями по включению непризнанных республик в РФ. «Россия была и остается заинтересованной в том, чтобы у ее границ существовало единое, предсказуемое государство», каким Украина на данный момент не является [3].

Тем не менее, поиск интеграционных связей с Россией – это единственный шаг развиваться для Донбасса, который оказался в блокаде. Вопрос в том, какую степень интеграции этих территорий почитает для себя приемлемой Москва [4]. Однако не стоит забывать, что, в случае выполнения Киевом всех пунктов Минских соглашений, вполне вероятен и вариант возвращения Донбасса в состав децентрализованной Украины.

Подводя общую черту, можно прийти к заключению, что улаживание конфликта на Донбассе во многом зависит от крупных мировых игроков, в первую очередь, от воли России.

В долгосрочной перспективе опыт ДНР может побудить к росту сепаратистских настроений и на исторически венгерской территории Закарпатья, и в вышеупомянутых Бессарабии и Северной Буковине, да и на ряде других территорий. Фактором, этому способствующим, является и ведение Венгрией и Румынией массовой паспортизации этнических венгров и румын соответственно за пределами своих государств, и претензии румынской стороны на территории Бессарабии и Северной Украины. Стоит вспомнить, что Румыния уже смогла добиться отторжения от Украины территории острова Змеиный в 2009 году [19].

На самом деле вариантов развития ситуации достаточно много, их моделирование зависит от большого количества факторов, немаловажную роль среди которых играют внешнеполитические факторы. Неоспоримым остается одно: Россия следует двигаться в направлении вывода территории Донбасса из зоны проблемной государственности.

Литература

1. Бердегулова Л.А. Правовой статус ДНР и ЛНР как квазигосударственных образований на постсоветском пространстве / Л.А. Бердегулова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11(61). – С. 26-28.
2. В ДНР объявили результаты праймериз // Российская Газета. – 2016. – 3 окт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/10/03/v-dnr-obiavili-rezultaty-prajmeriz.html> (дата обращения: 14.04.2017).
3. В Донбассе выступили за референдум о вхождении в состав России, Кремль против // Новый день. – 2017. – 17 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://newdaynews.ru/policy/597310.html> (дата обращения: 09.04.2017).
4. В Крыму презентовали «дорожную карту» Донбасса // Свободная Пресса. – 2017. – 17 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://svpressa.ru/politic/article/168520/> (дата обращения: 09.04.2017).
5. ДНР: между молотом и наковальней // EurAsia Daily. – 2016. – 10 окт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2016/10/10/dnr-mezhdu-molotom-i-nakovalney> (дата обращения: 02.04.2017).
6. Заяц А.А. Региональная идентичность как фактор влияния на процессы консолидации: опыт Донбасса / А.А. Заяц // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2016. – № 3(59). – С. 95-101 [Электронный ресурс]. – URL: http://donnu.ru/public/journals/files/zhipmi_vol_59.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

7. Интеграция ЛНР и ДНР с Россией пройдет в два этапа // ИСТОК. – 2017. – 17 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://miaistok.su/integratsiya-lnr-i-dnr-s-rossiej-projdyot-v-dva-etapa/> (дата обращения: 20.04.2017).

8. Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://dnr-online.ru/doneckaya-narodnaya-respublika/> (дата обращения: 14.04.2017).

9. Официальный сайт посольства Украины в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://russia.mfa.gov.ua/ru/press-center/comments/5539-zajava-mzs-ukrajini-u-zvjazku-z-obstrilom-patrulya-smm> (дата обращения: 02.04.2017).

10. Официальный сайт Президента Украины [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.president.gov.ua/news/zvernennya-prezidenta-shodo-proektu-zmin-do-konstituciyi-35681> (дата обращения: 02.04.2017).

11. Официальный сайт Президента Южной Осетии [Электронный ресурс]. – URL: <http://presidentruo.org/ukaz-o-priznanii-doneckoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 02.04.2017).

12. Плавинский В.Б. О проблеме международной легитимации новых государств: политико-правовой анализ / В.Б. Плавинский // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – №3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-mezhdunarodnoy-legitimatsii-novyh-gosudarstv-politiko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 15.04.2017).

13. Подробная хронология Русской весны (Часть I) // Новороссия. – 2017. – 17 апр. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mianews.ru/ru/2017/04/17/podrobnaya-xronologiya-russkoj-vesny-chast-i/> (дата обращения: 20.04.2017).

14. Предприятия на территориях «ДНР/ДНР» заплатили в украинский бюджет 36,8 млрд грн // СТРАНА.ua. – 2016. – 19 июля [Электронный ресурс]. – URL: <https://strana.ua/news/23560-nepodkontrolnye-ukraine-territorii-zaplatili-v-ukrainskij-byudzhethet-36-8-mlrd-grn.html> (дата обращения: 14.04.2017).

15. Расследование РБК: как в России признали паспорта ДНР и ЛНР // РБК. – 2017. – 02 февраля [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/02/02/2017/587cf9159a7947e5f86ee045> (дата обращения: 02.04.2017).

16. Сальников В.И. Проблемы геополитического выбора Украины / В.И. Сальников // Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета. – 2015. – № XXI. – С.93-99.

17. Сальников В.И. ДНР и ЛНР как проблемные государства: современные реалии и возможные перспективы / В.И. Сальников, Ю.В. Небольсин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. – №1. – С.105-107 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2017/01/2017-01-20.pdf> (дата обращения: 20.04.2017).

18. Сальников В.И. «Революция достоинства» и «Русская Весна»: сравнительный анализ / В.И. Сальников // Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета. – 2017. – № XXVII. – С.71-78.

19. Слинько Е.А. Проблемы политической нестабильности в ЕС и на постсоветском пространстве в контексте украинского кризиса / Е.А. Слинько // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – №3. – С. 205-209.

УДК 327.7

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Калайджян Альберт Дживанович

выпускник магистратуры

факультета международных отношений ВГУ

e-mail: k_abonya@mail.ru

Аннотация. Данная научная статья посвящена политике Евросоюза по отношению к Республике Беларусь, а также динамике взаимоотношений между сторонами. Кроме того, в статье анализируется сотрудничество между обеими сторонами в будущем.

Ключевые слова: Республика Беларусь, Европейский Союз, сотрудничество, партнерство, политические контакты, торговля.

THE EUROPEAN UNION'S POLICY TOWARD THE REPUBLIC OF BELARUS

Kalaidzhian Albert

Master of Political Sciences,

Faculty of the International Relations,

Voronezh State University

e-mail: k_abonya@mail.ru

Summary. This scientific article is devoted to the EU's policy toward the Republic of Belarus, and also dynamics of the relations between the parties. Besides, the article analyzes cooperation between the two sides in the future.

Key words: The Republic of Belarus, European Union, cooperation, partnership, political contacts, trade.

Несмотря на то, что Европейский Союз и Республика Беларусь (РБ) подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) в 1995 г., оно так и не было ратифицировано ЕС. Начиная с создания «Восточного партнерства» (ВП) в 2009 г. ни одна инициатива со стороны Евросоюза не была реализована с РБ [10, с. 176]. Среди шести участников ВП только с ней не ведется работа по созданию правовой основы взаимодействия. В 2007–2013 гг. в рамках программы Европейского инструмента соседства Республика Беларусь получила самую наименьшую среди всех остальных стран-членов «Восточного партнерства» материальную помощь. Выделенная ей за это время сумма (94,2 млн евро) в 10 раз меньше, чем та, что предназначалась, к примеру, Украине (более 1 млрд евро) [7, с. 19]. Всего по программе ЕПС РБ было выделено менее 4% всей донорской помощи, которая была направлена шести странам ВП, а получено еще меньше – 2,3% [7, с. 19]. Каждая белорусская электоральная кампания постоянно вызывала у европейских экспертов только критику, причем каждый раз все более жесткую: от одних выборов к другим [6, с. 115]. Освобождение в августе 2008 г. оппозиционных политиков С.Е. Парсюкевича, А.И. Кима и А.В. Козулина, произошедшее в преддверии очередных парламентских выборов, послужило поводом для смягчения оценок. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко продемонстрировал, тем самым, заинтересованность в признании выборов международными организациями, в частности, Европейским Союзом [6, с. 115].

Подготовка к этим парламентским выборам проходила на фоне мирового экономического кризиса, а также роста безработицы и спада промышленности в стране. После российско-грузинского конфликта РБ, несмотря на настоятельные просьбы Российской Федерации признать независимость Абхазии и Южной Осетии, отказалась это сделать. В такой ситуации у страны увеличилась потребность в финансовой поддержке извне, которую мог обеспечить только Евросоюз [6, с. 115], что послужило причиной для потепления отношений между сторонами. В итоге было принято решение о возобновлении контактов, что оказалось, правда, недостаточно для изменения подхода ЕС к Республике Беларусь.

В дальнейшем ситуация поменялась снова в худшую сторону. Президентские выборы в РБ 2010 г. были расценены следующим образом: предвзятость избирательной администрации, неравные условия

для кандидатов и ограничительные условия для СМИ, а также систематическое отсутствие прозрачности на всех этапах избирательного процесса. Белорусские власти отвергли критику и обвинили Евросоюз в двойных стандартах и необъективности. ЕС также не признал результаты парламентских выборов 2012 г. [3, с. 87], ввиду чего число белорусских чиновников и бизнесменов, по отношению к которым были введены санкции, запрещающие им въезд на территорию Евросоюза, достигло максимума в конце марта 2012 г. и составило 243 человека. Но, начиная с 2013 г., наступил процесс нормализации отношений между сторонами, проявляющийся в удалении из санкционных списков некоторых чиновников и бизнесменов: в октябре 2014 г. в нем числились уже 201 человек и 18 предприятий [7, с. 19]. Европейский Союз все больше в настоящее время расширяет программы помощи для Республики Беларусь. С 2014 по 2020 гг. планируется выделить от 120 до 158 млн евро [7, с. 19].

В ноябре 2013 г. в Вильнюсе прошел саммит «Восточного партнерства», который для РБ завершился тем, что Евросоюз перешел от политики «заморозки» к «вовлечению» страны к сотрудничеству. ЕС вынужден был признать ограниченность рычагов влияния на страну и неудачу своей политики санкций и «замораживания» отношений. Этому поспособствовала позиция руководства РБ, которая была озвучена министром иностранных дел Республики Беларусь В.В. Макеем. Глава МИДа высказался за необходимость учитывать в рамках инициативы специфику стран-партнеров и подчеркнул заинтересованность государства в развитии открытого диалога и сотрудничества с ЕС в целях формирования подлинного партнерства [1, с. 75].

Одной из главных причин для возобновления двусторонних контактов служит тот факт, что Брюссель обеспокоен уровнем вовлеченности РБ в интеграционные процессы с участием Российской Федерации. Европейский Союз делает все возможное, чтобы ослабить стремление государства в евразийскую интеграцию и включить ее в европейскую [7, с. 20]. С помощью частых кулуарных встреч европейские чиновники стараются нащупать «слабые места» интеграционного сотрудничества Минска с Москвой и предложить более выгодные (с экономической точки зрения) варианты под эгидой ЕС. Расхождения в интересах и ожиданиях стран – участниц ЕАЭС являются предметом самого пристального внимания Брюсселя [7, с. 20].

Также стоит отметить позицию белорусских властей в ходе кризиса на Украине: они постарались максимально использовать его, чтобы наладить отношения с Европой, а также Минск получил статус переговорной площадки по урегулированию украинского кризиса [7, с. 21]. Белорусские дипломаты открыто говорят о готовности вести диалог с Западом, что может поспособствовать снятию препятствий для программ модернизации. Стремление улучшить отношения с ЕС и проявление интереса РБ к западноевропейским интеграционным процессам в 2014 – начале 2015 гг. стали постоянными темами общественно-политического дискурса.

Это было мотивировано и желанием белорусских властей снять напряжение в отношениях перед президентскими выборами 2015 г., и экономическим ослаблением России, из-за которого Республика Беларусь проявляет все большую заинтересованность в западных источниках кредитования экономики страны и расширении экспорта в Европу. Не может не вызывать его беспокойства наметившееся с 2012 г. снижение торгово-экономических связей с Европейским Союзом, на долю которого в 2014 г. приходилось 26% общего товарооборота республики [7, с. 21].

Знаковым для отношений между сторонами стал 2014 г. В рамках программы «Восточное партнерство» стартовали переговоры по заключению соглашений об упрощении визовых процедур и о реадмиссии. Важным шагом на пути сближения стало начало консультаций по проблемам модернизации. Их цель – определение формы сотрудничества в этой сфере.

Катализатором белорусско-европейского взаимодействия стали санкции России в отношении европейских производителей продовольствия. Осенью 2014 г. наметилась активность представителей политических и деловых кругов соседних с РБ стран ЕС с целью поиска возможностей переработки продукции и ее экспорта через Республику Беларусь. Появляются также и новые перспективы для деловых отношений между Республикой Беларусь и Европейским Союзом в формате еврооблигаций, кредитных линий Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и Европейского инвестиционного банка [7, с. 22].

Среди стран-членов ЕС крупнейшими партнерами РБ по объему товарооборота в 2014 г. являлись Германия (3,8 млрд долл.), Польша (2,2 млрд), Нидерланды (2 млрд), Италия (1,9 млрд), Литва (1,2 млрд

дол.) [7, с. 23]. Особенно хотелось бы выделить немецкий рынок, который по объему внешней торговли РБ за 2014 г. был третьим по величине после российского и украинского, а импорт республикой германских товаров превысил только импорт товаров из России.

Миссию продвижения европейских ценностей в Республику Беларусь возложили на себя Польша, Германия, Швеция и три страны Прибалтики. Активную политику в данной сфере опять же ведет Германия, выделившая в период 2006-2012 гг. 129,17 млн долл., а за ней следуют Польша и Швеция: 107,72 млн и 105,26 млн долл. соответственно [11]. В структуре всей помощи Польши другим странам Республика Беларусь занимает 50%, а Швеции – около 20% [9]. Благодаря усилиям Польши и Литвы по ряду визовых показателей страны Шенгена оказались открыты для граждан РБ в большей степени, в отличие для жителей других стран – участниц «Восточного партнерства» и России. Консульства Польши и Литвы (в Минске и Гродно соответственно) проводят самую либеральную визовую политику в отношении белорусов и выдают им 2/3 всех шенгенских виз [8, с. 13].

Говоря конкретно о взаимоотношениях Республики Беларусь со странами Прибалтики, то надо заметить, что руководство страны видит в них основные каналы налаживания контактов с ЕС, особенно в период председательства Литвы (2013 г.) и Латвии (2015 г.), о чем свидетельствуют заявления высших руководителей страны. В январе 2015 г. президент и министр иностранных дел выразили большую надежду на помощь Латвии и Рижский саммит ВП в сближении с «технологическим Западом» [5].

2015 году характеризовался интенсификацией политических контактов между Европейским Союзом и Республикой Беларусь. Только в течение февраля состоялась встреча министра иностранных дел государства В. Макея и его латвийского коллеги Э. Ринкевичса, на которой обсуждались перспективы взаимодействия ЕС и ЕАЭС. Минск посетили заместитель генсекретаря Европейской службы внешних действий Х. Шмид и директор департамента России, «Восточного партнерства», Центральной Азии, регионального сотрудничества и ОБСЕ Европейской службы внешних действий Г. Виганд, спецдокладчик Парламентской ассамблеи Совета Европы А. Ригони, заместитель председателя группы Европейской народной партии в Европарламенте С. Калниете. В апреле того же года в РБ находился комиссар по Европейской политике соседства и переговорам по рас-

ширению Й. Хан. В июне в Минске проходила сессия по окружающей среде пятого раунда неформального диалога на уровне министров стран – участниц инициативы ЕС «Восточное партнерство» [1, с. 76]. В декабре состоялась встреча главы внешнеполитического ведомства Белоруссии с министрами иностранных дел государств ЕС в Брюсселе. В ходе данных визитов и встреч обсуждалось будущее сотрудничества Евросоюза и РБ. Важным шагом на пути сближения Республики Беларусь и Евросоюза явилось признание Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ прогресса в демократичности президентских выборов 2015 г.

В своих отношениях со страной Союз руководствуется поочередными выводами Совета министров иностранных дел. Последние выводы Совета по РБ были приняты в феврале 2016 г. [13]. Перспективы взаимодействия в многостороннем формате рассматривались в 2016 г. на прошедшем в Брюсселе заседании координационной группы «Беларусь – ЕС», в ходе минских встреч с делегацией Парламентской конференции Балтийского моря, а также в Киеве на неформальной встрече министров иностранных дел стран «Восточного партнерства». Различные аспекты двусторонних отношений анализировались в ходе визитов в Минск главы МИД Польши В. Ващиковского, его коллеги из Чехии Л. Заоралека, а также в рамках визита главы МИД Республики Беларусь В.В. Макея в Латвию [1, с. 77].

В мае 2016 г. в Минске обсудили перспективы сотрудничества Республики Беларусь и Евросоюза. В МИД прошла встреча с делегацией из стран Бенилюкса (Бельгии, Люксембурга и Нидерландов). С политическими директорами внешнеполитических ведомств этих стран встретился министр иностранных дел РБ В.В. Макей. На этой встрече речь шла о нынешнем состоянии отношений Беларуси и ЕС, об их развитии, затрагивались вопросы региональной безопасности [4]. Глава Представительства ЕС в РБ Андреа Викторин заявила, что отношения Евросоюза и Республики Беларусь должны основываться на общих ценностях – уважении к демократии, правам человека, верховенству законов.

11 сентября того же года в стране состоялись парламентские выборы, которые могут дать толчок эволюции во взаимоотношениях сторон. Накануне выборов в стране работала оценочная миссия БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами, которая представила 31 августа 2016 г. промежуточный отчет. Согласно данному документу,

ряд рекомендаций БДИПЧ ОБСЕ при проведении избирательной кампании был учтен. В частности, Центризбирком РБ предписал публиковать в Интернете информацию, касающуюся заседаний избиркомов, расширил права наблюдателей. В то же время указывалась недостаточная активность избирателей, слабая роль политических партий, слабое участие оппозиции в работе избирательных комиссий [1, с. 78]. Подводя итоги работы по наблюдению за выборами, был отмечен значительный прогресс в организации избирательной кампании.

В ноябре 2016 г. в Минске состоялось заседание Координационной группы «Беларусь – ЕС», которая является диалоговой площадкой по восстановлению отношений Республики Беларусь и Европейского Союза после снятия санкций. Вместо инвестиций, улучшения торгово-экономических отношений и сотрудничества в сфере безопасности еврочиновники опять перешли на гуманитарную риторику прав человека, изменения избирательного законодательства и реабилитации радикальной оппозиции, принявшей участие в погроме Дома правительства 19 декабря 2010 г. [2].

В марте 2017 г. руководство Евросоюза назвало реакцию белорусских властей на шествие против закона о тунеядцах, приуроченное ко Дню воли, антидемократичной. Также в послании содержится призыв «освободить всех недавно задержанных мирных граждан». Евросоюз официально заявил, что разгон и задержание белорусскими силовиками участников несанкционированных митингов в центре Минска, а также освещавших шествие журналистов противоречат демократическим принципам. Также в послании содержится призыв «освободить всех недавно задержанных мирных граждан». «В преддверии и во время сегодняшних событий в рамках «Дня воли», несмотря на призывы международного сообщества к сдержанности, реакция служб безопасности была беспорядочной и неподобающей» [12], - говорится в обращении ЕС.

Можно предположить, что никакой прагматизации отношения ЕС к Республике Беларусь не произошло. Евросоюз отказался от поддержки конфронтационной и радикальной позиции по смене политической системы РБ и выбрал стратегию «внедрения» и трансформации изнутри. В диалоговые площадки между сторонами на сегодняшний день втянут ряд некоммерческих организаций (НКО), которые являются откровенно враждебными к белорусской политической системе. Произошла их фактическая легитимация в политическом поле

страны. Теперь данные структуры сидят за одним столом с представителями органов государственной власти страны. Фактически сегодня со стороны Европейского Союза осуществляется формирование групп влияния и даже давления, которые через формальные и неформальные методы смогут воздействовать на динамику и направление развития общественно-политической и управленческой системы Республики Беларусь, а также на процесс разработки и принятия политически значимых решений [2]. По имеющейся информации, в 2017 г. ЕС планирует выделение внушительной суммы средств на информационное и общественное продвижение идеи отказа от смертной казни в РБ.

Все большее включение различных НКО в процесс принятия решений предусматривает влияние на законотворчество (помощь в разработке и пересмотре действующего законодательства в соответствии с европейскими стандартами), повышение «институциональной эффективности» (осуществление европейскими экспертами исследования деятельности госорганов), повышение квалификации кадров (семинары и тренинги с иностранными экспертами, учебные стажировки, конференции) [2].

Говоря о будущем отношений между субъектами, стоит отметить, что с момента начала активного диалога с Евросоюзом риски для государства возросли. Однако поставленные экономические, технологические и инвестиционные задачи в отношениях с ЕС не решены. Вместо прагматизации отношений Евросоюз использует диалог для наращивания своего влияния на политическое и управленческое поле Республики Беларусь. При этом в экономическом плане ЕС готов участвовать как советник по реализации структурных реформ, многие пункты которых заимствованы из программы Вашингтонского консенсуса.

«Ценностная» повестка дня насчет реформирования страны, согласно пожеланиям Брюсселя, вновь стала доминировать, а диалог не сможет больше быть ширмой, которая скрывает истинные намерения ЕС. Отсутствие же практических и реальных результатов для РБ, скорее всего, приведет к отрезвлению позиции официального Минска. При внешнем сохранении статус-кво к ЕС государство не будет демонстрировать такого рвения и оптимизма. Общее разочарование европейским вектором при подобной политике Брюсселя неминуемо.

Литература

1. Барахвостов П. От санкций к диалогу: политика Европейского союза в отношении Республики Беларусь / П. Барахвостов // Беларуская думка. – 2016. – №11. – С. 75-78.
2. Беларусь и Евросоюз: конец иллюзий // Newsland. – 2016. – 25 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://newsland.com/community/4109/content/belarus-i-evrosoiuz-konets-illiuzii/5570241> (дата обращения: 15.03.2017).
3. Белорусский ежегодник – 2011: Сб. обзорных и аналит. материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2011 г. / Минск: Белорус. ин-т стратег. исслед., 2012. – 376 с.
4. В Минске обсудили перспективы сотрудничества Беларуси и Евросоюза // Euradio.fm. – 2016. – 17 мая [Электронный ресурс]. – URL: <http://euroradio.fm/ru/v-minske-obsudili-perspektivy-sotrudnichestva-belarusi-i-evrosoyuza> (дата обращения: 15.03.2017).
5. Встреча с министром иностранных дел Латвии Эдгарсом Ринкевичсом // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2015. – 20 февр. [Электронный ресурс]. – URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-ministrom-inostrannyx-del-latvii-edgarsom-rinkevichsem-10870/ (дата обращения: 15.03.2017).
6. Герасимова Р.Г. ЕС – Молдова / Р.Г. Герасимова, В.И. Мироненко // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Сборник статей / под общ. ред. Громыко Ал. А. и М.Г. Носова. – М.: Весь мир, 2015. – 592 с.
7. Гузенкова Т.С. Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции / Т.С. Гузенкова // Проблемы национальной стратегии. – М.: РИСИ, 2015. – №2. – С. 19-23.
8. Елисеев А. Насколько изолирована Беларусь? Анализ консульской статистики стран Шенгенского соглашения в 2007-2011 гг. / А. Елисеев // Белорусский институт стратегических исследований. – 2012. – С. 13.
9. Зуйкова А. Роль и место гражданского общества в системе донорской помощи для Беларуси (2006-2012): рабочий документ / А. Зуйкова, А. Егоров // Минск: Центр европейской трансформации [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/5/CET/2014_Aid-Assistance-WD_2006-2012_RU.pdf (дата обращения: 15.03.2017).
10. Косикова Л.С. Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России / Л.С. Косикова // Россия и современный мир. – 2012. – № 1. – С. 176.
11. Материалы подхода к прессе Министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея по итогам переговоров с Министром иностранных дел Латвийской Республики Эдгарсом Ринкевичсом (19 февраля 2015 г., г. Минск) // Министерство Иностранных Дел Республики Беларусь. – 2015. – 20 февр. [Электронный ресурс]. – URL:

http://mfa.gov.by/press/news_mfa/d62c70862e05c0d9.html (дата обращения: 15.03.2017).

12. Фахрутдинов Р. Европа учит Лукашенко демократии / Р. Фахрутдинов // Газета.ru. – 2017. – 26 марта [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/03/26_a_10594463.shtml (дата обращения: 28.03.2017).

13. Council conclusions on Belarus // European Council of the European Union [Electronic resource]. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-belarus-conclusions/> (accessed date: 15.03.2017).

УДК 32.019.51

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНФОРМАЦИОННОГО ФАКТОРА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ ВО ВРЕМЯ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА 2008 ГОДА

Курбатов Александр Иванович

студент 3 курса факультета международных отношений

Воронежский государственный университет

e-mail: aleksander.curbatov@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор акцентирует внимание на возросшем влиянии и масштабе воздействия средств так называемой «мягкой силы» в XXI веке. Информационное противодействие приобрело превалирующее значение в постсоветскую эпоху, превосходя по своему потенциалу даже традиционные методы ведения конфликтов. На современном этапе государства начинают уделять все больше внимания информационному фактору, что, в свою очередь, является залогом успешного разрешения возможных трудностей в их внешней политике. Это особенно четко проявляется в грузино-осетинском конфликте 2008 года, когда наряду с военными действиями велась и информационная война.

Ключевые слова: информационная война, южноосетинский конфликт, «мягкая сила».

CONFLICTOGENIC POTENTIAL OF THE INFORMATION FACTOR: OPPOSITION OF THE RUSSIAN AND AMERICAN MEDIA DURING THE GEORGIAN-OSSETIAN CONFLICT IN 2008

Kurbatov Alexander

3rd year student of the Faculty of International Relations

Voronezh State University

e-mail: aleksander.kurbatov@yandex.ru

Summary. *In this article the author draws attention to the growing importance of informational factor on international arena. Informational warfare got a prevailing meaning in the post-soviet epoch, thus, those states that try to elaborate and apply modern informational technologies in their foreign policy, as a rule, can efficiently resolve and overcome any potential hurdles, as we can see in the conflict in South Ossetia in 2008.*

Key words: *informational warfare, South Ossetia conflict, soft power.*

В течение сотен лет человечество собирало и ранжировало множество типов информации по разным причинам. Сегодня благодаря новым информационным технологиям процесс обработки и распространения информации по миру упрощен как никогда раньше. Хотя технологии сделали этот процесс цифровым, удобным и динамичным, тем не менее, информационная безопасность все еще должна быть одним из ключевых приоритетов для тех, кто владеет и управляет цифровыми данными, особенно когда это касается общественного, бизнес- или правительственного сектора [1].

Как известно, на данный момент мир приобрел беспрецедентно уникальную форму. Человечество пережило стремительные и колоссальные изменения в структурах, которые определяли направления его развития за последние пятьдесят лет; мировое геополитическое окружение необратимо трансформировались в конце XX века после распада СССР. Мировые ресурсы, военные и политические установки были перераспределены, возникли новые центры силы. В результате, национальные государства столкнулись с целым комплексом фундаментальных угроз, которые требуют развития принципиально новых подходов и ответов. Одним из таких возникших вызовов являются так называемые информационные войны.

Информационная война может быть определена как серия атак на гражданское или военное население государства-противника через дезинформацию и пропаганду с целью достижения определенных политических или военных притязаний. В то время как ученые и воен-

ные эксперты выделяют несколько типов информационного противодействия, нам необходимо уяснить, что основной смысл информационной войны в ее широком значении, которое также может быть определено как мягкая сила. Информационные войны имеют много общего с психологическими войнами, которые с помощью различных способов ставят под удар систему ценностей и ориентиров конкретного общества.

Безусловно, информационные войны полностью не заменили традиционное военное противостояние, как и постиндустриальное общество полностью не заменило индустриальное, оно скорее было инкорпорировано над ним. Тем не менее, сейчас использование грубой военной силы и оружия заметно ограничено, и достижение поставленных геополитических целей в основном осуществляется с помощью финансовых, экономических и информационно-психологических технологий при участии слабых и коррумпированных правительств [2].

Основной целью современных информационных войн является управление сознанием индивидов с помощью инкорпорирования в общественное мировосприятие идей извне, инъекций дезинформации для дезориентирования масс, формирования образа внешнего врага, подрывания индивидуальных убеждений и взглядов. Учитывая все возможные угрозы, с которыми сталкиваются современные государства, все их многообразие может быть сведено к следующей классификации: информационная экспансия; кибернетический терроризм; кибернетическая интервенция; манипулирование сознанием населения; трансформированная преступность [3]. Все эти виды информационного воздействия представляют собой серьезную угрозу безопасности потенциального государства-жертвы, в связи с чем требуют разработки определенных контратакующих стратегий со стороны последних. Однако только лишь хорошее знание теоретических аспектов и основных теорий информационного противодействия не всегда может в должной степени защитить государства от втягивания в информационный конфликт, примером чему может служить освещение в СМИ южноосетинского конфликта 2008 года.

8 августа 2008 года внимание всего мирового сообщества было приковано к церемонии открытия XXIX летних Олимпийских игр в Пекине. Однако, к сожалению, столь яркое событие было омрачено ужасным инцидентом. За 15 минут до полуночи грузинская армия начала наступательную операцию против Южной Осетии. В конфлик-

те использовались установки «Град», бронетанковая и артиллерийская техника. Тем не менее, сражение проходило не только в прямом противостоянии, но и в прямом эфире. Реакция на случившееся не заставила себя ждать.

«Первый канал» в утренней ленте новостей сообщил, что грузинская сторона бросила все силы на обстрел Цхинвала. Грузинские самолеты разбомбили колонну с гуманитарной помощью. Нападению подвергся район миротворцев. Таким образом, Грузия нарушает все международные правила ведения боевых действий [4].

По данным агентства «Интерфакс», штурм Цхинвала начали грузинские войска. Им удалось взять под контроль большую часть города. Однако к вечеру на помощь населению Южной Осетии пришли российские военные. Количество погибших, по оценкам местных силовых структур, может исчисляться десятками, а может и сотнями человек [5].

«РИА Новости» также обвинили Грузию в атаке миротворческих сил России. Издание утверждало, что грузинская бронетехника и авиация наносили удары как непосредственно по штабу российских миротворцев, так и по зданиям, находящимся в непосредственной близости. Однако, несмотря на неравенство сил, российским миротворцам удалось отразить нападение [6].

Телеканал «НТВ» в своем эфире сообщил, что ночью грузинские войска перешли в наступление и захватили несколько осетинских сел, ворвались в Цхинвали. Под обстрелом оказались тысячи мирных жителей и российские миротворцы. Более десяти человек погибли [7].

Газета «Аргументы и факты» опубликовала статью, в которой говорилось, что грузинские войска продолжают обстреливать расположения российских войск. В результате данных действий погибли 10 российских миротворцев, около 30 человек ранено. Также сообщалось, что грузинские танки прямой наводкой расстреливают посты, а грузинская авиация нанесла удары по объектам российских миротворческих сил [8].

Таким образом, с российской точки зрения, конфликт возник по вине грузинских войск, начавших обстрел мирных районов Цхинвала. Безусловно, факт обстрела является вопиющим нарушением целого ряда норм международного права относительно ведения военных действий. Кроме того, не был упущен из внимания случай нападения на российские миротворческие силы. Также Россия представлена как

страна, стремящаяся не допустить дальнейшей эскалации конфликта, при этом защищая мирное осетинское население от грузинского агрессора. Введение российских войск носили исключительно оборонительный характер, не подразумевающий дальнейшего перехода к наступлению.

Как российские, так и западные СМИ работали в одинаковых условиях, освещая один и тот же конфликт. Однако, несмотря на это, публикации масс-медиа сильно разнятся.

Так, газета «The New York Times» заявила, что Россия провела авианалеты по грузинским целям в пятницу вечером, таким образом, разжигая конфликт в сепаратистском регионе Грузии. По мнению газеты, эта операция была ничем иным, как демонстрацией мощи и военных достижений Кремля. Кроме того, российская сторона была обвинена в том, что якобы ее бомбардировщики летали над территорией самой Грузии [9].

Кроме того, была напечатана статья в «The Washington Post», где Россия обвинялась в том, что она эскалирует конфликт с целью вытеснения грузин из Абхазии и Южной Осетии. Автор говорит, что Россия хочет вновь заявить о себе в мире с помощью бомбардировок территорий около Тбилиси. В данном случае Грузия представлена как маленькая, беспомощная и слабая страна, которая не способна противостоять давлению могущественного соседа. Напротив, Россия сравнивается со спящим медведем, который хочет увеличить свое влияние на международной арене, подавляя малые народы [10].

Не обошла стороной конфликт и компания «BBC», заявив, что российский самолеты совершили налеты на несколько городов, в том числе Гори, в центральной части Грузии. Исходя из статьи, Россия хочет, чтобы грузинские войска отошли на позиции, которые они занимали за пределами Южной Осетии до четырнадцатого августа [11].

Примерно о том же сообщал и канал «CNN». Российские войска, несмотря на призывы не эскалировать конфликт, совершили авиаудар по военному аэродрому недалеко от международного аэропорта Тбилиси рано утром в воскресенье. Также сообщается, что российские самолеты бомбят гражданские и военные объекты в Грузии [12].

Таким образом, после изучения мнений ведущих СМИ Запада, становится ясно, что все они имеют ярко выраженный антироссийский характер. Освещая происходящее только с одной стороны, они стремятся оправдать действия Грузии, не останавливаясь ни перед

чем, даже перед откровенной фальсификацией и подменой фактов. Широкую известность получил случай в прямом эфире телеканала «Fox News», который транслировал интервью 12-летней Аманды Кокоевой и ее тети. Телеведущий просит тетю прокомментировать ситуацию в Южной Осетии, на что она говорит, что агрессором военных действий является Михаил Саакашвили. Ведущий прерывает ее и объявляет о рекламной паузе. После перерыва ведущий даст женщине 30 секунд, чтобы закончить мысль. Однако она начинает обвинять в происходящем грузинское правительство. На что ведущий завершает прямой эфир.

Итак, несмотря на победу в вооруженном конфликте, как это не печально говорить, но информационную войну Россия проиграла. Как утверждает профессор Дипакадемии МИД РФ Игорь Панарин: «Соотношение позитивных и негативных статей о России в ходе данного августовского конфликта в англо-американской прессе составляло 1:12, в немецкой 1:4. Исходя из этого, можно с полной уверенностью утверждать, что в мире был создан негативный информационный фон против нашей страны» [13].

Победа западных СМИ обусловлена тем, что операция в Южной Осетии достаточно долго готовилась американцами. В результате чего была образована глобальная система воздействия на информацию. Как говорит Игорь Панарин: «Был создан трехзвенный штаб, который вел информационную войну: Совет Национальной безопасности США – Тбилиси (Саакашвили и его окружение) – Медиа-центр в Гори, созданный американцами по схеме, применявшейся при вторжении в Ирак» [13].

Информационная война против России была начата еще до конфликта в Грузии. Как отмечает журналист Сергей Гриняев: «Происходило формирование негативного образа России как агрессора. На такую удобренную почву потом упали информационные зерна с обвинениями России в нападении на Грузию» [14]. При этом Россия отвечала лишь оправданием, отбивая информационные нападения.

Все это вместе и привело к тому, что, имея перевес в плане оружия, в информационной среде Россия была слабее своих противников, слаженность и продуманность действий которых позволяли им по настоящему господствовать в медиа-пространстве.

Как уже говорилось ранее, информационное противодействие по поводу событий в Южной Осетии подготавливалось США не менее

года. Причем задействованы в данном противодействии были как американские, так и европейские СМИ. Более того, можно с уверенностью говорить, что травля России в масс-медиа началась еще до конфликта с Грузией.

Еще в августе 2007 года грузинская сторона заявила, что российские самолеты, нарушив воздушное пространство республики, сбросили бомбу на деревню Цителабуни, находящуюся в 65 километрах от Тбилиси [15]. В селе в основном проживают грузины, однако, есть и несколько осетинских семей. Именно поэтому Цхинвал выразил обеспокоенность по данному поводу. Но там произошедшее трактовали по-другому. В южноосетинской газете «Взгляд» заявили, что «в понедельник примерно в 18 часов 20 минут грузинская сторона нарушила воздушное пространство Республики Южная Осетия и обстреляла ракетами класса воздух-земля территорию Ленинградского района» [16]. После произошедшего российские и грузинские эксперты проводили расследования, но окончательной точки в этом деле поставлено не было. Российские специалисты так и не смогли определить принадлежность самолета, однако утверждали, что он точно не российский. Посол Валерий Кеняйкин в подтверждение данной точки зрения заявил, что об этом свидетельствуют данные гражданских и военных радаров РФ, а также космические и спутниковые системы [17]. Выводы же международных экспертов заключались в том, что самолет, совершивший налет, был один и вторгнулся он на территорию Грузии со стороны России. Что касалось грузинской стороны, то президент Саакашвили был твердо уверен, что воздушный удар совершила Россия с целью «нарушить спокойствие в Грузии, вызвать панику, раскол общества и изменить политический курс страны» [18].

Следующим шагом провокации в отношении России было обвинение российской стороны в том, что она сбила грузинский беспилотный летательный аппарат, пролетавший над Абхазией 20 апреля. Как всегда, Михаил Саакашвили активно развивал точку зрения о прямой причастности России к данному инциденту, о чем свидетельствуют его многочисленные заявления в СМИ и даже высказывания на встречах с первыми лицами европейских государств, в частности с президентом Польши Лехом Качиньским. Саакашвили заявил, что «сегодня Грузия находится в сложной ситуации, потому что на территорию Грузии вошла армия иностранного государства, которое мы

не приглашали и чей сюда вход мы категорически не принимаем...» [19].

МИД РФ незамедлительно отреагировал на произошедшее, обвиняя во всех провокациях и обострениях конфликтов Тбилиси. Российское внешнеполитическое ведомство также не исключало возможности, что беспилотник мог быть сбит самой грузинской стороной. «Факты - вещь упрямая, и в данном случае они однозначно указывают на Тбилиси как на зачинщика всех последних провокаций и обострений» - заявил официальный представитель МИД РФ Андрей Нестеренко [20]. Эксперты миссии ООН заявили, что грузинский беспилотник был сбит российским самолетом. В отчете, подготовленном по итогам расследования, говорилось, что после атаки на беспилотное летательное средство самолет удалился в воздушное пространство России. Однако представители ООН не обнаружили доказательств того, что запись с видеокамеры дрона, которая была предоставлена грузинской стороной, была смонтирована. Однако, полагаясь именно на эту запись, эксперты заявили, что беспилотник был атакован истребителями МиГ-29 или Су-27 [21].

Таким образом, мы видим, что еще задолго до самого конфликта в 2008 году Грузия стремилась всеми силами сформировать негативный образ России, представляя ее в качестве агрессора на международной арене. Во всех разбирательствах грузинская сторона активно привлекала экспертов, наблюдателей, специалистов из ООН, ОБСЕ, показывая свою причастность к цивилизованному сообществу. Россия же во всех сложившихся конфликтных ситуациях лишь оправдывалась, не предпринимая никаких активных действий в ответ. Поэтому не случайно сообщения о нападении России на Грузию были с таким воодушевлением встречены в западной прессе.

Очевидно, что существующих на тот момент в распоряжении России информационных структур для ведения конкурентоспособной борьбы было явно меньше, чем нужно. Как пишет аналитик Анатолий Цыганок, ни Управление Президента РФ по межрегиональным и культурным связям, ни Совет Безопасности РФ не оказались к этой войне готовы. Усилий МИДа и Росзарубежцентра также было недостаточно [22]. Ни одно из этих подразделений было не в силах выполнять необходимые мероприятия для эффективной контринформационной операции.

Россия не имела структуры для ведения войн в информационном пространстве. Существовали только структурные подразделения по работе с данными СМИ. Однако структуры, которая могла бы выполнять такую работу на общегосударственном уровне, координировать работу различных ведомств, не было. Следовательно, не было людей, которые впоследствии могли бы понести какую-либо ответственность за столь явное поражение России в информационной войне.

Как считает Игорь Панарин, в сложившейся ситуации было необходимо создать Совет по публичной дипломатии, возглавляемый премьер-министром. В него должны были входить руководители всех структур по информационной деятельности: МИД, спецслужбы, телеканалы, агентства, газеты, издания. Одним из первых шагов в данном направлении, по его мнению, должно было быть создание государственной доктрины, ответственной за осуществление информационного противодействия, его финансирование и реализацию [23]. Таким образом, чтобы избежать сценария 2008 года, России необходимо было создать организационно-управленческую структуру, разрабатывающую контентные проекты, вырабатывающую повестку дня в информационной политике страны, направленную на формирование позитивного представления России за рубежом; создать информационные войска, в состав которых должны были входить государственные служащие, журналисты, эксперты, инженеры и др.; наладить координацию в информационной политике и между государственными ведомствами; ввести государственную доктрину, которая предусматривала бы разработку структуры для ведения информационной войны.

Проанализировав ситуацию по информационной безопасности РФ за последние несколько лет, можно выделить следующие предпринятые меры: на заседании Совбеза РФ было решено направить усилия на защиту российского интернета и становление его независимости от Запада; президент РФ поручил разработать меры по защите рунета, в частности блокировать сайты с незаконным контентом. Кроме того, Владимир Путин в июле 2014 года ввел в силу закон, согласно которому все интернет-компании иностранного происхождения должны хранить персональные данные россиян только в РФ.

Исходя из всего вышеупомянутого, следует отметить, что в современном мире вопросам информационной безопасности должно

уделяться не меньше, а, может быть, и больше внимания, чем вопросам военного вооружения. Ибо опыт 2008 года показал, что не всегда наличие преимущества в виде продвинутой военной техники и высокочеловеческих специалистов приводит к успеху. Да, конечно, России удалось добиться своих целей, суметь защитить осетинский народ, отстоять его независимость. Однако каким образом все это было достигнуто? Количество человеческих жертв, разрушенных зданий, разоренных сел было бы в разы меньше, если бы реакция мирового сообщества уже с первых минут конфликта была бы адекватной и своевременной.

Тем не менее, нельзя не отметить положительную динамику в данном направлении. Когда России был брошен новый информационный вызов – в ситуации присоединения Крыма в 2014 г., – наша страна сумела дать достойный отпор противнику. Достаточно четкое представление о происходящем имели как в России, так и за рубежом. Да, конечно, предстоит еще многое сделать. Однако уже предпринятые меры могут говорить о работе в нужном направлении.

Литература

1. Information Wars in the Post-Modern World [Electronic resource]. – URL: <http://www.information-security-news.com/2014/01/25/information-security/> (accessed date: 24.03.2017).
2. Information Security [Electronic resource]. – URL: <https://isiseurope.wordpress.com/2014/04/10/information-wars-in-the-post-modern-world/> (accessed date: 24.03.2017).
3. Ковалев А.А. Информационные войны в современную эпоху / А.А. Ковалев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7. Ч.2. – С. 71-74 [Электронный ресурс]. – URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2016_7-2_17.pdf (дата обращения: 24.03.2017).
4. Этой ночью Грузия начала войну против Южной Осетии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.1tv.ru/news/world/29706> (дата обращения: 24.03.2017).
5. Хроника одной ночи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.interfax.ru/russia/25807> (дата обращения: 24.03.2017).
6. Грузия де-факто ведет войну против российских миротворцев [Электронный ресурс]. – URL: http://ria.ru/defense_safety/20080808/150210207.html#ixzz3V74iaPHr (дата обращения: 24.03.2017).
7. Олимпийское перемирие нарушено [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ntv.ru/video/137762/> (дата обращения: 24.03.2017).

8. Более 10 российских миротворцев погибли в Южной Осетии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aif.ru/politics/world/214811> (дата обращения: 24.03.2017).

9. Russia and Georgia Clash Over Separatist Region [Electronic resource]. – URL: <http://www.nytimes.com/2008/08/09/world/europe/09georgia.html> (accessed date: 24.03.2017).

10. Brutality to Make a Point [Electronic resource]. – URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/08/11/AR2008081102014.html> (accessed date: 24.03.2017).

11. Peace bid as Ossetia crisis rages [Electronic resource]. – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7551595.stm> (accessed date: 24.03.2017).

12. Russian forces launched an airstrike [Electronic resource]. – URL: <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/08/09/georgia.ossetia/index.html> (accessed date: 24.03.2017).

13. Панарин И. Информационная война вокруг конфликта в Южной Осетии: анализ и выводы. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.osetinfo.ru/main/194> (дата обращения: 24.03.2017).

14. Неформальные орудия «третьей мировой войны XXI века» [Электронный ресурс]. – URL: http://arhiv.oodvrs.ru/article/index.php?id_page=52&id_article=2200 (дата обращения: 24.03.2017).

15. Грузия обвинила Россию в бомбардировке своей деревни [Электронный ресурс]. – URL: <http://lenta.ru/news/2007/08/07/bomb/> (дата обращения: 25.03.15).

16. Грузия обвинила Россию в воздушной атаке [Электронный ресурс]. – URL: <http://vz.ru/politics/2007/8/7/99334.html> (дата обращения: 24.03.2017).

17. Вилами по небу писано [Электронный ресурс]. – URL: <http://lenta.ru/articles/2007/08/20/missile/> (дата обращения: 24.03.2017).

18. Вашингтон осудил обстрел территории Грузии [Электронный ресурс]. – URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6934000/6934359.stm (дата обращения: 24.03.2017).

19. Цит. по: Саакашвили: ООН обвинила Россию в нападении на беспилотник Грузии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/136926/> (дата обращения: 24.03.2017).

20. Российский МИД: Грузия сама сбила свой беспилотник [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fontanka.ru/2008/06/04/061/> (дата обращения: 24.03.2017).

21. Миссия ООН: грузинский беспилотник был сбит российским истребителем [Электронный ресурс]. – URL: <http://lenta.ru/news/2008/05/26/un/> (дата обращения: 24.03.2017).

22. Информационная война вокруг конфликта в Южной Осетии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.osetinfo.ru/main/194> (дата обращения: 24.03.2017).

23. Информационная война вокруг конфликта в Южной Осетии: анализ и выводы [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusverdict.livejournal.com/55170.html> (дата обращения: 24.03.2017).

УДК 341.321.011

ПАСПОРТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В САМОПРОВОЗГЛАШЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Мотрук Данил Олегович

Студент 2 курса факультета международных отношений

Воронежский государственный университет

e-mail: motruk.danil@gmail.com

Аннотация. В данной статье автор анализирует политику Российской Федерации в отношении документов, выданных на территории непризнанных государств Восточной Европы, таких как Абхазия, Южная Осетия, Приднестровско-Молдавская Республика и Нагорно-Карабахская Республика, либо же выдачи своих собственных паспортов для местных жителей. На основании сравнения этой политики автор пытается сделать прогноз в отношении паспортной политики, которую Россия теперь будет проводить на территории Луганской и Донецкой народных республик. **Ключевые слова:** паспортная политика, самопровозглашенные государства, Российская Федерация

PASPORT POLICY OF RUSSIAN FEDERATION IN THE UNRECOGNIZED STATES OF EASTERN EUROPE

Motruk Danil

Student of the Faculty of International Relations

Voronezh State University

e-mail: motruk.danil@gmail.com

Summary. In this article the author analyzes Russian Federation's policy in point of documents, issued in self-declared states, such as Republic of Abkhazia, Republic of South Ossetia, Pridnestrovian Moldavian Republic and Republic of Artsakh

or issuance of its own documents for locals. Following on from comparisons of this policy, author tries to predict Russian passport policy in Donetsk and Luhansk People's Republics.

Key words: *passport policy, self-declared states, Russian Federation*

18 февраля 2017 года Владимир Путин подписал указ о признании паспортов непризнанных Луганской и Донецкой народных республик [6]. Является ли этот шаг историческим этапом на пути признания молодых государств или же действительно только гуманитарной преференцией для жителей Донбасса? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, мы проанализировали политику, которую Российская Федерация проводила в отношении других самопровозглашенных государств Восточной Европы, таких как Приднестровско-Молдавская Республика, Нагорно-Карабахская Республика, Южная Осетия и Абхазия.

Ровно за девять лет до этого, 18 февраля 2008 года, российский парламент выступил с заявлением относительно последствий самопровозглашения независимости Косово. Этот документ, одобренный Государственной Думой и Советом Федерации, заявляет о том, что Россия считает, что провозглашение Косово нарушает принцип незыблемости территориальной целостности государств. Также в заявлении содержатся слова о том, что такой прецедент может и будет расцениваться Российской Федерацией как новый фактор для выстраивания отношений между Россией и непризнанными государствами на постсоветском пространстве. В дальнейшем при очень многих своих действиях в этих государствах Россия ссылалась на «косовский прецедент» для легитимизации собственной политики [2].

Абхазия, Южная Осетия и Приднестровская Молдавская республика – самопровозглашенные непризнанные государственные образования на территории бывшего СССР. Все они в начале девяностых годов при распаде Советского Союза отделились от получивших независимость республик: Грузии и Молдавии. Этому предшествовал жесткий этнический прессинг со стороны бывших «малых метрополий», позже переросший в кровопролитные вооруженные конфликты. Сепаратизм этих непризнанных государственных образований встретил моральную поддержку и военную помощь от России, особенно со стороны лево-патриотических групп и генералитета. Конфликтующие стороны на территории Грузии и Молдавии были разведены с помощью российских миротворческих подразделений. Вооруженные кон-

фликты были приостановлены, угроза жизни населению непризнанных образований была снята. В отличие от Южной Осетии и Абхазии, Нагорный Карабах в качестве независимого государства не признан ни одной страной-членом ООН, в том числе – формально – и самой Арменией, хотя между Арменией и НКР заключено уже множество соглашений.

До этого в отношении непризнанных республик Россия демонстрировала несколько абсолютно разных подходов. Вооруженный конфликт между грузинскими и абхазскими силами вспыхнул летом 1992 года. Майское соглашение о прекращении огня 1994 г. продержалось до августовской войны 2008 г. между Россией и Грузией вокруг Южной Осетии, которая серьезно изменила и ситуацию вокруг Абхазии. Тогда же Россия взяла на себя ответственность и объявила о признании Абхазии и Южной Осетии со ссылкой на «косовский прецедент». Вслед за этим Россия начала уверенно расширять свое присутствие в молодых странах. Вначале Россией было заблокировано продление мандата миссии ОБСЕ, а в 2009 г. и мандата наблюдателей ООН в Абхазии. Затем для защиты границ вместо Коллективных сил СНГ пришли пограничные войска РФ [3, с. 16]. В попытке придать своим действиям большую степень легитимности Россия начала прикладывать значительные усилия в борьбе за международное признание стран. Так, например, по сообщениям «The Guardian», Россия уплатила 50 миллионов долларов островному государству Науру в качестве гуманитарной помощи за дипломатическое признание Абхазии и Осетии [7].

В 90-е годы была идея ввода на этих территориях нейтральных паспортов ООН, однако тогда от нее отказалась Грузия, посчитав это поддержкой сепаратизма. В 2008 году они же пытались возродить эту идею, но она была уже неактуальна. Начиная с 2000 года гражданам Абхазии и Южной Осетии, вдобавок к их внутренним документам, роль которых на тот момент выполняли старые паспорта Советского Союза, в упрощенном порядке начали массово предлагать российские паспорта по соглашениям о двойном гражданстве. Очевидно, что такой шаг позволял РФ получить новый рычаг влияния в зоне конфликта в виде защиты своих собственных граждан. Массовая паспортизация привела к тому, что, по некоторым оценкам, 97% населения Южной Осетии являются гражданами РФ, и 80% жителей Абхазии тоже [3, с.17]. Это позволяло им свободно пересекать российскую границу

в условиях визового режима с Грузией. В некоторых случаях они даже получают российскую пенсию и льготы, при этом ни при каких условиях не призываются для прохождения срочной службы в вооруженных силах России. Помимо того, что у ситуации замороженного конфликта с Грузией тоже был серьезный гуманитарный аспект, высокий спрос на паспорта соседнего государства обуславливался также и чисто прагматичными факторами. Интересно, что в Южной Осетии проживало много этнических грузин, которые сохраняли грузинское гражданство, но все равно брали российские паспорта, чтобы заниматься частным извозом или иным бизнесом в РФ. На данный момент по абхазскому закону о гражданстве лицо, имеющее одновременно с абхазским другое гражданство, рассматривается «только как гражданин Республики Абхазия». Лица абхазской национальности признаются гражданами вне зависимости от наличия у них гражданства иностранного государства. Граждане нетитульной нации без выхода из абхазского гражданства вправе приобрести только гражданство Российской Федерации. Такая норма явно направлена на недопущение сохранения грузинского гражданства грузинскими жителями страны, когда те обращаются за получением абхазского паспорта [1, с.32]. При этом согласно информации опубликованной Независимой Международной Миссией по расследованию конфликта в Грузии, выдача паспортов России не основывалась на применении силы, а на экономических, политических и социальных стимулах. Эти стимулы не нарушают запрет на введение гражданства против воли заинтересованных лиц. Кроме того, Россия не избегала выдачи паспортов этническим грузинам, что также доказывает отсутствие национального подспоря в паспортной политике. Политика России в этих регионах всегда приветствовалась с воодушевлением, так как она позволяла жителям комфортно дистанцироваться от Грузии. У жителей были очень веские экономические причины для получения российского паспорта, многие рассчитывали на получение российских пенсий, возможность выезда за границу, качественную российскую медицину и образование [8, с.175-177].

Политика России в Нагорно-Карабахской Республике всегда была достаточно адаптивна к действующей ситуации. До середины нулевых годов она всегда занимала позицию безоговорочной поддержки Азербайджана в этом вопросе, но с укреплением российско-армянских отношений и особенно расширением Евро-Азиатской ин-

теграции, появились определенные предпосылки для изменения этой позиции. Однако на данный момент РФ продолжает придерживаться политики территориальной целостности Азербайджана. Благотворительной выдачей собственных паспортов на территории Арцаха Российская Федерация никогда не занималась. Эта территория никогда не отличалась особой культурной и политической привязкой к РФ, и Россия даже не стремилась сильно это менять. Главной политической опорой для НКР является Армения, которая признает внутренние паспорта Арцаха и выдает там собственные международного образца, что позволяет гражданам республики беспрепятственно пересекать границы большинства государств мира.

Политика России в отношении Приднестровско-Молдавской Республики, начиная с 1992 года, когда вмешательством российских военных удалось остановить вооруженный конфликт, не меняется. Это государство не имеет дипломатического признания со стороны РФ, но имеет российское дипломатическое представительство на своей территории и «особый статус» для внешней политики России. В 2006 году прошел референдум, на котором 97,1% населения ПМР высказались «за» сохранения курса страны на объединение с Россией, что показывает заинтересованность местных жителей не только в фактическом вхождении в состав России, но и в получении документов российского образца [4, с.177]. Однако в республике единогласия по паспортному вопросу нет. Документы внутреннего образца выдают только с 2001 года, а до тех пор был только вкладыш к советскому паспорту. Эти документы, конечно, никем не признаны, поэтому всем местным жителям приходится находить обходные пути получить легитимные удостоверения личности. Широкое распространение здесь у паспортов четырех стран – Молдовы, России, Украины и Румынии. Первые два занимают приоритетные позиции, а последний очень удобен для тех, кому нужно часто въезжать на территорию ЕС. Процесс получения российских паспортов для жителей республики очень прост, но только при одном условии – они должны быть рождены до 1991 года. Представителям молодого поколения получить российский паспорт практически невозможно. Для начала этим молодым людям необходимо стать гражданами Молдавии. И только после этого, отказавшись от молдавского паспорта и получив документы, свидетельствующие о начале процесса выхода из гражданства, они получают право на подачу заявления на получение гражданства

РФ. Суммарно это может занимать до 10 лет. Таким образом, процесс становится невероятно долгим, и эти люди вынужденно остаются вообще без каких-либо документов.

Несмотря на крайне негативную реакцию как со стороны Украины, так и всего остального мирового сообщества, очевидно, Россия не первая идет навстречу непризнанным государствам. Например, граждане таких непризнанных государств, как Сомалиленд и Турецкая Республика Северного Кипра, могут по своим паспортам свободно въезжать на территорию некоторых стран Европейского Союза и США [5]. Говорить про частично признанные государства, как Косово, Западная Сахара, Палестина, и не приходится. Тайвань имеет официальные дипломатические отношения лишь с 21 государством, но для его граждан открыты границы как минимум 130 стран.

Интересно, что каждый год Еврокомиссия в своем специальном докладе публикует список паспортов, подходящих под категории «фальшивых» и «камуфляжных» [9]. К первой относятся паспорта таких абсурдных организаций, как Викингленд или Общество сознания Кришны. Ко второй относят паспорта, отпечатанные на реальных бланках, но не являющиеся легитимными международными документами. Так, это может быть государство, прекратившее свое существование или сменившее название. Это, например, СССР или Верхняя Вольта, которая носит сейчас имя Буркина-Фасо. Отдельной категорией «паспортов территорий, не имеющих международного признания» там вынесены документы Западной Сахары, ТРСК и временного правительства Сербии в Косово. Такая формулировка является достаточно гибкой и оставляет пространство для изменения позиций в политике, касающейся этих территорий. Документы указанных нами выше республик в документе не затрагиваются вообще. Вероятно, что в Еврокомиссии оценивают их выше, чем абсолютно абсурдные документы, фигурирующие там, однако приравнять ДНР и ЛНР к этой самой отдельной категории тоже пока не решаются. Хотя явно допускают, что однажды это сделать придется.

Конечно, прецеденты признания паспортов непризнанных государств даже великими державами не создают нормы международного права. Поэтому ориентироваться необходимо не на них, а на легитимные международные документы. Одним из них может служить заключение Совета Европы в лице Венецианской комиссии от 17 марта 2009 года относительно закона Грузии «Об оккупированных территориях»

Этим законом Грузия в частности объявила, что любой акт, изданный властями этих территорий, «является недействительным и не влекущим правовых последствий».

Пункт же 43 этого заключения гласит: «В целом любое государство имеет право признавать или не признавать официальные акты, изданные другими государствами или фактическими властями (например, в признании этих актов может быть отказано по мотивам сохранения общественного порядка). Обычное международное право не обязывает признавать такие акты. Однако это право заканчивается там, где нарушаются основные права человека. Если, например, Грузия откажется признавать базовые документы, касающиеся персонального статуса, такие, как свидетельства о рождении и смерти, это нарушит статью 8 Европейской конвенции прав человека» [10, с. 10].

Очевидно, что все сказанное в документе является анализом исключительно грузинского закона и все рекомендации адресованы официальному Тбилиси. Однако вполне справедливым будет считать, что критерии, применяемые в данном случае к абхазским и южно-осетинским документам, распространяются и на любое другое государство. Также понятно, что аналогичные критерии можно применять и в отношении любой другой сходной ситуации, так как жители любой точки планеты в равной степени имеют право на документы, удостоверяющие их личность и образование.

Суммируя все вышесказанное, необходимо отметить, что Россию на данный момент никто не сможет заставить каким-то образом изменить свое решение относительно признания документов, поскольку для того не имеется никаких механизмов и норм международного права, которые напрямую запрещали бы такие действия. Проводя параллели с другими непризнанными государствами, которые мы рассмотрели, мы приходим к выводу о том, что признание паспортов ДНР и ЛНР – это точно не шаг к дипломатическому признанию республик. Это может быть шаг к введению новых норм в получении российских паспортов. Упрощенный порядок для жителей Донбасса обсуждается уже давно и после такого шага Владимира Путина выглядит достаточно реально. Однако, как можно заметить во всех рассмотренных нами примерах, выдача российских паспортов начала происходить раньше, чем паспортов местного образца. Это может поставить под вопрос саму необходимость российского гражданства для жителей Донбасса. Поэтому мы пришли к выводу,

что наиболее вероятным выглядит выдача Российской Федерацией только заграничных паспортов по аналогии с Нагорным Карабахом и Арменией. В качестве внутренних паспортов при таком сценарии останутся нынешние документы молодых республик. Что же касается дипломатического признания, то на данный момент к этому нет явных предпосылок, и оно возможно только в случае каких-либо изменений в ситуации на Донбассе. Например, по аналогии южно-осетинского сценария, резкое усиление боевых действий и ввод российских войск.

Литература

1. Живущие неопределенностью: положение этнических грузин, возвращающихся в Гальский район Абхазии // Human Rights Watch. – 2011 – 15 июля [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/georgia0711rusWebInside.pdf> (дата обращения: 02.04.2017).

2. Заявление Совета палаты Совета Федерации и Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации о последствиях самопровозглашения независимости края Косово (Сербия) // Государственная Дума Российской Федерации. – 2008 – 18 февр. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gosduma.net/news/273/57296/> (дата обращения: 02.04.2017).

3. Нарушения гуманитарного права и жертвы среди гражданского населения в связи с конфликтом вокруг Южной Осетии // Human Rights Watch. – 2009. – 23 янв. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/georgia0109ruweb_2.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

4. От самоопределения к международному признанию: Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия / [ред. С.И. Берил, И.Н. Галинский, И.М. Благодатских]. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2008. – 240 с.

5. Сафонов П. От Сомалиленда до ДНР: как признаются непризнанные паспорта / П. Сафонов // Украина. Ру. – 2017 – 24 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://ukraina.ru/exclusive/20170324/1018452821.html> (дата обращения: 02.04.2017).

6. Указ о признании документов, выданных гражданам Украины и лицам без гражданства, проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины // Президент Российской Федерации – 2017 – 18 февр. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53895> (дата обращения: 02.04.2017).

7. Harding L. Tiny Nauru struts world stage by recognizing breakaway republics / L. Harding // The Guardian. – 2009 – 16 December [Electronic re-

source]. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/dec/14/nauro-recognises-abkhazia-south-ossetia> (accessed date: 12.05.2017).

8. Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia Report Volume II // Council of the European Union. – 2009. – 16 September [Electronic resource]. – URL: http://www.mpil.de/files/pdf4/IIFFMCG_Volume_II1.pdf (accessed date: 12.05.2017).

9. Information concerning the non- exhaustive list of known fantasy and camouflage passports // European Commission. – 2017. – 15 March [Electronic resource]. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/borders-and-visas/document-security/docs/list_of_known_fantasy_and_camouflage_passports_en.pdf (accessed date: 12.05.2017).

10. Opinion on the Law on occupied territories of Georgia adopted by the Venice Commission at its 78th Plenary Session // Council of the EU. – 2009. – 14 March [Electronic resource]. – URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2009\)015-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2009)015-e) (accessed date: 12.05.2017)

УДК 327.8

«НЕ МИР, НО МЕЧ»: КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО МИРА КАК ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФОРМАТА «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

Неклюдов Никита Яковлевич

студент факультета

международных отношений ВГУ

e-mail: nehkludow96@gmail.com

Аннотация. *Статья синтезирует исследования автора в области «мягкой силы» и проецирует его теоретические наброски к самой внушительной идее XXI века в теории международных отношений. В качестве эмпирического примера взята деятельность российских НКО на Украине, а именно деятельность этих организаций на полуострове Крым накануне его присоединения к России и ситуация с подобными структурами на Юго-Восточной Украине. Каково значение социального во внешней политике государства в контексте мягкой или твердой силы, и влияет ли политика идентичности на институциональный аспект внешней силы, представленный в «мягкой силе» государства? Эти и другие вопросы отмечены автором в настоящем исследовании.*

Ключевые слова: *Россия, Крым, Украина, Джозеф Най, идентичность.*

“NOT PEACE, BUT SWORD”: THE CONCEPT OF THE RUSSIAN WORLD AS THE POTENTIAL OF THE POLITICAL FORMAT OF RUSSIA’S “SOFT POWER”

Neklyudov Nikita

Student of the Faculty of International Relations,

Voronezh State University

e-mail: nehkludow96@gmail.com

Abstract. *The following paper unpacks the analysis of the notion of soft power through the means of social constructivism and biopolitics that are tailored to the case study of Russia's NGO policy in Ukraine. It appears that soft power studies come through loud and clear with an institutional base while identity and commonsense studies do not take any root within this realm of research. With taking those facets of contemporary IR studies on board the author synthesizes the issue of Russian soft power in Crimea before one's accession in 2014 and Russia-backed NGO in the South-Eastern Ukraine.*

Key words: *Russia, Crimea, Ukraine, Joseph Nye, identity.*

Статья рассматривает «мягкую силу» России в теоретическом и эмпирическом контекстах, используя в качестве примера политику НКО в Крыму в период до момента присоединения полуострова в марте 2014, а также ситуацию с НКО в Юго-Восточной Украине. Это особенно актуально на фоне современных исследований в области теории международных отношений, поэтому особое внимание уделено социальному измерению мягкой силы: с применением конструктивизма и биополитики. Автор ставит задачу, отвечая на важный вопрос второй половины XX века в дебатах теории мировой политики: каково значение социума в процессе конструирования внешней политики и внешней силы? Ввиду последних существующих исследований, проведенных А. Макарычевым, Ю. Киселевой, Л. Рослукки, Т. Хопфом, и др., на сегодняшний день актуальность проблематики «мягкой силы», а также политики идентичности является чрезвычайно высокой.

К методам исследования стоит отнести и теоретический, и эмпирический с включенным анализом существующих и наиболее «политизированных» НКО на территории Украины.

Исследуя проблематику мягкой силы России на Украине, автор подразделяет исследование на несколько частей. В теоретической части, во-первых, автор пытается сформулировать необходимую базу

для большего понимания концепции русского мира через «социальный» компонент с применением биополитики и социального конструктивизма. Во-вторых, автор рассматривает классические подходы к идее «мягкой силы», выдвинутой Джозефом Наем, в чем заключается их специфика, и что возможно предложить к уже существующим интерпретациям С. Роттмана, Д. Галларотти и Л. Рослукки. В части, посвященной эмпирическому анализу политики НКО в Крыму, а также существующим НКО в Юго-Восточной Украине, автор, прослеживая, какой набор идей и понятий доминирует в дискурсе большинства населения указанных регионов, пытается показать, что политика *идентичности*, *историзма*, а также инструментализация этих компонентов – необходимое составляющее «мягкой силы», которая не может быть просто сведена к институтам.

Что есть «социальное» в контексте политической силы?

Благодаря исследованиям в области конструктивизма и пост-структурализма, политологи, исследуя внешнюю политику того или иного государства, традиционно выделяют два уровня исследований, на что впервые обратил внимание Александр Вендт [28, p.182]: уровень агента и уровень структуры. Агентом в дебатах 80-х годов Александр Вендт, отталкиваясь, конечно, от Кохайна и Уолца, называет институты: государства, действительно, выстраивают на уровне системы политику при помощи институтов. Но не является ли данный анализ «полым», ввиду отсутствия социального наполнения? Этот вопрос в современных дебатах стоит достаточно остро и представлен в многоаспектных вариациях: от пост-марксизма Лаклау и Муффа [См. подробнее: 1] до конструктивизма Хопфа [9;10] и его анализа дискурсивных структур.

Наиболее важный шаг к пониманию того, как взаимодействует *политическое* и *социальное*, а именно внутренние структуры общества и властные институты, совершили Мишель Фуко [7] и Джорджио Агамбен [5], предложив концепцию биополитики, или власти над населением. Именно население способно обеспечить успех политики государства: оно способно нормализовать его политику через базовый набор идей, предпочтений, восприятий - социального дискурса - на который и будет оно опираться. Биополитика, в современном значении, особенно в том виде, которой ей придал Д. Агамбен: это артикуляция социальных структур общества через институты – будь они нео-

империалистические, либеральные или консервативные. Исследователь биополитики в России, профессор Андрей Макарычев [18, р.47-48] описывает применение российской биополитики через законодательство, риторику, нормы и правила. Так, начиная с третьего президентского срока В.В. Путина, риторика России радикально меняется в сторону нормативного, или «морального» дискурса, оппозиционного западным ценностям. «Традиционные ценности» и классическая модель семьи стали национальной идеей, а также «духовной скрепой» россиян в интеллектуально-духовном противостоянии Западу. Это выражается во множестве законодательных инициатив, направленных, прежде всего, на секьюритизацию «внутреннего» пространства государства: от инициатив главы Роспотребнадзора Геннадия Онищенко запретить определенные продукты, такие как грузинскую минеральную воду, молдавское вино, литовский сыр и т.д., до законов о запрете гей-пропаганды (как реакция на нормализацию девиантных отношений полов на Западе, повлекшая разрыв множества партнерских программ, как например, Санкт-Петербурга с Венецией и Миланом), об оскорблении чувств верующих как реакция на «панк-молебен» группы Пусси Райот, закона Лугового, закона о запрете мата в кино, книгах, музыке, закона «Димы Яковлева».

Нас интересует, скорее, иной аспект, указанный профессором [19, р. 50], а именно дискурсивное строительство новой России, опирающееся на консервативное большинство и, что самое главное, обеспечивающее успешность «мягкой силы» России [См. подробнее: 1; 10].

Русский мир как концепт и дискурс российской политики

В дискуссиях вокруг концептуальности русского мира отечественные авторы используют культурный пласт, минуя политический, что, по мнению автора, является неверным. Политика отражена лишь в том контексте, что «стоит оградить русский мир от политически ангажированного искажения Западом» [2, с. 141]. Особенно примечательны работы Вячеслава Никонова [4] и профессора ДА МИД М.А. Неймарка [2; 3]. Весь пафос работы последнего сводится либо к отсылкам на заявления президента В.В. Путина о «культурной матрице русской цивилизации» и «противостоянию пропагандистским кампаниям против России», до перефразирования Вячеслава Никонова, что «русский мир – это самостоятельный культурно-цивилизационный феномен, который может быть описан только в ее собственных тер-

минах» [4, с. 343-344]. Русский мир, действительно, феномен, но феномен исключительно *социально сконструированный* – и оттого политический. Иначе что способно объединить покровительство соотечественникам за рубежом: институт Русской Православной Церкви, байкерский клуб «Ночные Волки», устраивающие фееричные перформансы в Крыму, Польше, Москве и т.д., а также мозговые центры, такие как Валдайский Клуб и Российский совет по международным делам? Все это по-своему передает «русский мир», а, следовательно, являются составными частями, идентичностями, самой концепции [17]. В рамках «русского мира» проводятся акции «соотечественников» и «мягкая секьюритизация», выраженная, как правило, в их паспортизации, развиваются НКО³ [См. подробнее: 16] в ближнем зарубежье (гагаузское, молдавское движение «Илери», Евразийский Молодежный Союз и т.д.), создаются Россотрудничество, телеканалы «Россия Сегодня» и «Спутник», сохраняется власть РПЦ практически над 80% приходами в ближнем зарубежье, что делает ее самой большой православной церковью в мире, а также совершаются крупные акции «Ночных волков» в стране и за рубежом с привлечением пиротехники и панк-перформансов. Все это можно назвать аспектами русского мира, что многие и делают, называя каждый дискурс в отдельности как его составную часть.

В целом многоаспектность концепта открывает огромный потенциал для его политической имплементации: построение дискурсов («дискурсивной власти» по Хопфу) и игра на них, что будет продемонстрировано ниже, обеспечивает «благоприятную» почву для широких возможностей, например, применение жесткой силы, особенно в таких «чувствительных» географических участках, как ближнее зарубежье: например, еще в 2008 году было очевидно, что российско-грузинская Пятидневная война во многом проистекает из паспортизации групп населения, называемых «соотечественниками», и последующего применения жесткой силы в ходе их защиты от «физического уничтожения». Также это способно открыть и большой потенциал теоретического исследования: вариативность концепции русского мира поднимает проблемы мягкой безопасности, или секьюритизации «мягкой силы» (копенгагенская школа), деятельности НКО (неолиберальная парадигма), проблему биовласти (пост-структуралистская

³ Олеся Литсеевич выделяет 59 российских некоммерческих организаций разной направленности, функционирующих в Ближнем Зарубежье.

школа Фуко и Агамбена), реконструкции идентичности и власти дискурса (конструктивизм), совмещения с «жесткой силой» (классический неолиберализм).

Теория «мягкой силы»

Наиболее важными типологизациями «мягкой силы» для нас являются концепции Стивена Роттмана [26], Джулио Галларотти [8], Лады Рослукки [24], а также отечественного политолога Марка Неймарка [3]. Л. Рослукки определяет мягкую силу [24, р. 300-301] только в рамках институционального подхода, внутри которого идет дальнейшее деление на национальную интеграцию (культурная, национально-территориальная, коллективная память) и наднациональную, то есть посредством политического лидерства (политика, социальный «ответ» на вызовы государству). Автор также делает акцент на анализе такого аспекта «мягкой силы», как «мягкая безопасность», анализируя, в частности, деятельность российских НКО в Крыму.

Совмещают институциональные и неинституциональные подходы к «мягкой силе» и Роттман, и Галларотти. Первый выделяет риторическую и институциональную форму, не вдаваясь в детализацию. На наш взгляд, именно подобная типологизация является наиболее верной, так как роль «дискурсивной силы», превращающейся, во-первых, в воспроизведение доминирующей идентичности «принимающей» стороны, а во-вторых, в «мягкое принуждение» оказывает наибольшее давление на государство, на которое направлена внешняя сила. Именно через подобное «совмещение» (*thinking politics through amalgamation*) следует рассматривать «мягкую силу» России: элемент идентичности, от общего прошлого до общих социально-политических структур и т.д., - особенно силен в Ближнем Зарубежье, что актуально для анализа действий НКО на Украине.

Профессор Галлароти делает более подробный, детализирующий анализ, ранжируя «мягкую силу» от уважения прав и свобод, экономической политики, внутренней политики до культурного влияния и институционального воздействия. Профессор Неймарк также, выделяя институциональный аспект как «наиболее вероятный ресурс мягкой силы», к ее спектру относит установление целей, привлекательность государства, сотрудничество, по сути повторяя каноничную дихотомию Джозефа Ная, и не привнося существенных изменений в теоретизацию концепта.

Непосредственно перед рассмотрением концепции русского мира стоит обратить внимание на общую структуру идеи «мягкой силы» Джозефа Ная и его интерпретации в современной теории международных отношений. Мы полагаем, что наиболее успешным в этом смысле является анализ Стива Ротмана в его работе «Пересматривая концепт мягкой силы: каково значение и механизмы мягкой силы?». [26, р. 51-53] Главным образом автор останавливается на типологии «мягкой силы»⁴ [См. подробнее: 2, 19, 23], что является в его интерпретации «дихотомией и продолжительностью» силы. В его версии в «мягкую силу» включены, прежде всего, институциональные (*agenda-setting*) и основанные на риторической форме (*attraction*) аспекты. Исследователь также демонстрирует механизмы применения «мягкой силы», описывая их по форме установления нормативной базы, а также поддержания дискурса, то есть установления дискурсивной гегемонии. Иными словами, в данном дискурсе государство само определяет, что в итоге окажется нормальным, а что выйдет за рамки общедозволенного и станет маргинальным. Подобные нормативные базы сохраняются в двусторонних отношениях в нескольких плоскостях: на уровне межгосударственных связей, на уровне национальных меньшинств, а также отдельных сегментов, воспроизводящих коллективную идентичность. «Правила игры» в соответствии с установленными нормами могут также быть распространены в различных группах и обществах. Говоря политическим языком, подобное распространение норм в форме коллективной идентичности (демократия, язык, поп-культура, вера) и общей риторики крайне важна для установления политического влияния.

На сегодняшний день, западная теоретическая мысль и наиболее передовые ученые в России (Сергей Медведев, Александр Дугин, Вячеслав Морозов, Андрей Макарычев) полагают, что «мягкая сила» – это социально-конструируемый концепт, и оттого имеет огромный потенциал мобильности и гибкости и более того, способен, по мнению Дженис Маттерн, конструировать дискурс легитимности. «Именно легитимность является ядром того процесса, благодаря которому привлекательность социально конструируется. Легитимность – необходимое условие для настоящего аргумента в политике (и оттого и для убеждения)» [20, р. 588].

⁴ К слову, многие авторы вслед за Наем предпринимали попытки типологизировать «мягкую» и «не очень» мягкую, «умную», силу.

«Русский мир» в Крыму и артикуляция российской идентичности

После распада Советского Союза сепаратизм, как подчеркивает исследователь постсоветского пространства Лада Рослукки, стал одной из наиболее чувствительных проблем в условиях секьюритизации национальных государств на пространствах бывшего СССР. В своей статье [24] она прослеживает, как Россия распределяет дискурсивную власть через различные НКО, отмеченные сильной активностью в период 2011-2014 гг. Одной из таких является, например, «Русская община Крыма», являвшаяся наиболее политизированной. В своем исследовании Роман Купчинский сообщает [11], что организация финансировалась мэром Москвы Юрием Лужковым через фонд «Москва-Крым», а также Министерством иностранных дел и Администрацией Президента. В 2013 г. организация включала 25 суборганизаций и располагала 15000 участниками. Многие из них становились членами крымского парламента, а также городского совета Симферополя. В 2014 г. «Русская община Крыма» была главным социально-политическим игроком на полуострове, а также сотрудничала с Институтом стран СНГ. Нет сомнений, что подобная организация с ее разветвленной сетью, многочисленным составом, в том числе и входящим во властные структуры полуострова, и финансированием из Москвы могла быть использована в политических целях.

Следующим потенциально эффективным НКО являлся народный фронт «Севастополь-Крым-Россия». Как известно, само движение находилось под уголовным преследованием за противозаконную активность, в том числе и за проявление экстремизма. Оно было тесно связано с *Русской общиной*, и ее представители являлись либо членами общины, либо ассоциированными членами. Официально МИД Украины не раз обращался к СБУ с запросом провести расследования на предмет незаконной деятельности. В 2008 г. СБУ задержала двух членов, призывавших к сепаратизму и территориальной дезинтеграции Украины. Лидеры движений, Валерий Подъячий и Семен Ключев также не раз арестовывались.

Движение народного фронта известно своими акциями по сжиганию украинских книг, поднятием российского флага над административными зданиями Крыма, публично приравнивая НАТО и украинских патриотов к элементам неонацистской власти, демонстрацией свастика перед воротами украинских военных баз, а также публичных

призывов к Государственной Думе и Президенту присоединить Крым к Российской Федерации. Все это, безусловно, с позиции украинских властей является незаконным проявлением экстремизма. Подводя итог деятельности НКО в Крыму до присоединения к России, следует отметить очевидную силу и популярность дискурса, направленного на стремление крымчан к воссоединению с Россией, попытки охарактеризовать власть на Украине как нацистскую (в т.ч. и западные интеграционные структуры, например, НАТО) задолго до кампании российских СМИ с 2014 года, а также продвижение русской культурной матрицы и идей о Крыме, как «колыбели русской цивилизации», что дает широту возможностей для политических акций России и применения «мягкого принуждения», влекущего за собой и ослабление украинской «мягкой безопасности» (*термин Рослукки*).

К сопутствующим элементам деятельности НКО следует отнести и другие примеры российской «мягкой силы». Одним из них, например, являлась политика паспортизации. Как мы увидим, деятельность фронта «Севастополь-Крым-Россия» не исчерпывалась лишь риторической формой «мягкого принуждения» в отношении жителей Крыма. Стоит понимать, что во многом политика идентичности включает в себя и меры материального характера. Так, организация открыто призывала граждан принимать российское гражданство. Это повлияло на политику безопасности Украины в двух плоскостях: во-первых, юридически двойное гражданство Украины запрещено четвертой главой Конституции Украины, а также Законом об украинском гражданстве. Продвигая подобного рода незаконное действие, а именно двойное гражданство, народный фронт косвенно влиял на представление о власти в стране и ее потенциале внутренней безопасности как слабом и неэффективном; во-вторых постоянный рост держателей паспортов на полуострове способен накалить градус потенциального военного конфликта, например, на почве национальных меньшинств, сепаратизма, и т.д. Повторюсь, 2008 год подтвердил решимость России защищать военными способами национальные меньшинства и своих граждан за рубежом [12, р. 32]. Это отчасти повторилось и в марте 2014 г. Отмечая политический характер паспортизации, еще в 2008 году ряд западных исследователей обратили внимание на прагматичный и вполне целенаправленный характер данного «мягкого принуждения». Уже в 2006 году факт паспортизации жителей полуострова был общеизвестным. По данным расследования за 2006 у 1595 жите-

лей Севастополя были изъяты русские паспорта. На момент 2013 года цифры варьировались в оценках разных экспертов от 6000 до 17000 населявших полуостров, у которых было двойное гражданство [27, р.18-19]. Паспортизация, наряду с инструментализацией идентичности подавляющего русскоговорящего большинства населения Крыма – через лозунги, пропаганду, властные структуры Крымского парламента, РПЦ – классический пример биополитики, или власти над населением – физической, или дискурсивной. Физически это, конечно, проявляется через паспортизацию, или непосредственный контроль государства над определенным, будь-то небольшим, как в случае с Абхазией, Южной Осетией, числом населения, или огромным, как в случае с Крымом. *Дискурсивная* власть проявляется, конечно, через лозунги организаций, пропаганду, работу с исторической памятью, а также через культуру. Успешность такой политики стала очевидной в 2014 году.

К потенциальным механизмам «мягкой силы» России следует отнести политику «черного»/«белого», примененную на непростых отношениях жителей Крыма с татарами. Противоречия на национальной почве стали возникать в Крыму предположительно вследствие политики Виктора Ющенко по возвращению татар на родину. Как известно, само татарское население дважды изгонялось с полуострова: в 1783 году, по присоединению Крыма Екатериной Великой, а также в 1944, когда 46% татарского населения было депортировано в Узбекистан. По возвращении число татар увеличилось до 300000. Политически крымские татары поддерживали евроинтеграционный вектор политики Украины, а также уход российского черноморского флота к 2017 году из крымской гавани. Начиная с 1998 года партия «Рух», а также партия Ющенко «Наша Украина» включали татарских лидеров в свои партийные списки. Очень часто татар называли «коллорабационистами», «пособниками нацистов». Особым нападкам татары часто подвергались со стороны крымского казачества, выступающего против прозападных мер администрации Ющенко, евро-атлантической интеграции Украины, Украинской православной церкви (Киевского патриархата), а также украинского греко-католицизма и ислама. Организация не раз подвергалась серьезным проверкам со стороны представителей правоохранительных органов Украины. Марлен Мегре в своем анализе общества в Крыму сообщает о серьезных противоречиях татарского населения, например, с казачьим движением Крыма

[См. подробнее: 6]. Татары представляли главную цель для нападков казачества Крыма: совершались регулярные рейды, а также велась т.н. война религиозных символов [21, р. 15]. Мы видим, что противоречия национального, политического характера внутри Крыма создавали очень широкую базу для применения «мягкой силы» со стороны России, связанной с дискурсивной властью, прежде всего.

«Три цвета Новороссии» Ларуэль и русский мир

Исследованию «мягкой силы» России, в особенности в форме дискурсивной гегемонии, или, в интерпретации Роттмана, риторической власти⁵, посвящены статьи Марлен Ларуэль [13-15]. Концепция русского мира, причем его многоаспектная форма раскрывается как нельзя лучше и нагляднее на примере анализа организаций, действующих в Новороссии, а также политики идентичности, разделяемой этими организациями. В статье «Три цвета Новороссии» Ларуэль деконструирует идею Новороссии, наглядно показывая ее отдельные части, выделенные в три главных элемента: неоимпериалистический (белый), неокommунистический (красный) и неофашистский (коричневый) [15, р. 10-12]. По сути, идея Новороссии отражена в таких организациях, как «Изборский клуб», «Реструкт», «Русский Мир Евразии», «Черная сотня», «Русская православная армия», «Оплот» и т.д. Так, формулируя, например, неокommунистический дискурс, упор делается на памяти о советском прошлом, продвижении идеи «Большой России», роли военной силы, жесткой оппозиции Западу, а также социальной миссии России.

Для многих националистически настроенных интеллектуальных кругов Новороссия (и как конкретный субрегион, и как зона боевых действий, и как зона оказания военно-политической и экономической помощи отдельным вооруженным формированиям со стороны России) является и пространственным (присоединение Крыма), и идейным (советское легендарное наследие Донбасса, его социалистическая миссия) оправданием роста российского могущества⁶. «Я там

⁵ У Хопфа это названо «здравым смыслом», тогда как мы вправе называть это биополитикой, то есть властью над населением, в определении Фуко.

⁶ В своем докладе Олеся Лютсеевич совместно с аналитическим центром Chatham House, оценивая работу НКО в Юго-Восточной Украине, называет ее по сути экстремистской и парамилитаризованной: через лозунги «борцов за свободу Русской Весны» и «освободителей православных братьев от фашистов», процесс вербовки и саму деятельность: подобная оценка еще раз подтверждает главный тезис о многообразной и разноплановой природе

ездил по заводам крупным, которые занимаются кооперацией с Россией. Это продукт такого советского порыва, советские ценности. Эти предприятия мощные, что имеются в Донецке и Луганске, это будущее индустрии Новороссии, они будут основой цивилизации новороссийской. Это могучая промышленность, которая будет кооперироваться с Россией», - сказал Проханов в интервью «Рамблер» в 2014 году.

Огромную роль, в интерпретации исследователя [15, р. 6], в формировании «красного» образа Новороссии сыграли Александр Дугин и Александр Проханов и их организация «Изборский Клуб». Связующим звеном является, конечно, фигура Александра Борода, бывшего премьер-министра Донецкой Республики, регулярно организовывавшего видео-конференции с А. Дугиным, А. Прохановым. В июне 2014 года «Изборский клуб» дал согласие на разработку Конституционного проекта для Донецкой республики, который так и не претворился в жизнь. Руководителем местного центра «Изборского Клуба» остается Павел Губарев. «Губарев Павел – я с ним перезваниваюсь, он начитался моих газет, книг, статей, он мой абсолютный единомышленник и товарищ. Эти люди – это мои младшие братья», - отметил Проханов все в том же интервью. Также стоит отметить и роль Эдуарда Лимонова и его движения «Другая Россия», а также движение «Молодой Евразии» под руководством Юрия Кофнера.

Ко второму образу Новороссии следует отнести так называемый образ «белой» Новороссии с очевидным упором на православие как связующее социально-культурное звено. Образ мотивирован именно политическим аспектом церкви как главного механизма объединения территорий. Основными сторонниками идеи является Наталья Нарочинская и епископ Тихон (Шаргунов) – автор ряда бестселлеров и основатель портала «Православие.ру». Политический монархизм и православие стало лейтмотивом для многих представленных в Новороссии движений: «За веру и отечество», «Русское имперское движение», «Союз Русского народа». Известны факты, что через сайт «novorossia.su» происходило онлайн-рекрутирование. Сам сайт призывает к «построению в России богоизбранного государства, в кото-

политики идентичности «мягкой силы» России. Среди НКО называются «Международное евразийское движение» А. Дугина, «Другая Россия» Э. Лимонова, «Русское имперское движение», «Военное братство», «Союз казаков России», «Всесоюзное Донское казачество» [1; 16, р. 33-34].

ром фундаментальные национальные ценности будут духовны и основаны на православии, а материальные и либеральные ценности общества потребления будут отринуты». Примечательна фигура Константина Малофеева, главного редактора телеканала Царьград, близкого друга А. Дугина, опубликовавший рейтинг «топ-100 русофобов» России. Сам канал, а также фонд Василия Блаженного, учредителем которого является Малофеев, не раз заявляли о Новороссии как составной части России и высказывали идеи о вхождении ее в состав государства.

Образ «коричневой» Новороссии, с т.н. идеей «Русской весны», которая должна начаться в Киеве, М. Ларуэль представляет в виде крайне радикальных взглядов организации «Русского национального единства», замеченных на Донбассе на стороне ополченцев, выпускающих газету «Русский порядок»⁷. Стоит отметить, что на подобный образ вряд ли, в отличие от первых двух, будет когда-либо сделана ставка Россией в проведении «мягкого принуждения», во-первых, ввиду враждебного отношения самой организации к Кремлю, во-вторых, ввиду официально декларируемого антифашистского дискурса Москвы как главного борца с «мировым фашизмом». Тем не менее, Павел Губарев официально дал разрешение организации иметь представителей в правительстве отдельных регионов Донецкой области. Он лично благодарил лидера движения Баркашова за военную подготовку в 2000-х, что подтвердили видеоматериалы организации. На сегодняшний момент маловероятным представляется связь организации с властями Донецка, хотя связь лидера с движением «Оплот» и «Русской православной армией» часто обсуждается «в не вызывающих доверия украинских источниках» [15, р. 15-16]. Подводя итог трем образам Новороссии, как потенциальной площадкой для «мягкой силы», Марлен Ларуэль пишет:

«Красный оправдывает повстанческое движение во имя антиевропейской геополитической парадигмы, а также территориального могущества России, а политика памяти касательно СССР делает Дон-

⁷ Стоит отметить, «Русская Весна» представляет собой чрезвычайно сложный феномен, чтобы связывать его только с «Русским национальным единством», которое на настоящий момент представляет собой практически политический труп. В 90-е годы – когда оно представляло собой внушительную силу – через него могли пройти отдельные деятели «Русской Весны» - тот же Павел Губарев. Бойцы РНЕ принимали участие в боевых действиях на стороне армии Новороссии, хотя масштабы участия баркашевцев вызывают дискуссии в сообществе журналистов и политологов.

басс легендарным оплотом индустриальной славы СССР и показывает путь будущей социализации региона в составе России. Белый с надеждой смотрит на будущее возрождение объединительной роли православия, которое подтвердит статус России как авангарда консервативной революции и традиционных ценностей, а для некоторых и источника ностальгии по монархии. Коричневый образ видит Новороссию площадкой, где арийское превосходство должно победить маргинальные элементы либеральных и евроатлантических ценностей, и где молодое поколение должно быть закалено для будущей битвы в Европе» [15, р. 16].

Выводы

Выделение трех дискурсов в самой идее Новороссии примечательно и актуально. Во-первых, оно показывает огромное пространство биополитики России в отношении Украины с потенциальной мобилизацией любой идеи. Во-вторых, это демонстрирует всю сложность, ранее наблюдаемую в Крыму, политики идентичности и множественности этих идентичностей. Любая идея, отмеченная Ларуель, от легендарного коммунистического прошлого до «русской весны», начавшейся в Киеве – проявление концепта русского мира. Русский мир, выраженный в «дискурсивной власти», распространяемой НКО в Крыму, в Восточной Украине – способен мобилизовать любую идею и массы. Скажем, антисемитские взгляды могут полагать евреев в качестве олигархов и банкиров, сидящих в Киеве и вынуждающих жителей Новороссии страдать от экономического коллапса и блокады; антизападные взгляды полагают Новороссию как поле битвы с наслаждающимися враждебными ценностями Запада, с которыми борются сепаратисты не на жизнь, а на смерть. Насколько полно способна Россия использовать потенциал дискурсивной раздробленности Новороссии в своих целях – вопрос открытый для исследователей «мягкой силы государства». Дихотомия между прямым мягким принуждением в Крыму и опосредованным риторическим взаимодействием России с Новороссией остаются крайне непростыми в анализе «мягкой силы». Но без подобного анализа идентичности невозможна дальнейшая имплементация теории «мягкой силы».

Примеры деятельности НКО в Юго-Восточной Украине и Крыму также не случайны и потому, что население данных регионов Украины выступает в роли связующего «социального» компонента и

способно легитимизировать, нормализировать институты «мягкой силы» России. Часто подобный механизм способен облегченно перейти в фазу твердой силы, что случалось и в 2008, и в 2014 годах. Выступая в Совете Безопасности ООН, Виталий Чуркин объяснял позицию России в ходе пятидневной войны и начала боевых действий со стороны своего государства именно так: «Такова миссия России – заботиться о безопасности народов Кавказа». Так, например, применение жесткой силы в отношении Крымского вопроса сопровождалось воспроизведением нескольких аргументов того, что мы называем биополитикой: а) практически единогласной поддержкой населения внутри Российской Федерации, б) «необходимость» защиты населения Крыма от потенциального вторжения радикально настроенных группировок из Киева, в) огромное количество случаев зарегистрированного российского гражданства на полуострове. Вопрос заключается лишь в том, индикатором чего выступает применение твердой силы: крахом «мягкого принуждения» или его успешности? Исследователи «мягкой силы» по-разному отвечают на этот вопрос [См. подробнее: 25].

В целом, как уже было отмечено выше, разнородность подобных организаций предоставляет также многоаспектный формат для потенциальной артикуляции государством (риторическим или через институты) того или иного дискурса у населения: потенциальной мобилизацией любой идеи, от «фашизма и антисемитизма» региона, до «православия», «преданности», и «жертвенности» народных ополченцев, а также расстановки определенных политических акцентов, как через НКО, так и через политику паспортизации, и распределение дискурсивной власти через православную церковь [См. подробнее: 18] в странах постсоветского пространства, пространства Русского Мира: Южная Осетия и Абхазия, регионы Балтийских государств (Нарва, регион Латгалии в Латвии), Белоруссия, Приднестровье.

Литература

1. Армия и добровольцы. Интервью российского военнослужащего «в составе российского миротворческого контингента» [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/03/60981-armiya-i-dobrovoltsy> (дата обращения: 24.08.17).

2. Морозов В. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества / В. Морозов. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.
3. Неймарк М.А. Мягкая сила в мировой политике / М.А. Неймарк. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2017. – 272 с.
4. Неймарк М.А. Русский мир: идеи и люди. К дискуссии о статусе соотечественника за рубежом / М.А. Неймарк // Русский век. – 2009. – №9. – С. 28.
5. Никонов В. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В. Никонов. – М.: Эксмо, 2015. – 334 с.
6. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life / G. Agamben // Stanford, CA: Stanford University Press, 1998.
7. Bogomolov A. Ukraine's Strategic Security on a Crossroads Between Democracy and Neutrality / A. Bogomolov // European Security Forum Working Paper, 2007. – No.24.
8. Foucault M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975-1976 / M. Foucault. – New York: Picador, 2003.
9. Giulio M. Gallarotti. Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use / M. Gallarotti // Journal of Political Power. – 2011. – No 4. – P. 25-47.
10. Hopf T. Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics / T. Hopf // International Organization. – 2013. – No.2. – P. 317-354.
11. Hopf T. Crimea is Ours: A Discursive History / T. Hopf // International Relations, 2016. – No.2. – P. 227-255.
12. Kupchinsky R. Sub-Rosa Warfare in the Crimea / R. Kupchinsky // Eurasian Daily Monitor. – 2008. – No.142 [Electronic resource]. – URL: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=33833 (accessed date: 12.04.2017).
13. Kuzio T. Russian Passports as Moscow's Geopolitical Tool / T. Kuzio // Eurasia Daily Monitor. – 2008. – 15 September. – No.176. [Electronic resource]. – URL: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=33938 (accessed date: 12.07.2017).
14. Laurelle M. Russia as a 'Divided Nation,' from Compatriots to Crimea: A Contribution to the Discussion on Nationalism and Foreign Policy / M. Laurelle // Problems of Post-Communism. – 2015. – No.2. – P. 88-97.
15. Laurelle M. Russian Eurasianism. An Ideology of Empire / M. Laurelle. – Johns Hopkins University Press, 2008.
16. Laurelle M. The three colors of Novorossiia, or the Russian nationalist mythmaking of the Ukrainian crisis / M. Laurelle // Post-Soviet Affairs. – 2015. – No.1. – P. 55-74.
17. Lutsevych O. Agents Of The Russian World Proxy Groups In The Contested Neighbourhood / O. Lytsevych // Chatham House, 2016 [Electronic resource]. – URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/agents-russian-world-proxy-groups-contested-neighbourhood> (accessed date: 12.04.2017).

18. Makarychev A. The Russian World, Post-Truth, and Europe / A. Makarychev [Electronic resource]. – URL:<http://www.ponarseurasia.org/node/9200>) (accessed date: 12.04.2017).
19. Makarychev A. The Limits to Russian Soft Power in Georgia / A. Makarychev [Electronic resource]. – URL: <http://eng.globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/The-Limits-to-Russian-Soft-Power-in-Georgia-18159>) (accessed date: 12.04.2017).
20. Makarychev A. Biopolitics and Power in Putin's Russia / A. Makarychev, S. Medvedev // Problems of Post-Communism. – 2015. – No.1. – P. 45-54.
21. Mattern J. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics / J. Mattern // Millennium: Journal of International Relations. – Vol.33. – 2005. – No.3. – 01 June. – P.583-612.
22. Maigre M. Crimea – The Achilles' Heel of Ukraine / M. Maigre. – Tallinn: International Center for Defence Studies, 2009 [Electronic resource]. – URL: <http://www.icds.ee/fileadmin/failid/Merle%20Maigre%20-%20Crimea%20the%20Achilles%20Heel%20of%20Ukraine.pdf>) (accessed date: 12.07.2017).
23. Morozov V. Russian Society and the Conflict in Ukraine: Masses, Elites and Identity / V. Morozov [Electronic resource]. – URL: <http://www.e-ir.info/2017/05/01/russian-society-and-the-conflict-in-ukraine-masses-elites-and-identity/> (accessed date: 12.07.2017).
24. Nye J.S. Notes for a soft-power research agenda / J.S. Nye // Power in world politics. – London: Routledge, 2007. – P.162-172.
25. Roslycky L. Russia's Smart Power In Crimea: Sowing The Seeds Of Trust / L. Roslycky // Southeast European and Black Sea Studies. – 2011. – No.3. – P.299-316
26. Rotaru V. Forced Attraction? / V. Rotaru // Problems of Post-Communism. – 2017. – No.4. – P. 1-12
27. Rothman S. Revising The Soft Power Concept: What Are The Means And Mechanisms Of Soft Power? / S. Rothman // Journal of Political Power. – 2011. – No.1. – P. 49-64.
28. Rutland P. The Limits of Russia's 'Soft Power. / P. Rutland and K. Andrei // Journal of Political Power. – 2016. – No. 3. – P. 395-413.
29. Wendt A. Levels of Analysis vs. Agents and Structures: Part III / A. Wendt // Review of International Studies. – 1992. – No.2. – P. 181-185.

Часть II

Проблемы стран Центральной и Юго-Восточной Европы

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ ПОЛЬШИ И РОССИИ⁸

Бэкер Роман

доктор политических наук,
заведующий кафедрой теории политики
факультета политологии и международных исследований
Университета им. Н. Коперника (Торунь, Польша)
e-mail: backer@umk.pl

Аннотация. В статье предложены новаторские критерии сущностной дифференциации политических режимов на основе выявления отношений между имперIALными, гражданскими и общественными нормами. Определяется место между авторитаризмом и тоталитаризмом: бюрократия/силовики versus партийно-государственный аппарат, эмоциональная ментальность (фундаментализм) versus политический гнозис, а также апатия versus управляемая мобилизация общества. Россия и Польша эволюционируют в сторону идеальных типов недемократического режима и закрытого общества, однако это не означает окончательной предопределенности такого поворота. Если Польша все более становится прерогативным государством, то политический режим в России типичен для жесткого военного авторитаризма.

Ключевые слова: политические режимы, демократия, военный, мягкий и жесткий авторитаризм, мягкий и жесткий тоталитаризм, правовое государство, прерогативное и патримониальное государство.

EVOLUTION OF THE POLITICAL REGIMES OF POLAND AND RUSSIA

Bäcker Roman

Doctor of Political Sciences, Head of the Department of
Politics Theory of the Faculty of Political Science and International Studies,
Nicolaus Copernicus University (Toruń, Poland)
e-mail: backer@umk.pl

Summary. The following paper marshals a novel criterion regards substantive differentiation of political regimes based on pinpointing the ratio between imperial, civil and public norms. The one identifies a room between authoritarianism and totalitarianism: bureaucracy/security forces versus public administration, emotional mentality (fundamentalism) versus political gnosis and last but not least public apathy versus state-controlled social mobilization. Russia and Poland are embarked onto the path of

⁸ Статья написана при поддержке National Science Centre – Poland, грант 2015/19/B/HS5/02516.

an ideal model of non-democratic states and closed society yet it does not mean they are destined for such transformation. Poland progresses gingerly into a model of a prerogative state. Meanwhile, Russia slides downwards hard military authoritarianism.

Key words: *political regimes, democracy, military, weak and hard authoritarianism, weak and hard totalitarianism, Rechtsstaat (rule of law), prerogative and patrimonial state.*

1. Введение

Сравнительные исследования политических систем и в Польше [См., напр.: 18; 19; 40; 41; 44], и в России⁹ проводятся с очень большим успехом и могут быть сопоставимы с подобными исследованиями мирового уровня [См., напр.: 24; 35; 37]. Осознавая важность достигнутых результатов, хотелось бы одновременно предложить совершенно иную исследовательскую перспективу, с одной стороны выходящую за рамки классических сравнительных исследований институционально-правового характера, а с другой стороны не являющуюся количественным исследованием.

Политические режимы можно рассматривать различными способами и при помощи разных критериев [45]. Принимая полезность многих теоретических понятий, одновременно хотелось бы предложить несколько отличающееся от общепринятого определение политических режимов. Я считаю, что обязательным является их понимание не только как совокупности политических институтов, но и как связанной правилами и взаимодействиями социальной целостности, складывающейся как из тех, кто управляет, так и тех, кем управляют. При изучении конкретных политических режимов нельзя анализировать только части этой целостности, то есть, к примеру, формы институтов, объем компетенций правящих сил, взаимоотношений в рамках политического класса или характера подчинения управляемых.

2. Сущностные критерии политических режимов

Признавая преимущества существующих определений политических режимов, хотелось бы предложить рассмотреть вопрос об исследовательской целесообразности двух понятий, не слишком часто встречающихся в литературе предмета.

⁹ Например, очень хорошие сравнительные исследования политических элит были проведены коллективом под руководством проф. О.В. Гаман-Голутвиной. См. также: [17; 26].

Отношения между управляющими и управляемыми определяют империяльные нормы (характерные для управляющих), гражданские (присущие управляемым) и социальные (вытекающие из сотрудничества управляющих и управляемых) [33; 34]. Классификация известного краковского ученого Кшиштофа Палецкого вытекала из очень любопытной с теоретической точки зрения нормативной концепции политической власти.

Рассмотрим последствия превосходства норм одного типа над другими. Если гражданские нормы превалируют над империяльными, то мы имеем дело с демократическим режимом. При этом обязательным является наличие ясно сформулированного критерия – политическая нация в этом случае должна совпадать с общностью людей, подчиненных органам политической власти. Наоборот, превосходство империяльных норм над гражданскими означает существование недемократического режима. В таком случае возможно создание двух идеальных типов. Первый основан на полной гегемонии империяльных норм, а значит, невозможности создания гражданских норм. Это была бы крайняя форма существования недемократического режима. С другой стороны континуума можно поместить идеальный тип, основанный на полном преобладании гражданских норм при отсутствии империяльных норм. В этом случае мы бы получили политический режим, характеризующийся существованием только горизонтальных общественных связей, а, следовательно, отсутствием не только властных, но и ассиметричных общественных отношений.

Размер и степень действия социальных норм – это, в свою очередь, ни что иное, как сила социальных связей между управляющими и управляемыми. Тем самым они могут быть показателем стабильности данного политического режима – величины реального и потенциального уровня его поддержки. Этот критерий может быть гораздо лучшим показателем, чем попытки операционализации различных типов легитимации или анализа уровней доверия к власти либо правящим элитам. Обязательно, однако, отдавать себе отчет в очень больших сложностях адекватного измерения размера и степени социальных норм.

Соотношение силы империяльных и гражданских норм (помимо трудностей операционализации) можно считать интересным теоретическим инструментом для исследования места данной системы в континууме между двумя идеальными типами: крайне демократичным и крайне недемократичным. Однако в связи с широтой этого континуума его ис-

пользование может не соответствовать величине реально существующего разнообразия политических режимов.

В представленном образе мышления уместается весьма любопытное определение политических режимов Свенда-Эрика Скаанинга.¹⁰

Тип политического режима определяют, как я полагаю, в важнейшей степени ответы на следующие вопросы:

1) Кто является сувереном, то есть кто принимает окончательные и неотменяемые решения стратегического характера?

2) Каков характер политического сознания (господствующий тип политического мышления) общества?

3) Какими являются уровень и характер политической активности народных масс?

Первый вопрос касается условия наличия, тогда как второй и третий – критериев стабильности существования данного режима.

О демократическом режиме можно говорить только тогда, когда сувереном является политическая нация, то есть совокупность граждан, обладающих и пользующихся своим избирательным правом. Только суверен принимает окончательное решение о том, какая политическая элита будет править. Поэтому внешним проявлением существования демократического режима является смена у власти общественных элит. А значит, если политическая нация имеет реальную возможность выбора между, по крайней мере, двумя такими элитами, она является сувереном. Если такой возможности выбора нет, она сувереном не является и тем самым политический режим не имеет характера демократического режима. Названный критерий является существенным. Выполнение остальных увеличивает уровень стабилизации демократического политического режима. К ним относится, во-первых, существование гражданской политической культуры в смысле, придаваемом этому термину Марией Оссовской [32] (политическая культура участия с четким акцентом на рациональности действий и способностью к самоорганизации). Второй стабилизирующий фактор – это существование постоянной значительной и коллективной гражданской активности, которая в случае, очень приближенном к идеальному типу,

¹⁰ A political regime designates the institutionalized set of fundamental formal and informal rules identifying the political power holders (character of the possessor(s) of ultimate decisional sovereignty) and it also regulates the appointments to the main political posts (extension and character of political rights) as well as the vertical limitations (extension and character of civil liberties) and horizontal limitations on the exercise of political power (extension and character of division of powers—control and autonomy) [38, P. 15].

была описана Алексисом до Токвилем [25]. В свою очередь, внешним условием, делающим возможным устойчивое существование демократических режимов, является наличие открытого общества – плюралистического, со строго соблюдаемыми правами собственности и принципами правового государства [См.: 42]. Демократический режим сочетается с открытым обществом, хотя известны случаи долговременного функционирования демократической системы в обществе, не соответствующем основным критериям открытого общества (пример Индии после 1948 г.).

Недемократические режимы – те, в которых политическая нация не является сувереном. Они обычно сочетаются с закрытыми обществами – односубъектными, прерогативными и патримониальными. Это сочетание позволяет оценить устойчивость данного типа режима, но не носит определяющего характера.

В современных массовых обществах (индустриальных и постиндустриальных) возможно выделение двух основных типов недемократических режимов – авторитаризма и тоталитаризма. При этом следует помнить, что приведенная типология может оказаться недостаточной. Быстро развивающиеся новые информационные технологии приводят к появлению совершенно новых форм и типов политических режимов, а также (особенно на начальном этапе) к возникновению аморфных и гибридных режимов.

Авторитаризм определялся и определяется как суверенное господство бюрократии или/и военных. Однако последнюю социальную категорию следует понимать шире – как функционеров структур, использующих силу (по-русски – силовиков). В таком режиме чиновники или/и сотрудники силовых служб определяют не только, какие решения будут приняты, но и каким способом они будут реализованы. Фактором, увеличивающим степень стабилизации авторитаризма, выступает существование в массовом масштабе эмоциональной ментальности очень высокого уровня, наиболее развитой формой которой является фундаментализм. Другой фактор того же значения – повсеместная общественная апатия.

Тоталитаризму давались самые разные определения [43]. Однако если мы воспользуемся вышеприведенной схемой, то должны, прежде всего, ответить на вопрос о том, кто является сувереном. В этом случае его функции выполняет партийно-государственный аппарат, то есть конгломерат взаимопроникающих государственных институтов, с

сердцевиной в лице партии нового типа и передаточными организациями (своего рода «оболочка» согласно Ханне Арендт [20]). Стабилизирующими факторами выступают: политический гнозис (в смысле, приданном независимо друг от друга Аланом Безансоном и Эриком Вогелином [Подробнее см.: 22; 23]), а также управляемая мобилизация масс.

Таким образом, мы имеем два основных континуума между режимами демократичными и недемократичными, а также между авторитаризмом и тоталитаризмом, где главным показателем места, занимаемого конкретным политическим режимом, будет в первом случае уровень суверенитета политической нации, а в другом форма недемократического суверена, то есть удаленность от идеального типа гегемоничной власти бюрократии/силовиков до полного господства зрелого партийно-государственного аппарата.

Схема № 1

D
(.....) ND
A
(.....) T

D – демократические режимы

ND – недемократические режимы

A – авторитаризм

T – тоталитаризм

В каком месте находятся в 2017 г. политические системы России и Польши? Точнее, в каком месте пребывают они, с одной стороны, в начале третьего президентского срока В.В. Путина, а с другой – с момента последних парламентских выборов в Польше в 2015 г.? Это два основных вопроса для исследования, над которыми стоит задуматься.

3. Эволюция российского политического режима

Поражение так называемой «белой революции», совпавшее по времени с началом третьего президентского срока В.В. Путина, одновременно хронологически соответствовало эрозии влияния на процессы принятия решений группы прозападных технократов в кремлевской

элите. Символом этого процесса эрозии стало прекращение рассмотрения Сколково в качестве альтернативы Силиконовой долине.

Реконфигурация структуры правящих элит имела также вторую сторону, заключающуюся в увеличении политического веса силовых структур, главным образом ФСБ и военно-промышленного комплекса с одновременным уменьшением роли МВД (создание Росгвардии и т.д.). Остальные институциональные группы давления стали играть гораздо меньшую роль [5; 6]. Начало конфликта с Украиной в феврале 2014 г., продолжение вооруженных столкновений в Донбассе и последующая военная интервенция в Сирии еще больше увеличили роль силовых структур и военно-промышленного комплекса. Учитывая комплексный характер российского участия в столкновениях в Донбассе (большая роль неформальных институтов и действий, в том числе создание добровольческих вооруженных отрядов, одновременно с участием воинских подразделений), расширилась также компетенция, задачи и, следовательно, роль ФСБ.

Такой же результат, только в еще большей степени, был достигнут вследствие смены политики в отношении несистемной оппозиции. Массовые демонстрации в Москве в 2011-2012 гг., соединенные с морально мотивированной системной делегитимацией, значительно увеличили уровень нестабильности политической системы. Для ликвидации этой угрозы правящие элиты должны были усилить степень маргинализации политической оппозиции, то есть увеличить уровень репрессивности, а также контроля и превентивных действий в отношении нее. Тем самым должна была вырасти не только роль ФСБ, но и других институтов, в задачу которых входит стабилизация политического порядка при помощи средств государственного контроля.

Доминирование военного комплекса и структур политической полиции в государственном аппарате после 2014 г. становится все более заметным. Это констатация общей тенденции, не учитывающая всей сложности отношений между очень различными функционально, территориально и институционально политическими силами в рамках аппарата власти Российской Федерации. Однако вывод, вытекающий из этого доминирования, достаточно очевиден: в ходе третьего президентского срока Путина мы имеем дело с ярко выраженным типом военного авторитаризма.

Еще более сложным для анализа является вопрос общественного сознания. Это следует не только из существования «четырех России» с

пространственной точки зрения, о которых пишет Наталья Зубаревич [7; 8; 10]. Различия в понимании мира между обществами, относящимися к информационной, промышленной, постсоветской, постклановой и, наконец, родоплеменной цивилизациям, должны быть огромными. Также большую сложность представляют проблемы интерпретации, обусловленные фактической монополией правительственных средств массовой информации, а также очень высоким уровнем общественного конформизма при высказываниях в публичных ситуациях.

Не подлежит сомнению, однако, очень высокая степень поддержки Путина на президентском посту, значительно превосходящая уровень доверия к политикам, выполняющим публичные функции в демократических государствах. Она намного превосходила 2/3, а после аннексии Крыма утвердилась на невообразимо высоком уровне свыше 80% (в марте 2014 г. превысила 80%) и колеблется между 89% (июнь 2015 г.) и 80% в мае 2016 г. В феврале 2017 г. рейтинг Путина составил 84% [13]. Такой высокий уровень поддержки обусловлен многими причинами: эффективными усилиями специалистов по созданию имиджа, очень успешным вживанием в роль сильного и решительного лидера, заботящегося о своих подданных, умелым поддержанием мифа о «добром царе, карающем плохих чиновников» и рядом других. Образ «сильного вождя» после 2014 года был дополнен мифом спасителя поработенных народов, создателя великой державной России, восстанавливающей свои позиции в мире, решительного лидера, эффективно борющегося с врагами. Но все же фигура сверхчеловека, типичная для тоталитарного политического гнозиса, появляется очень редко и в обществе занимает маргинальные позиции.¹¹ Следует при этом помнить, что мы сталкиваемся с безальтернативностью лидера и тем самым обязаны рассматривать такие высокие показатели как следствие очень высокого уровня общественного конформизма. Позитивная оценка Путина на президентском посту, таким образом, складывается не только из позитивных черт, но также из вынужденной общественной ситуации для респондентов. А значит, этот показатель не выступает критерием величины персональной легитимации, но является результатом конгломерата различных мотиваций и подходов по отношению к внешнему миру.

¹¹ См. [11]. Стоит также проанализировать популярность этой песни на Youtube.

Независимо от уровня популярности позитивного мифа Сталина образ нынешнего президента скорее соответствует мифу царя, чем наследнику Ленина. Не означает это, однако, высокого уровня персональной легитимации. Теоретическая категория этого типа не может быть использована в связи с безальтернативностью персональной функции президента.

В какой степени в российском обществе распространено черно-белое мышление, то есть резкое противопоставление между «мы» и «они»? Исследования Левада-центра 2015 г. показывают, что для 80% россиян характерна уверенность, что у России есть враги, при этом для 75% таковым выступает широко понимаемый Запад¹². Такой высокий показатель понимания мира в черно-белых категориях является следствием монопольного воздействия СМИ. Ведь только на несколько процентов меньше россиян признают, что единственным источником информации об общественных делах для них служит телевидение, которое в России (независимо от формы собственности) полностью подчинено Кремлю (за исключением нишевого канала «Дождь», доступного почти исключительно в Интернете [36]).

С 2012 г. вместе с ростом применения репрессивных средств по отношению к негосударственным формам гражданской организации изменился также язык публичных высказываний. Появились новые слова либо вернулись в публичный язык термины из прежних времен. В особенности нарастание этого явления наблюдалось после февраля 2014 г. Так, наряду с более ранним термином «иностранные агенты» появились такие слова, как «пятая колонна», «национал-предатели» или «нежелательные организации» [15; 16].

Характерным было также появление слов неодобрительного значения в адрес украинцев, а в особенности тех украинских политиков, которые не подчинились Кремлю. Кроме эмоционально негативных терминов появились понятия, почерпнутые из лексики периода II мировой войны. Контекстуальный анализ используемого также в центральной российской печати слова «укрофашист» указывает на его

¹² Главные враги России (данные мая 2016 г.) – это США (70%), Украина (47%) [14].

трактовку как оскорбления, не имеющего семантического поля [9]. То есть мы имеем дело с элементами тоталитарного политического гнозиса.

Общественное сознание, касающееся публичных вопросов, имеет в значительной степени характер, типичный для фундаменталистского способа мышления с небольшими элементами тоталитарного политического гнозиса.

Уровень способности государственного аппарата и актива правящей партии к организации управляемой политической мобилизации в современной России не слишком велик. Демонстрации, организованные правящей партией даже с применением административного ресурса, нигде обычно не были очень многочисленными. Так было и в случае манифестаций поддержки аннексии Крыма («Крым – наш»). Существует, однако, два важных исключения. Первое из них – годовщина окончания, как это сейчас снова называется, Великой Отечественной войны. Это единственный массово отмечаемый ежегодный ритуал, и то скорее на уровне участия спонтанного, вызванного внутренними побуждениями, а не принудительного и управляемого. Окончание Великой Отечественной войны 9 мая 1945 г. – единственное историческое событие, принимаемое всеми силами и идейными течениями в России. Поэтому неудивительно, что ежегодно количество участников празднований 9 мая в Москве оценивается в несколько миллионов человек, а отмечается этот день в каждом российском населенном пункте. Другим исключением являются массовые мероприятия, охватывающие практически все население Чечни [4; 12]. Эта республика (в меньшей степени и другие субъекты РФ на территории Северного Кавказа) характеризуется значительными отличиями от остальных регионов России, что касается и принадлежности к данному типу политического режима.

В свою очередь результаты последних выборов в Государственную Думу указывают на обратный процесс, в особенности это относится к обеим российским столицам. Явка в Москве и Петербурге не превысила 40% [2]. Одной из причин такой низкой явки могло быть стремление государства, воздерживающегося от все более трудной в больших городах фальсификации результатов, к увеличению апатии избирателей. Эта черта характерна для политики авторитарных правящих элит, опасющихся нежелательных форм политической активности масс, особенно в период их трансформации в прото-гражданское общество.

Российское общество в 2012-2017 гг. было гораздо ближе к идеальному типу социальной апатии, чем к его антиномии в виде управляемой и массовой общественной мобилизации. Этого факта не отменяют попытки увеличения уровня этой мобилизации, предпринимаемые после марта 2014 года и через несколько месяцев прекращенные.

Российский политический режим – это твердый военный авторитаризм. В течение нескольких месяцев после начала конфликта с Украиной были заметны (особенно в сфере общественного сознания) немногие тоталитарные элементы, прежде всего, на уровне политического гнозиса. За исключением языковой сферы, примерно с сентября 2014 г. они значительно сократили свой охват.

4. Польша в 2015-2017 гг.

Следствием парламентских выборов от 25 октября 2015 г. было получение партией «Право и Справедливость» большинства голосов в Сейме (234 мандата из 460) с одновременным решительным преобладанием в Сенате [46]. Победа несколькими месяцами ранее в президентской кампании Анджея Дуды – кандидата ПиС – позволила полностью овладеть законодательными и исполнительными органами государственной власти. Первый раз в истории III Речи Посполитой одна партия одержала такую победу. Это сделало возможной реализацию предвыборных обещаний без заключения программных и персональных компромиссов с партнерами по коалиции.

ПиС ведет родословную от политических партий, противодействовавших принятию в 1997 г. конституции. В 2010 г. она разработала свой собственный проект основного закона, предусматривающий значительное усиление президентской власти, ограничение полномочий парламентской оппозиции, подчинение судей (и особенно Конституционного суда, которому посвящено 13 статей) президенту, Сейму и Сенату, значительное укрепление позиций католической церкви и ослабление роли Европейского Союза [27]. Это был проект патриотически-консервативного характера, создающий основы для прерогативного государства,¹³ но сохраняющего существенные черты демократического

¹³ Немецкий социолог Э. Френкель определяет «прерогативное государство» как государство произвола, не контролируемое законом. Правовая система в нем превращается в инструмент политических властей, хотя частная и общественная жизнь, не касающаяся осуществления государством своих полномочий, регулируется традиционно преваляющими законами. – *прим. перев.*

режима. Его можно рассматривать как способ создания благожелательного к ПиС государственного окружения без значительного, фундаментального преобразования последнего. Одновременно проект так называемой конституции должен был стабилизировать ситуацию глубокого раскола между этой партией и всеми остальными парламентскими группами иных идеологических и мировоззренческих взглядов. Это был проект стабилизации режима неконсолидированной демократии при значительном институциональном и правовом перевесе правящей партии.

Практика правления ПиС после октября 2015 г. согласовывалась с политической программой, обрисованной в вышеупомянутом проекте конституции. До декабря 2016 г. тянулся очень эмоциональный конфликт за контроль ПиС над Конституционным судом (КС). Президент не принимал присягу у судей, легитимно избранных Сеймом предыдущего созыва, правительство незаконно отказывалось публиковать невыгодные для него определения КС, продолжалась нескончаемая пропагандистская кампания контролируемых правительством СМИ против действующего председателя КС. С другой стороны, организовывались уличные демонстрации поддержки КС. С окончанием срока полномочий председателя профессора Анджея Жеплинского в декабре 2016 г. КС под руководством Юлии Пшилебской был полностью подчинен правящей партии. Это событие означало своего рода переход от достаточно ущербного, особенно на заключительном этапе, существования правового государства к умеренному в первые месяцы прерогативному государству.

Одновременно с взятием под контроль правящей партией КС появились проекты законов, подчиняющие ей всех судей. Они устанавливали, что решения о назначении и продвижении судей будут приниматься в огромном большинстве Сеймом, Сенатом и президентом Польши. Вместе с тем председатели судов должны быть подчинены министерству юстиции. Проекты этих законов означают переход к твердому прерогативному государству, где вопрос о преследовании политических противников будет фактически решаться правящей партией.

Таким образом, с декабря 2016 г. Польша стала прерогативным государством.

Это, впрочем, не означает, что сувереном является бюрократия либо совокупность сотрудников силовых структур. Самые глубокие персональные изменения произошли на руководящих постах в армии (по-

что полностью сменился командный состав). В ведомствах государственной администрации перемены касались, прежде всего, высших руководящих должностей. Попытки взятия под контроль органов местного самоуправления, особенно на уровне воеводств, не имели успеха. Аппарат государственной власти, несмотря на предпринимаемые меры, не полностью подчиняется правящей партии. Однако постоянные усилия в этом направлении позволяют утверждать, что осуществление контроля над ним является одной из важнейших программных задач ПиС.

С октября 2015 г. заметно изменился язык, используемый на политической сцене. До этой даты только некоторые газеты и журналы, телеканалы «Republika» и «Tzwam», а также радиостанция Радио Мария пользовались черно-белым языком, но после быстрого овладения ПиС телевидением и общественными радиостанциями в общепольском масштабе возобладал эмоциональный язык, характерный для защитников осажденной крепости. Тон задают высказывания лидеров правящей партии: о людях второго или худшего сорта, [29] не являющихся патриотами или истинными поляками, польскоязычных СМИ [21; 31] или, наконец, людях с геном измены либо просто о предателях Родины. Одним из них называется бывший премьер-министр Польши и нынешний председатель Европейского совета Дональд Туск, в отношении которого министр обороны Антоний Мачеревич уже несколько раз подавал в прокуратуру заявление об осуществлении государственной измены [28].

Публичный язык, которым пользуется значительная часть элиты правящей партии, типичен для фундаменталистского мышления.

С начала правления «Права и Справедливости» очень значимым элементом общественной жизни были уличные демонстрации, проводимые противниками этой партии. Главным организатором этих манифестаций обычно был Комитет защиты демократии – ассоциация, представленная во всех крупных польских городах. Кроме того, манифестации организовывали оппозиционные партии и организации, созданные ad hoc (против ужесточения законодательства об абортах, изменений в школьной системе и т.д.).

Правящая партия организует только манифестации десятого числа каждого месяца в память о катастрофе самолета, в которой погиб, среди прочих, президент Лех Качиньский (10 апреля 2010 г.), а также немногочисленные демонстрации поддержки политики правительства [39]. Во время этих акций случается словесная, а реже физическая агрессия в от-

ношении появляющихся поблизости противников правительства либо журналистов из журналов и радиостанций, не симпатизирующих Пис. Но это подтверждает только тезис о преобладании фундаменталистского мышления с типичным ощущением осажденной крепости среди наиболее активных сторонников правящей партии.

Однако уличные демонстрации, организуемые как оппозицией, так и правящей партией, характеризует ярко выраженная зависимость. Численность этих манифестаций определяется задействованными организационными ресурсами партийных или профсоюзных структур. При этом не используются административные ресурсы.

Поэтому невозможно представить убедительных доказательств, свидетельствующих о приведении в действие механизмов управляемой мобилизации масс со стороны правящей партии, особенно посредством использования ресурсов подчиненных органов государственной власти. Нет также доказательств целенаправленного снижения уровня социальной активности поляков. Начинается диаметрально противоположный процесс (хотя наверняка и независимый от правящей партии) систематического нарастания политизации, особенно в тех слоях общества, которые составляют социальную базу оппозиции.

Образ мышления, а также отчетливо артикулированные и в какой-то степени реализованные политические цели явно указывают на недемократический характер «Права и Справедливости». Эти цели реализуются, однако, очень долго (конфликт с Конституционным судом длился более года) и часто половинчато либо неэффективно, так как, прежде всего, отсутствует социальная база для авторитарного правления. Хотя и существует немалая общественная поддержка (маргиналы, низшие социальные слои и пр.), но отсутствуют значимые социальные группы, заинтересованные в монополизации политического суверенитета и тем самым перехватывании его у политической нации. Кроме того, следует принять во внимание два важных вектора, направленных в сторону, противоположную вышеназванным факторам. Первый из них - довольно высокий уровень сопротивления различных групп гражданского общества. При этом масштаб потенциального сопротивления так высок, что может стать угрозой для нынешней позиции правящих элит. Другой – членство в Евросоюзе, которое не только делает обязательным соблюдение принципов правового государства, но и напрямую влияет на характер правовой системы и экономическое развитие государств-участников. Поэтому можно предположить, что пре-

образования в авторитарном направлении наверняка будут достаточно медленными.

Подводя итоги, можно определить польский политический режим как прерогативный (с декабря 2016 г.) и движущийся в сторону мягкого авторитаризма.

5. Выводы

Как Россия, так и Польша совершенно определенно эволюционируют в сторону идеального типа недемократических режимов. Тем самым вектор их эволюции совпадает с очередной волной поворота от демократии, начавшейся несколько лет тому назад и заметной на всех континентах. Информационная революция приводит к быстрым социальным изменениям. Они не только носят структурный характер (появление новых профессий, исчезновение старых и т.д.), но и формируют новый образ жизни. Одним из признаков этого нового образа жизни является постоянная потребность в приобретении новых навыков (например, обслуживания программ, приложений), постоянно появляются новые проблемы и угрозы, все социальные связи характеризуются нестабильностью и пр. Из этого вытекает естественное стремление к торможению перемен, своего рода остановке или повороту вспять времени и цивилизации. Политическим следствием появления таких социальных тенденций становится рост популярности тех политических сил, которые выступают за механизмы, типичные для закрытых обществ, и противостоят институтам и правилам открытых обществ.

Однако сила и быстрота процессов эволюции в направлении идеального типа закрытых обществ и одновременно недемократических режимов зависит от множества разнородных факторов.

Важнейшим из них выступает, прежде всего, соотношение социальных сил, функционирующих в рамках информационной революции и вне ее. В свою очередь форма политической сцены зависит от уровня организации и качества политических представителей двух этих социальных сил. В случае России о каком-либо соотношении этих двух социальных сил можно говорить главным образом в обеих столицах и городах-миллионниках. На остальной территории доминируют или занимают преобладающую позицию те социальные группы, которые не в состоянии участвовать в информационной революции. В Польше соотношение сил зависит от региона. Не случайно ПиС имеет преимущество в сельской местности и малых городах на территориях, ранее входив-

ших в состав Российской и Австрийской империй, то есть на так называемой «восточной стене». Однако независимо от региона в каждом случае гегемония или сильное доминирование правящей партии отсутствует.

Очередным фактором служит влияние внешнего окружения. Насколько с геополитической точки зрения Россия становится все более зависимой от Китая, настолько с точки зрения реализации целей внутренней политики правящие элиты, как и в любом другом случае военного авторитаризма, не поддаются влиянию извне. В то же время Польша входит в Европейский Союз и, функционируя в его рамках, должна хоть в какой-то степени соблюдать его принципы. Кроме того, поддержка членства в ЕС так велика, а выгоды для ключевых социальных групп так значительны, что ни одна партия не может себе позволить провозглашения лозунга выхода из ЕС (Polexit).

Возможно рассмотрение 26 марта 2017 г. в качестве одного из важнейших дней для стабильности путинской и ПиС-овской правящих элит. В этот день, как следует из множества журналистских материалов [1; 3], в ходе довольно многочисленных общественных протестов во многих российских городах массовые задержания не привели к росту социального конформизма. Поведение, высказывания и реакция участников протестов свидетельствуют не только о системном, аксиологическом и персональном отрицании существующего расклада политических сил, но и о явном занятии позиции, не допускающей какой-либо возможности соглашения с нынешними правящими элитами. Это не является революцией, но, без сомнения, свидетельствует о наличии элементов предреволюционной ситуации.

В это же день в одном из пригородов Варшавы состоялся референдум по проекту закона о расширении столичной территории, подготовленному ПиС. При высокой по польским меркам явке лишь 5,7% голосовали за проект правящей партии, остальные высказались против [30]. Это первая очевидная победа все более спланирующей оппозиции. Если тенденция сохранится, то возможна эрозия способности к осуществлению государственной власти ныне правящей партией. Однако этот вывод следует трактовать как значительно более слабый, чем тот, который сформулирован в предыдущем разделе.

Помимо одного и того же вектора эволюции в направлении идеального типа недемократических режимов и закрытых обществ, а также признаков истощения ресурсов, позволяющих эффективно осуществ-

лять государственную власть, различий между политическими режимами Польши и России значительно больше, чем сходства.

(Перевод с польского О.Ю. Михалева)

Список литературы

1. В крупнейших городах востока России прошли митинги против коррупции // Новая газета. – 2017. – 26 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2017/03/26/130161-v-krupneyshih-gorodah-vostoka-rossii-proshli-mitingi-protiv-korrupsii> (последнее обращение: 21.04.2017).

2. Винокуров А. «Я вас не выбираю»: «Газета.Ру» проанализировала политическую апатию в российском обществе / А. Винокуров // Газета.RU. – 2017. – 4 января [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/01/04_a_10459721.shtml (последнее обращение: 19.03.2017).

3. Винокурова Е. Без будущего. Митинги от безысходности. Почему люди снова ищут ответов на улице / Е. Винокурова // Интернет-газета Znak. – 2017. – 26 марта [Электронный ресурс]. – URL: https://www.znak.com/2017-03-26/mitingi_ot_bezyshodnosti_pochemu_lyudi_snova_ichut_otvetov_na_ulice (последнее обращение: 20.04.2017).

4. В Грозном жители рассказали о принудительном участии в митинге в честь трехлетия присоединения Крыма // Новая газета. – 2017. – 19 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2017/03/19/129968-v-groznom-zhiteli-rasskazali-o-prinuditelnom-uchastii-v-mitinge-v-chest-trehletiya-prisoedineniya-kryma> (последнее обращение: 21.04.2017).

5. Доклад «Минченко консалтинг»: "Большое правительство Владимира Путина и "Политбюро 2.0" // Минченко Консалтинг. – 2012. – 21 августа [Электронный ресурс]. – URL: http://minchenko.ru/analitika/analitika_27.html (последнее обращение: 17.12.2016).

6. Епифанова М. «Посткрымский» расклад: Медведев окончательно проиграл Сергею Иванову / М. Епифанова // Новая газета. – 2014. – 23 октября. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1688589.html> (последнее обращение: 21.04.2017).

7. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010.

8. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода / Н.В. Зубаревич. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.

9. Кучма – первый укрофашист // Махпарк. – 2014. – 4 июля [Электронный ресурс]. – URL: <http://maxpark.com/community/129/content/2842286> (последнее обращение: 11.04.2017).
10. Липский А. Наталья Зубаревич: «Нас ждет серьезное замедление развития» / А. Липский // Новая газета. – 2014. – 24 декабря [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/66664.html> (последнее обращение: 14.04.2017).
11. Машани. Мой Путин / Машани // Youtube.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-v6Jw9rsWCE> (последнее обращение: 21.04.2017).
12. Милашина Е. Чечня все больше отделяется от России / Е. Милашина // Новая газета. – 2015. – 30 июня [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/69020.html> (последнее обращение: 20.04.2017).
13. Одобрение деятельности В. Путина // Левада-центр. – 2017. – 26 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti> (последнее обращение: 21.04.2017).
14. Отношение к странам // Левада-центр. – 2017. – 26 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/> (последнее обращение: 21.04.2017).
15. Павлова С. Национал-предатели Путина. Кто и как использует термин «национал-предатель» / С. Павлова // Радио Свобода. – 2014. – 19 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.svoboda.org/content/article/25302687.html> (последнее обращение: 12.04.2017).
16. Путин заявил о намерениях западных спецслужб дестабилизировать ситуацию в России // Новая газета. – 2015. – 26 марта [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1692677.html> (последнее обращение: 21.04.2017).
17. Сравнительная политология: Учебник / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект-пресс. 2015. – 752 с.
18. Antoszewski A. Systemy polityczne współczesnej Europy / A. Antoszewski, R. Herbut. – Warszawa, 2006.
19. Antoszewski A. Systemy polityczne współczesnego świata / A. Antoszewski, R. Herbut. – Gdańsk, 2001.
20. Arendt H. Korzenie totalitaryzmu / H. Arendt. – Warszawa, 1993. – Т. 1-2.
21. Babula B. Media polskie i polskojęzyczne / B. Babula // Nasz Dziennik. – 2014. – 14.09. [Electronic resource]. – URL:

<http://www.naszdziennik.pl/mysl/97233,media-polskie-i-polskojezyczne.html> (accessed date: 19.04.2017).

22. Bäcker R. Nietradycyjna teoria polityki / R. Bäcker. – Toruń, 2011.
23. Bäcker R. Totalitaryzm. Geneza, istota, upadek / R. Bäcker. – Toruń, 1992.
24. De Meur G. Comparing Political Systems: Establishing Similarities and Dissimilarities / G. De Meur, D. Berg-Schlosser // *European Journal of Political Research*. – 1994. – № 26 (2). – P. 193-219.
25. De Tocqueville A. *Democracy in America* / A. De Tocqueville / trans. and eds. H.C. Mansfield and D. Winthrop. – University of Chicago Press, 2000.
26. Dyczok M. Media, democracy and freedom: the post-communist experience / M. Dyczok, O.V. Gaman-Golutvina. – Bern; New York: Peter Lang, 2009.
27. Konstytucja Rzeczypospolitej Polski. Projekt Prawa i Sprawiedliwości. Styczeń 2010 // Nie zniknęło [Electronic resource]. – URL: <http://niezniknelo.com/konstytucjaPiS2010.pdf> (accessed date: 20.04.2017).
28. Kublik A. Macierewicz donosi do prokuratury: Donald Tusk to zdrajca / A. Kublik, W. Czuchnowski // *Gazeta Wyborcza*. – 2017. – 21.03. [Electronic resource]. – URL: <http://wyborcza.pl/7,75398,21526418,macierewicz-donosi-do-prokuratury-donald-tusk-to-zdrajca.html?disableRedirects=true> (accessed date: 10.04.2017).
29. Langer M. Kim oni są. Najgorszy sort Polaków według Jarosława Kaczyńskiego / M. Langer // *Natemat.pl*. – 2015. – 13.12. [Electronic resource]. – URL: <http://natemat.pl/165069,kim-jest-najgorszysortpolakow> (accessed date: 15.04.2017).
30. Legionowo w referendum przeciw włączeniu do metropolii warszawskiej // *Onet.pl*. – 2017. – 27.03. [Electronic resource]. – URL: <http://warszawa.onet.pl/referendum-w-legionowie-przeciwko-metropolii-warszawskiej/vxpewby> (accessed date: 21.04.2017).
31. Lutostański A. Media polskie czy polskojęzyczne? / A. Lutostański // *Wiadomości24.pl*. – 2009. – 19.01. [Electronic resource]. – URL: http://www.wiadomosci24.pl/artikul/media_polskie_czy_polskojezyczne_86641.html (accessed date: 6.02.2017).
32. Ossowska M. Wzór obywatela w ustroju demokratycznym / M. Ossowska. – Warszawa, 1946.
33. Pałęcki K. Prawo, polityka, władza / K. Pałęcki. – Warszawa, 1988.
34. Pałęcki K. Prawoznawstwo. Zarys wykładu. Prawo w porządku społecznym władza / K. Pałęcki. – Warszawa, 2003.

35. Przeworski A. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990* / A. Przeworski et al. – New York: Cambridge University Press, 2000.
36. Russia's Dozhd TV Under Pressure // RadioFreeEurope. – 2015. – 07 December [Electronic resource]. – URL: <http://www.rferl.org/a/russia-dozhd-tv-under-pressure/27412337.html> accessed date: 20.04.2017).
37. Siaroff A. *Comparing Political Regimes: A Thematic Introduction to Comparative Politics* / A. Siaroff. – Toronto, 2009.
38. Skaaning S.-E. *Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework* / S.-E. Skaaning // CDDRL Working Papers, Stanford University. – 2006. – No 55. [Electronic resource]. – URL: http://cddrl.fsi.stanford.edu/sites/default/files/Skaaning_no_55.pdf (accessed date: 14.03.2017).
39. „Spontaniczna” demonstracja poparcia leśników dla ministra Szyszko? Borusewicz publikuje mail // Wprost. – 2017. – 22.03. [Electronic resource]. – URL: <https://www.wprost.pl/10047606/Spontaniczna-demonstracja-poparcia-lesnikow-dla-ministra-Szyszko-Borusewicz-publikuje-mail.html> (accessed date: 21.04.2017).
40. *Systemy polityczne Europy Środkowej i Wschodniej: perspektywa porównawcza* / red. A. Antoszewski. – Wrocław, 2006.
41. Szymanek J. *Modele systemów rządów (wstęp do analizy porównawczej)* / J. Szymanek // *Studia Prawnicze*. – 2005. – No 3.
42. *The Legal Doctrines of the Rule of Law and the Legal State (Rechtsstaat)* / editors: Silkenat, James R., Hickey Jr., James E., Barenboim, Peter D. (Eds.). – Springer, 2014.
43. *Totalitarianismus im XX Jahrhundert. Eine Bilanz der Internationale Forschung* / Jesse E. (ed.). – Baden-Baden, 1996.
44. *Ustroje polityczne krajów Wspólnoty Niepodległych Państw* / red. W. Baluk. – Wrocław, 2007.
45. Van den Bosch J. *Mapping Political Regime Typologies* / J. Van den Bosch // *Przegląd Politologiczny*. – 2014. – № 4. – P. 111-124.
46. *Wybory do Sejmu i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej 2015. Wyniki wyborów do Sejmu RP* // Państwowa Komisja Wyborcza. [Electronic resource]. – URL: http://parlament2015.pkw.gov.pl/349_Wyniki_Sejm (accessed date: 21.04.2017).

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ – НОВАЯ НОРМАТИВНАЯ УГРОЗА ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Донай Лукаш

*доктор политических наук,
профессор кафедры международных отношений
факультета политических наук и журналистики
Университета им. А. Мицкевича (Познань, Польша)
e-mail: lukasz.donaj@amu.edu.pl*

Прокопчик Адам

*магистр, выпускник
факультета политических наук и журналистики
Университета им. А. Мицкевича (Познань, Польша)*

Аннотация: *Целью статьи является изучение деятельности частных военных кампаний в свете международного права и вытекающих из нее потенциальных нормативных угроз для государств Центрально-Восточной Европы. Для правового анализа использованы фрагменты III и IV Женевских конвенций, I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям и Документ Монтре. Показано, что правовой статус компаний, ответственность их, а также их сотрудников, за нарушения международного права не урегулированы. Их статус зависит от выполняемых функций и заданий, их подконтрольности и подчиненности, а также мотивов деятельности. В статье также содержится рекомендация о создании регионального документа обязывающего характера, который урегулировал бы и гарантировал государства Центрально-Восточной Европы от правовых последствий безответственной деятельности частных военных компаний и их сотрудников, действующих и зарегистрированных на территории государств Центрально-Восточной Европы.*

Ключевые слова: *частные военные компании, международное право, Центрально-Восточная Европа*

PRIVATE MILITARY COMPANIES – NEW NORMATIVE THREAT FOR THE CENTRAL-EAST EUROPE

Donaj Łukasz

*Doctor of Political Sciences, Professor at the
Department of International Relations of the*

*Faculty of Political Science and Journalism,
University of Adam Mickiewicz (Poznań, Poland)
e-mail: lukasz.donaj@amu.edu.pl*

Prokopczyk Adam

*Master of Political sciences,
Faculty of Political Science and Journalism,
University of Adam Mickiewicz (Poznań, Poland)*

Abstract: *The purpose of the following paper is to present the activities of private military companies based on the international law and potential resulting of normative threats from it for the countries of Central-East Europe. Making the legal analysis selected fragments of III and IV Geneva Convention, The First Additional Protocol to the Geneva Conventions, and the Montreux Document have been examined. It has been shown that both the legal status of companies, their responsibility for international unlawful acts and their employees status are not normalized. Their overall status depends on the various roles they play, the tasks they perform, their subordination control systems and the motives behind the actions. This paper also includes a recommendation of new normative an obligatory document that would regulate and secure Central-Eastern Europe countries before the legal consequences of criminal activities of private military companies and their employees get out of hand of public eye.*

Keywords: *Private Military Companies, international law, Central-East Europe*

Введение

Тема статьи посвящена деятельности частных военных компаний (PMCs/PMFs – в англоязычной литературе термины Private Military Firms, Private Military Companies, Private Military Corporations выступают в качестве взаимозаменяемых и понимаются одинаково) в свете международного права. Принимая во внимание отсутствие обязующих норм в международном праве, авторы, анализируя акты международного права, представляют деятельность частных военных компаний в соответствии с предложениями международных законодателей, а также ищут ответы на вопросы об ответственности этих компаний за нарушения международных норм и о статусе сотрудников PMFs на международной арене. В заключительной части работы авторы предлагают выводы и рекомендации, которые могут стать основой для дискуссии о более полном урегулировании данной проблемы.

В многоаспектной военной отрасли эта насчитывающая неполных 30 лет форма экономической деятельности пользуется все большей популярностью. Частные военные корпорации – это междуна-

родные коммерческие фирмы, предлагающие услуги, подразумевающие возможность применения силы [4, s. 60], зарегистрированные и действующие в соответствии с национальным законодательством [9, s. 8]. Организации этого типа становятся все более важным элементом военных операций, а сфера оказываемых ими услуг постоянно эволюционирует. Сектор военных услуг, претерпевая очередные изменения, расширяет сферу предлагаемых товаров и услуг. В последние годы РМСs все чаще привлекаются государствами и международными организациями к выполнению такого рода заданий, как обучение, реструктуризация и модернизация армии или полиции, сбор и анализ разведывательных данных, охрана военных коммуникаций, техническое обслуживание сложных военных систем, транспортное обеспечение и охрана стратегических объектов, обезвреживание минных полей и допросы пленных [12, s. 10]. Сфера деятельности РМСs охватывает операции: военные, стабилизационные, постконфликтного восстановления и реформирования сектора безопасности. В настоящее время частные военные корпорации осуществляют большой объем услуг в секторах: продовольственного снабжения, логистики, администрирования, обучения, разведки, авиасообщения, личной охраны, обеспечения безопасности особо важных пунктов или конвоев. Некоторые корпорации предлагают также возможность проведения наступательных боевых действий [13, s. 1].

Изначально главным, хотя и не единственным, театром деятельности военных фирм в ее нынешнем виде была территория стран Африки и Ближнего Востока. Однако в последние годы следует обратить внимание на сообщения, касающиеся деятельности компаний этого типа на территории Центрально-Восточной Европы (главным образом Украины – в связи с непризнанием большинством государств перехода Крыма к России авторы рассматривают его территорию как входящую в состав Украины) и планов по включению РМСs в сектор национальной военной безопасности крупнейшего европейского государства – России.

Правда, негосударственные военные корпорации уже присутствовали здесь перед началом военно-политического конфликта в начале 2014 г., однако только эти события привели к возникновению проблематики деятельности РМСs на территории СНГ. Появляющаяся информация о деятельности таких компаний на территории Украины, охваченной внутренним и внешним конфликтом, заказчиков которых

нельзя однозначно установить, подчеркивает сложность поднятой проблемы. Сведения, передаваемые СМИ разных европейских государств, указывают на присутствие наемников практически с начала конфликта. Чаще всего называются в качестве мест происхождения (регистрации) компаний США, Германия, Турция, Россия, Польша [8]. В зависимости от классификации источников как более «проукраинских» или более «пророссийских» данные об их действиях в пользу какой-либо из сторон различаются. Однако вне зависимости от этого действия подобных компаний влекут за собой ряд неурегулированных правовых последствий.

Мысль об усилении части национальных вооруженных сил опорой на негосударственные военные субъекты высказал в 2012 г. тогдашний премьер и действующий президент Российской Федерации Владимир Путин. В своей речи, обращенной к депутатам Государственной Думы, Путин представил идею российских PMFs, которые должны были оказывать услуги «защиты российских интересов и объектов за границами Федерации»¹⁴ [15]. Насколько охрана объектов не вызывает споров, настолько же защита интересов РФ не является четко определенной категорией и может трактоваться как широко понимаемое использование частных военных компаний для различного рода действий, которые можно вписать в канон защиты интересов России (включая действия в военной сфере).

Все более частые и поступающие из различных источников вышеописанные сведения привели авторов к исследованию обозначенной проблемы. В поиске логичной конструкции, которая создает целостный образ функционирования PMCs в современных международных реалиях, произведен анализ и синтез избранных документов и актов международного права. При использовании метода абстрагирования внимание сосредотачивалось на ключевых аспектах исследования, и опускались какие-либо элементы национального законодательства (важного с фактической точки зрения, но не имеющего значения для данного исследования).

¹⁴ 11 апреля 2012 г., отвечая на вопрос депутата Государственной Думы А. Митрофанова, В. Путин заявил, что он не против создания в России частных военных компаний, пообещал рассмотреть этот вопрос и дать свой ответ на данное предложение: «Считаю, что это действительно является инструментом реализации национальных интересов без прямого участия государства. Считаю, что над этим можно подумать и посмотреть». Прямых юридических последствий это выступление не имело. – *Прим. перев.*

Деятельность РМС в свете международного права

Описывая функционирование PMFs, авторы производят анализ избранных документов: III и IV Женевских конвенций, I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям и Документа Монтре, которые непосредственно или опосредованно связаны с представленной тематикой.

III Женевская конвенция об обращении с военнопленными и IV Женевская конвенция о защите гражданского населения в военное время – это самые первые документы международного права, в которых можно найти положения, опосредованно относящиеся к частным военным компаниям и их сотрудникам. Обе конвенции были приняты 12 августа 1949 г., они до сих пор являются актуальными и применяются, по крайней мере, в цивилизованном мире [5, s. 66]. Поскольку ни компании, ни их сотрудники не имеют определенного, кодифицированного статуса, связанного с их деятельностью, и их можно рассматривать с различных точек зрения, постольку обе конвенции могут быть применимы в анализируемых вопросах.

III конвенция содержит положения, касающиеся обращения с военнопленными, определение лиц, обладающих таким статусом, и перечисление их прав в случае их попадания во власть неприятеля.

IV конвенция касается гражданского населения, методов обращения с ним и его защиты, а также правил поведения на гражданских территориях и объектах. В нее также включены положения, характеризующие запрещенные действия в отношении гражданского населения.

Правовым продолжением Женевских конвенций является I Дополнительный протокол о защите жертв международных вооруженных конфликтов, утвержденный в Женеве 8 июня 1977 г. В нем дополнены вопросы, связанные с атаками на гражданское население, госпитали и гражданские объекты. Уточнено также влияние военных методов на окружающую среду, а также придание статуса наемника [5, s. 66].

Вплоть до настоящего времени единственным международным документом, непосредственно связанным с деятельностью РМС, остается Документ Монтре. Он был принят 17 сентября 2008 г. и является первым документом международного значения, который позволяет определить, каким образом международное право подходит к деятель-

ности частных военных и охранных компаний (Private Security Companies (PSCs) – частные охранные компании, предоставляющие охранные услуги в узком смысле слова, такие как охрана лиц, имущества, объектов), действующих в сфере вооруженных конфликтов. Он содержит множество положений о передовых практических методах, которые разработаны, чтобы помочь государству принять меры на национальном уровне с целью выполнения своих обязательств по международному праву [11]. Однако следует отметить, что этот международный документ носит рекомендательный характер и невыполнение его положений не влечет за собой никаких правовых последствий.

Ответственность PMCs за нарушение международного права

Несмотря на то, что такого типа деятельность становится все более популярной и в последние годы такие услуги все больше востребованы, в международном праве они пока не дождались конкретного разрешения. Нормативной проблемой, связанной с деятельностью PMCs, является правовая ответственность этих субъектов, а также классификация работающих в них сотрудников. Среди существующих норм права проблематика деятельности частных военных субъектов не поднимается. Поэтому возможности юридической ответственности за бесправные действия этих субъектов трудно определить.

Прежде всего, следует отметить, что частные военные субъекты могут заключать договоры как с частными субъектами, так и с государственными (главным образом, с органами государственной власти), что будет обуславливать порядок определения ответственности за международные противоправные действия.

Действия PMCs, когда физическое или юридическое лицо не осуществляет элементов государственной власти [1, s. 26]. Этот случай при совершении противоправного действия будет связан с применением международного и национального права, и они будут рассматриваться как иностранные компании. Расследование ответственности частных военных фирм в этом случае не вызывает серьезных затруднений.

При найме PMF государственным субъектом тяжесть ответственности переносится на государство. Правда, существует возможность привлечения к ответственности PMFs за их действия в соответствии с духом международного права, однако часто ее невозможно реализовать. Чтобы точнее проанализировать проблему юрисдикции в сфере международной ответственности PMCs, следует изучить некоторые фрагмен-

ты принятой Комиссией международного права резолюции «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», которая является правовой основой в этой сфере.

Согласно ст. 2, *международно-противоправное деяние государства имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии:*

- a) присваивается государству по международному праву;*
- b) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства [1, s. 43].*

Нарушение международных обязательств государства не требует дополнительного пояснения, а вопрос о присвоении международного противоправного действия нуждается в уточнении. Принцип присвоения ответственности за деятельность военных корпораций, включенных в структуру вооруженных сил данного государства, поднят в ст. 4:

1) Поведение любого органа государства рассматривается как деяние данного государства по международному праву независимо от того, осуществляет ли этот орган законодательные, исполнительные, судебные или какие-либо иные функции, независимо от положения, которое он занимает в системе государства, и независимо от того, является ли он органом центральной власти или административно-территориальной единицы государства.

2) Понятие «орган» включает любое лицо или любое образование, которое имеет такой статус по внутригосударственному праву [1, s. 44].

По мысли ст. 4, ответственность за действия, совершенные подрядчиками, может нести государство, для которого выполняются задания (с которым подписано соглашение), с тем, однако, условием, что деятельность PMC's реализуется как интегральная часть действий вооруженных сил данного государства. Государство несет ответственность за поведение органов, которые можно считать входящими в состав административных структур данного государства. Иерархическая позиция органа не имеет в этом случае значения, поскольку сам факт принадлежности данного органа к данному государству равнозначен присвоению государству противоправного деяния. Необходимо все же отметить, что формального включения PMFs в вооруженные силы государства на практике не происходит, поскольку государства несли бы

дополнительные расходы и дополнительную ответственность за наемных сотрудников, работающих в PMFs.

Принимая во внимание вышеописанное, нужно рассмотреть ситуацию, в которой частная военная компания формально не отождествляется с вооруженными силами данного государства, однако получает полномочия по осуществлению определенных элементов правительственной власти. В таком случае государство, предоставившее полномочия, также несет ответственность за ее действия. Эта ответственность следует из ст. 5:

Поведение лица или образования, не являющегося органом государства в соответствии со статьей 4, но уполномоченного правом этого государства осуществлять элементы государственной власти, рассматривается как деяние этого государства по международному праву, при условии, что в данном случае это лицо или образование действует в этом качестве [1, s. 44].

Статья ясно не указывает, каким образом следует понимать элементы правительственной власти и какова сфера этого термина, а значит, можно сделать вывод, что этот вопрос должен рассматриваться индивидуально в каждом конкретном случае. Следует также отметить, что ответственность государства будет вытекать из заключенного контракта, в рамках которого данный субъект будет наделен какими-либо элементами государственной власти. В этом случае элементами государственной власти могут считаться широко понимаемые услуги военного или логистического характера, оказываемые данному государству. Впрочем, необходимо заметить, что это внутреннее дело данного государства, перед которым компания несет правовую ответственность, вытекающую из заключенного контракта и внутригосударственного законодательства.

Ответственность государства в свете международного права не подлежит изменению, даже если происходит сознательное нарушение присвоенных РМС полномочий, связанных с осуществлением определенных элементов государственной власти. Это определено в ст. 7:

Поведение органа государства либо лица или образования, уполномоченных осуществлять элементы государственной власти, рассматривается как деяние этого государства по международному праву, если этот орган, лицо или образование действуют в этом качестве, даже если они превышают свои полномочия или нарушают указания [1, s. 44].

Согласно этой статье даже сознательное нарушение полномочий компанией обременяет ответственностью государство, на которое она работает (даже не соблюдая полученные указания и инструкции). В данной статье нет никаких исключений, то есть не имеет значения масштаб и вид нарушения, это касается также важнейшей категории международных преступлений – нарушения прав человека. Таким образом, если РМФ, уполномоченная на осуществление элементов государственной власти, сознательно, даже преднамеренно, нарушает международный правопорядок, она обременяет этим государство, выступающее ее работодателем, и от этого государства потерпевшие могут требовать компенсации. Государства тем самым не могут выбрать линию защиты, перекладывающую ответственность за совершенные деяния на фактического исполнителя (РМС), ссылаясь на нарушения или отказ от выполнения выданных инструкций.

Заканчивая анализ ответственности государства, следует привести статью, говорящую об ответственности в случае, если государство только руководит частной военной компанией или контролирует ее. Ст. 8 разрешает проблему ответственности в ситуации, когда РМС не является государственным органом:

Поведение лица или группы лиц рассматривается как деяние государства по международному праву, если это лицо или группа лиц фактически действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения [1, s. 45].

Согласно вышеизложенному, чтобы квалифицировать деяние как международно-противоправное действие, осуществленное государством, достаточно, чтобы лица, выполняющие задания, действовали в соответствии с инструкцией либо под руководством государства. Однако эта статья не определяет условий, которые должны быть выполнены, чтобы признать, что данный субъект действует по инструкции либо под управлением государства. Это оставляет простор для интерпретации, и в случае требования компенсации может стать причиной межгосударственных разногласий. Обязательно, однако, подчеркнуть, что государству можно вменить только те деяния, которые составляют интегральную часть операции, проводимой под его контролем и руководством [14, s. 26].

Подводя итог, ответственность РМС за действия во время исполнения контрактов должна рассматриваться двойственно: в зависимости

от условий контракта, компетенций и подчиненности. Компании могут быть наняты и представлять частные субъекты либо государственный аппарат. В первом случае они несут ответственность согласно внутри-государственному законодательству. Представление государственного аппарата имеет более сложную структуру возложения ответственности. В зависимости от уровня интеграции действий компании и государства, подчиненности либо контроля, а также места в иерархии могут применяться разные статьи резолюции «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», принятой Комиссией международного права, которые имеют общий знаменатель, предусматривающий возможность требования компенсации у государства, которое представляет данная компания. В настоящее время не приняты акты международного права, конкретно и точно регулирующие вопросы ответственности частного актора в действиях военного характера на международной арене. Отнесение положений резолюции по аналогии к РМГ оставляет неурегулированными определенные сферы деятельности государственной власти. Это в свою очередь может вызвать ряд неясностей и проблем интерпретации резолюции (что может стать поводом к межгосударственным спорам).

Статус сотрудников РМС на международной арене

Деятельность РМС неразрывно связана с занятыми в этих компаниях людьми, выполняющими задания по контракту, так называемыми подрядчиками. В существующих правовых условиях сотрудники частных военных корпораций также не охвачены отдельными международными соглашениями. В отличие от солдат, которые несут уголовную ответственность перед соответствующими органами военной юриспруденции (военные трибуналы или Международный уголовный суд), они являются гражданскими лицами, не подлежащими военному правовому регулированию. Для более точного определения их статуса следует рассмотреть существующие в современных условиях статусы, которые может получить лицо, находящееся в зоне вооруженного конфликта. Оно может быть признано: лицом, входящим в состав вооруженных сил – комбатантом, наемником, гражданским лицом, следующим за вооруженными силами, или гражданским лицом.

Персонал частных военных корпораций может обрести статус комбатантов только тогда, когда компания была включена в состав и признана в качестве интегральной части вооруженных сил. Как уже ра-

нее отмечалось, такие случаи практически не встречаются, но в ситуации, если бы государство, нанявшее данную компанию, воспользовалось такой возможностью, оно может применять к ее сотрудникам те же внутренние нормы правового регулирования, что используются в отношении военнослужащих данного государства. Поскольку внутреннее законодательство не опирается на международные нормы, не существует возможности при рассмотрении межгосударственных споров найти общий знаменатель, выступающий в качестве юридической основы.

Очень часто лиц, участвующих в военных действиях по контракту, определяют, не вдаваясь в детали, как наемников, что, по мнению авторов, является излишним упрощением проблематики классификации статуса этого вида деятельности. Это тем более важно, что влияет на правовые аспекты в международном масштабе.

Для разрешения этого вопроса следует обратиться к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 1949 г., который дает точное определение наемникам и их статусу. Согласно статье 47:

(...)

2. Наемник — это любое лицо, которое:

(a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

(b) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;

(c) принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

(d) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

(e) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

(f) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил [7].

Чтобы соотнести определение сотрудника частной военной компании со статусом наемника, нужно сосредоточиться на отдельных пунктах указанной статьи Протокола, сопоставляя их с видами найма РМС и объемом предоставляемых услуг. Как следует из вышеизложенного, для признания статуса наемника необходимо соответствие всем шести названным пунктам, а в случае деятельности РМС's вероятность этого очень низка.

Уже в пункте „а” можно натолкнуться на определенное расхождение с деятельностью PMFs, вытекающее из определения слова «завербовать». «Zwerbować» (завербовать) толковый словарь польского языка описывает как «убедить кого-либо принять участие в чем-либо», «завоевать себе сторонников», устаревшее – «призвать в армию»¹⁵ [2]. Трудно прийти к выводу, что вербовка кого-либо для выполнения работы может быть основой для придания ему статуса наемника. Скорее это заключение договора об оказании услуг, предоставляемых компанией, которая наняла сотрудника. Следует ли в таком случае определять их как наемников, раз они только выполняют работу, для которой имеют соответствующую квалификацию (оцениваемую руководителем субъекта, который нанял сотрудника)?

Кроме того, пункт „b” требует от наемника «непосредственного участия в военных действиях». Недостаток этого пункта – отсутствие определения, чем является «непосредственное участие». Ведь сотрудники частных военных компаний выполняют множество заданий, никоим образом не связанных с боевыми действиями. Можно ли назвать наемником человека, доставляющего медикаменты в безопасную зону, не охваченную боевыми действиями, либо отвечающего за систему мониторинга на охраняемом компанией объекте?

Пункт „с” может казаться очевидным и очевидным может казаться полное его отождествление с лицами, занятыми в этой профессии. Однако не существует определенных доходов, предусмотренных для персонала РМС за участие в военных действиях. Нет также обязанности придания этим доходам уровня, превышающего вознаграждение военнослужащим страны, которая наняла данную компанию. Кроме того, обещание вознаграждения, по мнению авторов, сформули-

¹⁵ В русском языке слово «вербовать» заимствовано из польского, куда, в свою очередь, пришло из немецкого. Сейчас, согласно толковому словарю Ушакова, оно имеет два значения: а) набирать добровольцев в какую-нибудь организацию (первоначально – в войско) и б) создавать какую-нибудь организацию. – *Прим. перев.*

ровано неудачно и не соответствует этому виду деятельности. Или договор, на основе которого нанят сотрудник частной компании, можно определить как обещание вознаграждения от какой-либо из сторон конфликта?

В пункте „d” подняты вопросы гражданства либо проживания. Сотрудники РМС не должны являться гражданами определенной страны. Правда, определение говорит о международной деятельности, осуществляемой частными военными компаниями, но это не относится к их персоналу. То есть, если операция проводится на территории данного государства, следует нанять лиц, проживающих за пределами места действия или с гражданством не данного государства?

Авторы считают, что на поставленные выше вопросы следует ответить «нет». Принимая во внимание следующую из пунктов „e” и „f” невозможность принадлежности к вооруженным силам (одной из сторон конфликта либо третьего государства), что антагонистично принципу включения РМФ в вооруженные силы государства в качестве их интегральной части, а также обязательность выполнения всех пунктов, перечисленных в Протоколе, авторы считают, что сотрудникам частных военных компаний нельзя придавать *ad hoc* статус наемника.

Статус гражданского лица, следующего за вооруженными силами, присваивается согласно ст. 4 разд. А пункта 4 III Женевской конвенции,

«лицам, следующим за вооруженными силами, но не входящим в их состав непосредственно, как, например, гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, военные корреспонденты, поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил, при условии, что они получили на это разрешение от тех вооруженных сил, которые они сопровождают» (...)
[3].

Основываясь на чаще всего встречающейся форме найма и сфере оказываемых сотрудниками РМФ услуг, данная статья представляется применимой в наибольшей степени. На практике персонал частного субъекта часто действует при вооруженных силах государства. На основании оказания логистических, транспортных, разведывательных, охранных и технических услуг для вооруженных сил данного

государства можно признать за ним статус гражданских лиц, следующих за вооруженными силами.

Авторы считают необходимым также проанализировать возможность признания сотрудников РМФ гражданскими лицами. На основе ст. 4, разд. А гражданским по аналогии можно назвать лицо, которое не является: участником вооруженных сил, ополчения и добровольческих подразделений, составляющих часть вооруженных сил; участником других ополчений, добровольческих подразделений и организованных движений сопротивления, принадлежащих к одной из сторон конфликта; гражданскими лицами, следующими за вооруженными силами; населением неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска [3].

Как следует из вышесказанного, имеется возможность классификации сотрудника РМС в качестве гражданского лица, тем не менее, чтобы перечисленные условия были выполнены, круг его обязанностей и выполняемые функции должны быть ясно и четко определены. Исходя из изложенного, можно утверждать, что оказывающие логистические, охранные услуги, услуги по обучению сотрудники компаний, не интегрированные в вооруженные силы или ополчение какой-либо из сторон, являются гражданскими лицами.

Исследуя конкретные условия, касающиеся персонала частных военных компаний, необходимо обратиться к Документу Монтре. В части Е, в пунктах 23-26 документа охватываются вопросы, связанные с деятельностью, правовыми обязанностями и статусом сотрудников частных военных компаний.

Пункт 24 подтверждает сделанные ранее нами выводы, говоря о том, что сотрудники РМФs не имеют универсального статуса:

Статус персонала РМФ определяется международным гуманитарным правом в каждом конкретном случае, в частности с учетом характера и условий выполнения возложенных на него функций [3].

Помимо отсутствия определенного заранее статуса, согласно пункту 23 сотрудники РМФs обязаны соблюдать законодательство государства, на территории которого действуют:

Персонал РМСs обязан соблюдать соответствующее национальное законодательство, в частности, национальное уголов-

ное законодательство государства, в котором он функционирует (...) [10, s. 14].

Кроме того, Документ предоставляет право наделения персонала частных военных компаний статусом гражданских лиц. В пункте 25 сказано:

Если сотрудники РМС являются гражданскими лицами по международному гуманитарному праву, то они могут быть объектом нападения, только если они непосредственно участвуют в боевых действиях и только во время такого участия [10, s. 14].

Из данного пункта следуют три важных вывода. Во-первых, что возможно признание сотрудников РМС гражданскими лицами, даже когда они находятся в зоне боевых действий. Во-вторых, что в таком случае они должны пользоваться такой же защитой, как и гражданские лица. В-третьих, что существует возможность утраты статуса гражданского лица в случае непосредственного участия в боевых действиях. Однако четкое определение, когда можно говорить о непосредственном участии в боевых действиях, отсутствует. Определенно это будет ведение наступательных действий против одной из сторон, но вот следует ли так классифицировать доставку медикаментов или выполнение заданий по логистике в пользу одной из воюющих сторон?

Ответ на поставленный выше вопрос можно найти в пункте 26, где ясно определены статус и место персонала РМС в зависимости от выполняемых функций:

Сотрудники РМС:

а) обязаны, независимо от своего статуса, соблюдать применимое международное гуманитарное право;

б) находятся под защитой в качестве гражданских лиц по международному гуманитарному праву, если они не входят в состав регулярных вооруженных сил государства или не являются членами организованных вооруженных групп или подразделений под командованием, ответственным перед государством; или иным образом не утратили своей защиты, как это определяется международным гуманитарным правом;

с) имеют право на статус военнопленного в международном вооруженном конфликте, если они являются лицами, следующими за вооруженными силами и отвечающими требованиям статьи 4А(4) третьей Женевской конвенции;

(...)

е) подлежат судебному преследованию, если они совершают поступки, квалифицируемые в качестве преступлений по применимому национальному или международному праву [10, s. 14-15].

Заключение

Отсутствие каких-либо ограничений, связанных с предоставлением услуг частными военными компаниями, ведет к тому, что к их услугам прибегают как высокоразвитые государства, предприятия и международные корпорации, так и слаборазвитые или распадающиеся государства, преступные организации, и даже организации, занимающиеся защитой прав человека.

Однако вне зависимости от заказчика неурегулированная проблема поднимает вопрос об ответственности этих компаний за международно-противоправные действия и о правовом статусе их сотрудников. В нынешних правовых условиях проблема статуса лица, пребывающего в зоне боевых действий, не имеет однозначного решения. Статус зависит от осуществляемой функции, выполняемых заданий, подчиненности или мотивов действий. Лицо может быть признано: гражданским, гражданским лицом, следующим за вооруженными силами, наемником или комбатантом, что следует из III и IV Женевских конвенций и I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям. Каждый из названных статусов в нормах международного права различается, прежде всего, объемом предоставляемой защиты. Равным образом сотрудники PMC's, находящиеся в зоне боевых действий, подпадают под ту же самую классификацию, с тем лишь исключением, что они не имеют постоянного статуса, которым их можно было бы наделить заранее, поскольку эта профессия не получила отражения в Женевских конвенциях или дополнительных протоколах к ним. Эти вопросы разрешает Документ Монтре, определяя их статусы в зависимости от выполняемых заданий и предпринимаемых действий. Важно, что однажды приданный статус не является неизменным. Вместе с изменением круга обязанностей или выполняемых заданий он тоже может измениться (за исключением включения сотрудников PMC's в состав вооруженных сил государства, что требует изменений в контракте, на основании которого действуют). Необходимо, однако, обратить внимание на некоторые неоднозначные элементы Документа, предоставляющие в этой сфере простор для интерпретации ситуации и действий, что делает невозможным непротиворечивое упорядо-

чение роли на международной арене сотрудников частных военных компаний. Хотя Документ Монтре был одобрен и принят 54 государствами, в том числе крупнейшими мировыми державами (США, Великобритания, Франция, Германия, Канада, Австралия), и тремя международными организациями (ЕС, ОБСЕ и НАТО) [6], он не имеет обязательного характера.

Принимая во внимание деятельность РМСs на территории Украины и постулирование возможности их использования как интегральной части вооруженных сил России, частные военные компании могут представлять собой реальную нормативную угрозу как для этих государств, так и для всех прочих прямых и косвенных акторов международных отношений. По мнению авторов, адекватным ответом было бы принятие международного правового акта обязательного, а не рекомендательного характера. Поскольку принятие такого документа в глобальном масштабе практически невозможно, можно задуматься о его подписании в региональных рамках. Во избежание претензий и дополнительных конфликтов на правовом поле между государствами Центрально-Восточной Европы можно было бы принять и ратифицировать всеми государствами региона соответствующий акт международно-правового характера. Это позволило бы разрешить вопрос так, чтобы не оставалось места для собственных интерпретаций заинтересованных сторон, а также дополнить нормативную базу частного военного сектора на международной арене СНГ.

(Перевод с польского О.Ю. Михалева)

Список литературы

1. Draft articles on Responsibility of States for internationally wrongful acts adopted by the International Law Commission at its fifty-third session (2001) / (extract from the Report of the International Law Commission on the work of its Fifty-third session, Official Records of the General Assembly, Fifty-sixth session, Supplement No. 10 (A/56/10), chp.IV.E.1), November 2001 [Electronic resource]. – URL: <http://www.ilsa.org/jessup/jessup06/basicmats2/DASR.pdf> (accessed date: 21.04.2017).
2. Hasło: werbunek [Electronic resource]. – URL: <http://sjp.pwn.pl/sjp/;2547576> (accessed date: 21.04.2017).
3. Konwencja o traktowaniu jeńców wojennych (III konwencja genewska). – Genewa. – 12 sierpnia 1949 r. (Dz. U. z 1956 r., nr 38, poz. 175).
4. Ortiz C. The Private Military Company: An Entity at the Center of Overlapping Spheres of Commercial Activity and Responsibility / C. Ortiz // Jäger T.

Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects / T. Jäger, G. Kümmel. – Wiesbaden, 2007.

5. Osiągnięcia i wyzwania międzynarodowego prawa humanitarnego / M. Marcinko (red.). – Kraków, 2011.

6. Participating States and International Organizations. The Montreux Document is supported by 54 states and 3 international organizations. [Electronic resource]. – URL: <http://mdforum.ch/en/participants> (accessed date: 21.04.2017).

7. Protokół dodatkowy do konwencji genewskich z 12 sierpnia 1949 r., dotyczący ochrony ofiar międzynarodowych konfliktów zbrojnych. – Genewa, 8 czerwca 1977 r. (Dz. U. z 1992 r., nr 41, poz. 175, załącznik).

8. Soska M. Amerykańscy najemnicy na Ukrainie. Pogłoski, czy rzeczywistość? / M. Soska // Konserwatyzm.pl – Portal Myśli Konserwatywnej. – 2014. – 13.05. [Electronic resource]. – URL: <http://konserwatyzm.pl/artukul/12119/amerykanscy-najemnicy-na-ukrainie-pogloski-czy-rzeczywistosc/> (accessed date: 21.04.2017).

9. Terlikowski M. Prywatne firmy wojskowe w amerykańskiej operacji stabilizacji Iraku / M. Terlikowski. – Warszawa, 2008.

10. The Montreux Document On pertinent international legal obligations and good practices for States related to operations of private military and security companies during armed conflict, Swiss Federal Department of Foreign Affairs, International Committee of the Red Cross, Montreux, 2008. – 17 September [Electronic resource]. – URL: https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0996.pdf (accessed date: 21.04.2017).

11. The Montreux Document [Electronic resource]. – URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/foreign-policy/international-law/international-humanitarian-law/private-military-security-companies/montreux-document.html> (accessed date: 21.04.2017).

12. Tzifakis N. Contracting out to Private Military and Security Companies / N. Tzifakis // Centre for European Studies. – Brussels, 2012. [Electronic resource]. – URL: http://psm.du.edu/media/documents/reports_and_stats/think_tanks/ces_contracting_out_to_pmscs_july2012.pdf (accessed date: 21.04.2017).

13. Wing I. Private Military Companies and Military Operations / I. Wing. – Land Warfare Studies Centre (Australia). – 2010. – Working Paper No. 138.

14. Wojciechowski A. Prywatne firmy wojskowe a ochrona praw człowieka: stan obecny i perspektywy / A. Wojciechowski. – Warszawa, 2014.

15. Woźniak P., Idea „Wielkiej Rosji” budowana przy pomocy Prywatnych Firm Wojskowych? // Rzeczpospolita. – 2014. – 02.03. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rp.pl/artukul/1090935-Idea--Wielkiej-Rosji--budowana-przy-pomocy-Prywatnych-Firm-Wojskowych-.html#ap-1> (accessed date: 21.04.2017).

ПОЧЕМУ ПОЛЯКИ БОЯТСЯ БЕЖЕНЦЕВ?

Борковский Казимеж

*кандидат политических наук,
адъюнкт кафедры национальной безопасности
факультета социальных наук
Университета им. Я. Кохановского (Кельцы, Польша),
филиал в г. Петркув-Трыбунальский
e-mail: kazimierz_borkowski@wp.pl*

***Аннотация.** Предмет дискуссии по вопросам притока беженцев и иммигрантов из стран Ближнего Востока является чрезвычайно сложным и спорным. Для наиболее продуктивного обсуждения проблемы следует убрать все выдумки, мифы и явную ложь, возникающие вокруг данной проблемы. На сегодняшний день ненависть к мусульманам является наиболее острой, сравнимой с ненавистью к еврейскому народу во времена Второй мировой войны. Часто это является прямым нарушением человеческого достоинства, и поэтому возникает необходимость бороться с этим явлением. Общественность должна основывать свое мнение на фактах, а не на догадках и поверхностных спекуляциях. С одной стороны, существует определенная модель поведения, демонстрируемая беженцами, с другой стороны, наблюдается сильное противодействие местных «патриотов». Конечно, существует определенное беспокойство относительно мигрантов, которое оправдано и объяснимо, тем не менее, большинство, представленное СМИ и так называемыми «псевдопатриотами», его преувеличивает в целях манипуляции сознанием. Поляки – нация мало толерантная, и должны пройти долгие годы, прежде чем что-то изменится, и если изменится.*

***Ключевые слова:** Польша, миграционный кризис, мигранты, исламофобия, толерантность.*

WHY POLES ARE AFRAID OF REFUGEES?

Borkowski Kazimierz

*Candidate of Political Sciences, Adjunct of the
National Security Department of the Faculty of
Social Science, Jan Kochanowski University (Kielce, Poland),
Branch at Piotrków Trybunalski
e-mail: kazimierz_borkowski@wp.pl*

Summary. *The taken under discussion issue of inflow of refugees and immigrants from the Middle East is a complex topic. To enable a constructive debate around actual arising problems all the nonsense, myths and falsehood existing around this subject has to be cleared out. Currently, the hatred to Muslims is overwhelming in its intensity and widely present, comparable to the one addressed to the Jews after the Second World War. Often it is a violation of human dignity, hence it is necessary to counteract this phenomenon. The general public should base their opinions on facts, not conjectures and overheard speculations. On one hand, there is the behaviour manifested by the refugees, on the other hand – the one manifested by the local ‘patriots’. There are concerns about the immigrants that are justified and understandable but the majority, presented by the media and pseudo-patriots, are exaggerated and excessively manipulated. The Poles are a hardly tolerant nation and it will take some time to change it – if it ever does.*

Key words: *Poland, the migration crisis, migrants, Islamophobia, tolerance.*

Каждый из нас сталкивался с темой приема беженцев европейскими государствами и со связанной с этим вопросом волной протестов. Согласно предложению Европейской комиссии Польша должна будет принять 12 тыс. сирийцев в течение двух лет. Некоторые возмущены существующей ситуацией и не хотят беженцев в нашей стране. Чего же боятся поляки больше всего и почему приписывают мигрантам самые плохие качества [6]?

Полагаю, что наши опасения как нации могут возникать от страха или просто от отсутствия толерантности. Поляки не являются толерантным народом и часто не принимают других людей. Они недовольны, когда видят человека другого цвета кожи, работающего в их стране. Опыт общения с мигрантами, а также тот факт, что сами поляки достаточно часто покидают свою страну в поисках заработка, позволяют предположить, что дело здесь не в отсутствии понимания. Мы открытый народ, интересующийся другими традициями и культурами, но сирийцы пробуждают в нас опасение, что ментально они от нас очень далеки [7].

К сожалению, в ежедневно передаваемых информационных сообщениях слышится больше негативных, чем позитивных мнений о беженцах. В СМИ доминируют два способа описания проблемы – либо эмоциональный язык эмпатии и волнения, либо столь же эмоциональный язык ненависти и презрения. Каждый подвержен эмоциям. Люди обычно боятся нового и неизвестного. Это простой защитный механизм,

хорошо нам знакомый по ежедневной прозе жизни. В ситуации, когда решается такой важный вопрос, как благо и безопасность государства, с точки зрения психологии я понимаю это таким образом, что наша бурная реакция вызвана исключительно заботой о будущем страны, наших детей и нас самих. Мы боимся того, чего не знаем. Большинство поляков не знает религии и культуры этих людей, а истерия в СМИ приводит к тому, что они часто воспринимаются как «террористы». Это словно этикетка, наклеенная на их образ. Мы часто не можем осознать, что мусульманской веры, которую исповедует большинство беженцев, также придерживаются обычные семьи, взывающие о помощи. Иногда нам показывают маленьких детей и их матерей, заслуживающих лучшей жизни. Конечно, это тяжелые кадры. И это приводит к тому, что одни поляки хотят быть толерантными и соглашаются принимать беженцев, но другие, поддавшись страху и неприязни, считают, что принятие чужого народа, исповедующего другую религию, имеющего отличающиеся принципы, предписания и традиции, сопровождается большим риском для нас самих [3].

Сейчас в Европе везде виден страх. Может не везде такой истеричный, как в Польше, поскольку страх перед чужим в большой степени зависит от культуры, в какой мы выросли, религии, в которой нас воспитывали, знания мира, контактов с иной, чем наша, повседневностью. Мне кажется, что определенную роль в страхе поляков может играть подсознательная реакция на мелодику арабского языка, полного гортанных согласных. Для польского, а может и в целом для славянского уха, он звучит тревожно, даже грозно [5].

Анализируя вопрос, можно прийти к выводу, что между нашими народами существует огромная пропасть. Это столкновение ценностей и культур, а незнание рождает страх. Из СМИ поступает неоднозначная информация, а поляки имеют право задавать вопросы. Беженцы не агрессивны, но они и не обязательно хотят с нами ассимилироваться. Другое дело, если бы они обратились к нам за помощью, но они хотят идти дальше, они не желают оставаться в нашей стране, поскольку мы для них слишком бедные, а они хотят зарабатывать. Их не интересует наша культура, и они не собираются интегрироваться с нами. И хотя мы стараемся быть открытыми, наталкиваемся на сопротивление [1].

Поляки считают, что чем больше беженцев приедет в нашу страну, тем большие будут созданы гетто, такие как в Швеции, где существуют районы мигрантов, в которые даже полицейские боятся

заходить, а сирийцы проживают там замкнуто, не желая ассимилироваться [1].

Главным социальным барьером являются для нас вера и совершенно иная культура этих людей. Мы не знаем, что у них в сердцах и мыслях. Может, они хотят достойно жить, а может, планируют так называемое «вторжение». Именно поэтому поляки так сильно разделены, но мы не можем сами на себя наклеивать ярлыки расизма и отсутствия толерантности. Думаю, что нежелание принимать беженцев вытекает в значительной степени из опасения перед будущим, даже если нечего бояться. Люди иных культур, они не признают и не понимают европейских ценностей. Мы боимся ислама, хотя они спасаются от воинствующего ислама, думаем о сирийцах как об исламистах, хотя Сирия почти такая же светская страна, как Франция. Нас подталкивают короткие, вырванные из контекста, ролики, мемы, остроты. И в этот страх целят сегодня политики, используя его в собственных целях. Людьюми легко управлять страхом, так как тогда их разум спит [5].

Для людей одним из главных приоритетов, сразу же после удовлетворения физиологических потребностей, является ощущение безопасности. Наше европейское, а может быть и западное ощущение безопасности в целом, основывалось на убежденности, что мир движется в правильном направлении. Мы имеем права человека, свободу слова, восьмичасовой рабочий день, социальное обеспечение для слабых и демократию. Сейчас мы утрачиваем эту уверенность, глядя, как колонны людей, обвешанных узлами, пересекают очередные границы. И наше чувство безопасности начинает выходить из равновесия, из-за чего мы перестаем мыслить рационально, поддаемся эмоциям [4].

Анализируя отношение поляков к мигрантам, следует обратить внимание на Варшаву. Большая европейская столица – и все одного цвета кожи. Ситуация, немыслимая для жителя Лондона, Парижа, Мадрида, Барселоны, Рима или Берлина. Польша гомогенна, несколько поколений мы живем «среди своих», а значит, боимся «чужих» сильнее, чем там, где инаковость освоена десятилетиями. Хотя и там тоже появился страх [8].

Некоторые утверждают, что мы не можем принимать мигрантов, потому что они размножаются так быстро, что, даже если мы примем небольшую группу, то они быстро затопят нас детьми. Демографические данные как раз легко получить и проверить, они собираются почти всеми правительствами мира. Конечно, рождаемость у мусульман

в Европе сейчас выше, чем у христиан. Разница, однако, не очень велика, так как в последние годы среднеевропейский показатель в немусульманских семьях был полтора ребенка на женщину, тогда как в мусульманских – два. В последующие годы ожидается дальнейший спад рождаемости. В конечном итоге можно ожидать выравнивания прироста популяции, тем более что в мусульманских странах падение рождаемости было более быстрым, чем в христианских. Например, в Польше за последние 60 лет у каждой пары родителей стало рождаться на полтора ребенка меньше. В Сирии за эти же годы – на 4 меньше. Это общемировая тенденция – несколько лет назад мы миновали общемировой пик рождаемости, и теперь она будет только сокращаться. Прирост популяции теперь происходит за счет уменьшения детской смертности, а не роста числа рождений [См.: 2].

Очередным поводом для страха является, конечно, терроризм, поскольку, как говорится, «не каждый мусульманин - террорист, зато каждый террорист – мусульманин». Однако, по данным ФБР, за последние 40 лет 94 % террористических атак на территории США осуществили как раз не мусульмане. В то же время, по данным Интерпола, процент мотивированных религиозными соображениями терактов в Европе колебался в минувшие годы между 0 и 2 %. Причинами большинства терактов, как и в прошлые века, были националистическая идеология или сепаратизм. Но большинство из них не освещаются СМИ, так как не вписываются в популярный нарратив. Более того, террористические атаки, произведенные белыми людьми, обычно представляются как безумные поступки отдельных психопатов, даже если открыто и ясно декларированной мотивацией этих лиц было устрашение определенной группы, то есть, собственно, чистый терроризм. Это дополнительно искусственно создает эффект осажденной крепости. В то же время нельзя отрицать, что большинство терактов на Ближнем Востоке организовано мусульманами. Но большая часть населения в этом регионе – это мусульмане. И жертвами, как правило, становятся либо другие мусульмане, либо чужие войска. Это до крайности затрудняет выяснение, был ли данный теракт мотивирован религиозным фактором, или национальным, сепаратистским. А, может быть, его причиной была обычная, радостная резня нелюбимых соседей, к которой равным образом склонны и христиане, и буддисты. Статистические данные по другим регионам мира – Европе, обеим Америкам или Азии – также показывают, что главным мотивом

этих атак являются причины территориально-национальные, а не религиозные [См.: 2; 7].

Поляки боятся принятия мигрантов с географической точки зрения. Ислам представляется как главным образом ближневосточная религия. Но на Ближнем Востоке проживает меньшая часть мусульман мира. Свыше 62 % живут в Восточной и Юго-Восточной Азии. Ближний Восток – это только 20 %, а Африка – 15 % популяции мусульман. Судить об исламе по Ближнему Востоку, или даже Ближнему Востоку и Африке, это почти то же самое, что рассуждать о взглядах поляков, опираясь на сведения о польской диаспоре в США [7].

Большинство поляков считают, что мигранты направляются только в Европу, однако это не так. По данным агентства «Рейтер», с 2011 г. Саудовская Аравия приняла 2,5 миллиона беженцев, однако из-за особенностей международных договоров они таковыми не квалифицируются. Другие страны региона также принимают беженцев из Сирии, причем в значительно больших, чем Европа, масштабах. Турция приняла свыше 2 миллионов, Ливан и Иордания – по миллиону, Ирак – четверть миллиона, Египет и Кувейт – по 120 тысяч. В общей сложности в регионе разместились более 5 млн. беженцев. При этом Ливан, насчитывающий 4 миллиона жителей, принял у себя миллион беженцев – это как если бы Польша приняла 10 миллионов беженцев из Украины. В то же время во ВСЮ Европу прибыло около 350 тысяч беженцев.¹⁶ Население Европейского Союза, напомним, 508 миллионов человек. Ливан: 4 миллиона жителей, миллион беженцев. Турция: 77 миллионов жителей, 2 миллиона беженцев. Европа: 508 миллионов граждан, 350 тысяч беженцев. Какие-либо утверждения о том, что «Европу захлестывает волна беженцев», представляются в свете этих данных абсурдными [7].

Люди боятся и того, что большую часть беженцев составляют мужчины. Но по данным агентства «Рейтер», 50,5% беженцев из Сирии – женщины. Свыше 50 % в возрасте 17 лет или меньше. То есть этот страх не имеет под собой основы. Очередным мифом может быть

¹⁶ Автор не вполне точен в приводимых сведениях. Согласно данным Евростата, в 2015 г. в ЕС попросили убежища 362 тыс. сирийских граждан, еще 335 тыс. это сделали в 2016 г. Однако сирийцы составили лишь около четверти всех соискателей убежища в Европе. Всего в 2015 г. таковых было 1255 тыс., в 2016 г. – 1204 тыс. Большинство претендентов на статус беженца также являются выходцами из мусульманских стран – Афганистана, Ирака, Косово, Пакистана, Сомали, Эритреи и др. – *прим. перев.*

утверждение, что ислам проповедует ненависть в отношении других религий. Наоборот, он требует терпимости. Конечно, есть секты, отличающиеся крайней нетерпимостью, но и в католицизме или в каждой другой религии такие тоже есть. Им надо противодействовать, не обременяя их деяниями других. В Коране можно найти как так называемые Стихи войны, говорящие о войне с неверными (обычно в конкретно-историческом контексте, наподобие описания войн Израиля в Ветхом Завете), так и Стихи мира, требующие мирного сосуществования с неверными (обычно в более широком контексте, в духе Нового Завета) [7].

Часто можно услышать, что вместо помощи мигрантам надо помочь своему собственному народу. Поляки считают, что мигранты получают деньги, которые иначе достались бы польским семьям. А ведь если мы хотим большей помощи для бедных вокруг себя, мы должны больше помогать сами, безотносительно того, кем является человек, которому мы помогаем [6].

Также существует уверенность, что, раз мигранты могут позволить себе iPhone, то они не так уж бедны и не нуждаются в помощи. Но телефон – такая вещь, которую не только легко взять с собой, но и которая крайне необходима беженцу – контакт с близкими, оставшимися на родине или такими же беженцами для них чрезвычайно важен. Помимо того, Сирия не была бедной страной. Не была богатой – средняя зарплата в 2011 г. составляла ок. 300 долларов – но не была и бедной. А стоит сказать, что бывший в употреблении Iphone старшего поколения можно купить за 100 злотых, а это не такая высокая цена даже для небогатых людей. То есть, сирийские беженцы в целом не такие уж бедные, но как раз обладание iPhone'ами ни о чем не говорит [6].

Рассматриваемая проблема, пожалуй, как никакая другая полна огромным количеством фальшивых сообщений, фиктивных рассказов, которые появляются на различных форумах или в социальных сетях, а затем начинают жить собственной жизнью. Их необходимо опровергать, потому что иначе они, к сожалению, могут циркулировать до бесконечности [6].

350 тысяч иммигрантов – это ничто. Даже 5 или 10 миллионов – не трагедия. Но имущественное неравенство, голод, нестабильность, войны и пр. в Африке могут вызвать несравнимо большие волны беженцев и/или мигрантов в последующие десятилетия. Здесь и сейчас

мы имеем дело с гуманитарным кризисом, который должны преодолеть, НО этот кризис необходимо использовать как основу для долгосрочной стратегии для региона. Поскольку иначе будем иметь дело не с тысячами или миллионами беженцев и иммигрантов, а с миллиардом. Закрытие границ и силовые решения не помогут справиться с ситуацией – с дальним прицелом нужно заняться развитием этого региона. Тем более что проблема будет также подталкиваться климатическими изменениями, которые уже, помимо прочего, серьезно повлияли на сельское хозяйство в Сирии, осложняя положение [8].

Использование миграций как повода для этнических чисток может внушить некоторым странам, например Турции, желание воспользоваться ситуацией для принудительных перемещений политически нелояльных меньшинств, например курдов. Свойственная властям ЕС нерасторопность в этой ситуации вызывает беспокойство и требует внесения коррективов, хотя бы в форме принятия соответствующих планов управления кризисами [8].

Способность иммигрантов к интеграции внушает опасения. К примеру, в Великобритании индийская община довольно сильно обособлена (что видно хотя бы из сравнения числа браков внутри и вне общины), но это не вызывает каких-либо проблем. Точно так же польское меньшинство в Великобритании или США не всегда интегрируется, и часть поляков общается только со своими, не умея даже изъясняться по-английски [8].

Рассматриваемый вопрос наплыва беженцев и иммигрантов с Ближнего Востока – сложная тема, включающая реальные проблемы, над которыми стоит задуматься. Но чтобы заняться реальными проблемами, надо сначала вычистить массу бредней, мифов и лжи, вращающихся вокруг этой темы [2].

Везде ощущается концентрация ненависти по отношению к мусульманам, что точь-в-точь соответствует концентрации ненависти вокруг евреев в преддверии Второй мировой войны. Это плохо, печально и недостойно людей – и этому нужно противодействовать. А ведь люди должны основывать свои взгляды на фактах, а не на домыслах, услышанных «здесь и там» [1].

Неприязнь местных жителей также представляет большую проблему для сосуществования и влечет за собой последствия, дающие очередные причины для беспокойства. Как себя ведут беженцы – это

одно, но как себя ведут наши местные «патриоты» - совершенно иное [8].

Таким образом, причин для страха перед иммигрантами может быть очень много, но большинство из них преувеличены и раздуты СМИ и псевдопатриотами. Поляки – нация мало толерантная, и должны пройти долгие годы, прежде чем что-то изменится, и если изменится.

(Перевод с польского О.Ю. Михалева)

Список литературы

1. Biłas M. Czynniki wpływające na integrację imigrantów z kulturą przyjmującą / M. Biłas, R. Kobylecki // *Swojskość i obcość. O akulturacji imigrantów w Polsce* / red. H. Malewska-Peyre. – Warszawa, 2001.
2. Grzymała-Moszczyńska H. Proces akulturacji / H. Grzymała-Moszczyńska // *Integralnokulturowe badanie kontaktu kulturowego. Wybrane problemy społeczne i prawne* / red. J. Królikowska. – Warszawa, 2009.
3. Kluź A. Zmiany i stałość w tożsamości pod wpływem emigracji i pobytu w Polsce / A. Kluź // *Swojskość i obcość. O akulturacji imigrantów w Polsce* / red. H. Malewska-Peyre. – Warszawa, 2001.
4. Masłow A. Motywacja i osobowość / A. Masłow. – Warszawa, 2006.
5. Struś K. O stereotypach etnicznych. Czy są konieczne, pomagają czy przeszkadzają w funkcjonowaniu w obcej kulturze / K. Struś, J. Więckowska // *Swojskość i obcość. O akulturacji imigrantów w Polsce* / red. H. Malewska-Peyre. – Warszawa, 2001.
6. Transformacja nieoczywista. Polska jako kraj migracji / red. A. Górny, I. Grabowska-Lusińska, M. Lesińska, M. Okólski. – Warszawa, 2010.
7. Uchodźcy, imigranci i cała rzeka mitów // CafeRoyal.pl. – 2015. – 13.09. [Electronic resource]. – URL: <http://caferoyal.pl/uchodzcy-imigrancji-i-cala-rzeka-mitow/> (accessed date: 30.01.2016).
8. Wanat E. Polacy boją się uchodźców, reszta Europy też / E. Wanat // Medium#publiczne.pl. – 2015. – 23.10. [Electronic resource]. – URL: <http://mediumpubliczne.pl/2015/10/polacy-boja-sie-uchodzcow-reszta-europy-tez/> (accessed date: 30.01.2016).

ТРУДНАЯ «ЕВРОПЕИЗАЦИЯ» БОЛГАРИИ¹⁷

Валева Елена Любомировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института славяноведения РАН

e-mail: el.valeva@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор предпринимает попытку обобщить опыт десятилетнего членства Болгарии в Европейском союзе, выявить его плюсы и минусы, проанализировать проблемы, вызовы и перспективы, связанные с членством в ЕС, и определить вектор внешнеполитического развития страны на ближайшее будущее.

Ключевые слова: Болгария, Европейский союз, еврооптимизм, евроскептицизм, Б. Борисов.

DIFFICULT EUROPEANIZATION OF BULGARIA

Valeva Elena

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

e-mail: el.valeva@yandex.ru

Summary. In this article the author makes an attempt to generalize the experience of Bulgaria's ten-year membership in the European Union, to identify its pros and cons, and to determine the vector of the country's foreign policy development for the near future.

Key words: Bulgaria, the European Union, Eurooptimism, Euroscepticism, B. Borisov.

Десять лет членства Болгарии в Европейском союзе сегодня уже дают возможность подвести первые итоги, показать, как болгары оценивают плюсы и минусы от членства в ЕС, с какими внешне- и внутриполитическими вызовами стране пришлось столкнуться. Вступление в Евросоюз (1 января 2007 г.) долгие годы было мечтой и целью миллионов болгар. Надежды и ожидания всех – и политиков, и рядовых граждан – были исключительно велики и однонаправлены: ускоренная модернизация и социальное процветание. Ожидалось, что, сообразуясь с принци-

¹⁷ Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

пами и стандартами ЕС и при его поддержке, Болгария сделает заметный шаг вперед в своем развитии. Откроются новые рабочие места, вырастут доходы, повысится качество жизни, улучшится здравоохранение, будут соблюдаться принятые в ЕС нормы условий труда, будет создана современная эффективная система социальной защиты и т.д.

Со вступлением в Европейский союз болгары постепенно осознали, что они самые бедные в этой организации, и эйфория начала перерастать в недовольство. Социальные аспекты интеграционного процесса и адаптации к стандартам ЕС вызвали в Болгарии большие протесты, поскольку процесс присоединения прошел без внимания к особенностям страны, без учета реальных экономических и социально-культурных проблем и потребностей. Поэтому, несмотря на полученные новые возможности (в том числе и финансовые) для ускорения социально-экономического развития, реальность оказалась отличной от массовых ожиданий, точнее сверхожиданий, которые долгие годы сознательно поддерживались болгарскими политиками [5, с.96-109].

Сравнение жизненного уровня болгарского населения с уровнем жизни в других странах – членах Евросоюза по сей день остается не в пользу Болгарии. Серьезные вызовы для страны во внутривнутриполитическом аспекте представляют отсутствие прогресса в борьбе с коррупцией и трудно поддающаяся реформе судебная система, низкий жизненный стандарт и бедность, старение и сокращение трудоспособного населения из-за массовой эмиграции молодежи и низкой рождаемости среди болгар. Проблемы в отношениях с ЕС возникают и в связи с освоением средств из европейских фондов.

Болгарии никак не удастся избавиться от штампа «второсортного члена Евросоюза». До сих пор она остается под мониторингом Европейской комиссии (так наз. Механизм для сотрудничества и проверки предполагает опубликование раз в год доклада об успехах страны в области правосудия, борьбы с коррупцией и организованной преступностью), вне еврозоны и вне Шенгенского пространства. При этих данностях Болгарии предстоит принять с начала 2018 г. председательство в Совете ЕС на шесть месяцев. Тем не менее, согласно регулярно проводимым Национальным центром изучения общественного мнения социологическим опросам, болгарское общество продолжает оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС, хотя в последние годы явно нарастает число евроскептиков, и болгары уже не ожидают быстрого повышения жизненного статуса благодаря ЕС.

При этом как болгарские, так и зарубежные исследователи подметили любопытный феномен: взгляд на Болгарию со стороны более позитивен, чем взгляд изнутри. Последний нередко преломляется через призму политических пристрастий, испытывает влияние повседневных проблем и отражает характерный для болгарина пессимизм, сформированный, по-видимому, превратностями истории. Болгары убеждены, что представление об их стране «в Европе» сугубо отрицательно, что она – «черная овца» в ЕС. Видят ли европейцы ситуацию в Болгарии в розовом цвете или же болгары страдают от неуместного негативизма? Сегодня, уже будучи частью крупнейшего в мире экономического и политического союза, болгары сравнивают себя с другими его членами, и, прежде всего, с самыми развитыми странами ЕС. Это сравнение делает их несчастными и вынуждает многих эмигрировать. Однако, как пишет бельгийский исследователь Раймон Детрез в своей статье с характерным названием «Болгария в ЕС – „черная овца“ или „троянский конь“ ЕС?», возможно, дела в Болгарии не столь хороши, как думают иностранцы, но и не так уж плохи, как полагают сами болгары [3, с.161].

Некоторые болгарские экономисты и социологи отмечают и такой парадокс: несмотря на то, что ряд социально-политических процессов после присоединения Болгарии к ЕС демонстрирует благоприятные тенденции, общественное мнение, тем не менее, остается исключительно критичным по отношению к власти и к результатам тех мер, которые она предпринимает. Иными словами, чем больших успехов достигает Болгария согласно объективным экономическим показателям, тем большим пессимистом становится болгарин. Помимо психологического фактора, это объясняется тем, что оценка гражданами политиков опережает во времени результаты их деятельности и испытывает влияние предварительных ожиданий и прогнозов [18, с.121-122]. В отличие от экспертной, оценка граждан формируется под воздействием иррациональных факторов, путем смещения ожиданий, предубеждений, влияния публичного пространства. Объективные факты и тенденции имеют, конечно, значение, но их оценка преломляется в свете вышеназванных факторов. К примеру, оценка болгарскими гражданами результатов политики доходов исключительно низка. Преобладающая их часть оценивает свое социальное и финансовое положение как среднее, но при этом более 70% считают, что их зарплата недостаточна для нормальной жизни. Данные показывают,

что граждане вообще не улавливают благоприятные тенденции роста доходов, которые экспертные оценки в состоянии доказать [18, с.136-137].

Согласно результатам исследования европейской статистической службы Евростат, Болгария находится среди самых бедных стран в Европейском союзе. Несмотря на то, что одной из целей Союза провозглашалось уменьшение неравенства между его членами, годы членства Болгарии в ЕС не привели к существенному уменьшению бедности болгарских граждан в денежном выражении. Так, относительная доля живущих за порогом бедности в Болгарии последние 7-8 лет остается практически неизменной – 21-22%. Для сравнения: бедных в среднем по ЕС на пять процентов меньше – 16-17%. В прямой связи с вопросом о доле бедных находится степень неравенства в обществе. Соотношение между доходами 20% самых богатых граждан и 20% самых бедных в Болгарии в 2017 г. равнялось 7 в то время, как в среднем в странах Евросоюза это соотношение составляло 5 [7]. Зарплаты в Болгарии остаются самыми низкими в ЕС. К 1 января 2017 г. размер минимальной заработной платы равнялся 235 евро, что на 109% больше по сравнению с 1 января 2008 г., когда он был 112 евро. Для сравнения, размер минимальной заработной платы в Люксембурге составляет 1999 евро, что приблизительно в 9 раз больше, чем в Болгарии [11].

Евроскептики, фокусирующиеся на негативных сторонах экономической и политической жизни, утверждают, что Болгария больше теряет от членства в ЕС, чем выигрывает. Со времени вступления в ЕС до конца 2013 г. Болгария получила 4,3 млрд евро, а внесла в бюджет ЕС около половины этой суммы [6]. Сегодня ЕС – крупнейший иностранный инвестор в Болгарии. Например, в 2016 г. страна получила 370 млн левов для популяризации культурных достопримечательностей и развития инфраструктуры в 39 крупнейших городах (по Оперативной программе «Региональное развитие»). Один из недавних примеров: 10 млн евро поступили из Брюсселя по программе «Развитие сельских районов» для скорейшего восстановления местной инфраструктуры после страшной катастрофы в декабре 2016 г. – взрыва цистерн с газом в селе Хитрино. К сожалению, Болгария осваивает лишь около половины евросредств. По некоторым данным, из безвозмездных денег по программам Болгария освоила всего 33% от общего бюджета до 2020 г. [7]. Задача состоит не в том, чтобы ЕС да-

вал больше (как этого требуют политики-популисты), а в том, чтобы Болгария более эффективно использовала эти деньги.

По мнению Сергея Станишева, бывшего премьер-министра и лидера БСП, а ныне евродепутата и председателя Партии европейских социалистов (ПЕС), 10 лет членства в ЕС показали, что плюсы от него для Болгарии во многом перевешивают минусы. Это не только 10 млрд. евро, поступившие в страну через еврофонды, но и десятки миллиардов левов иностранных инвестиций в экономику, особенно в период до 2009 г., которые создают рабочие места и новую промышленность. Станишев подчеркнул, что благодаря членству в ЕС Болгария стала серьезным фактором в производстве авточастей и IT технологий. При поддержке европейских фондов в стране стартовали проекты строительства 300 км магистралей, 26 станций метро, инновационная экосистема «София Техпарк», а также сотни проектов в поддержку малых и средних предприятий. В то же время Станишев подчеркнул, что Европа предоставляет возможности, но если Болгария не будет их эффективно использовать, то окажется в хвосте [17]. Так, в феврале 2017 г. из-за многочисленных нарушений опять были заморожены европейские средства на образование и науку в Болгарии по Оперативной программе «Наука и образование».

Однако было бы некорректно сводить пользу от вступления в ЕС лишь к денежным показателям. Опрос Евробарометра, проведенный в конце 2016 г., констатирует, что самым ценным европейским правом для болгар по-прежнему остается право на свободу передвижения, работу и жизнь в странах Европейского союза. 87% одобряют эту европейскую политику, а сразу после нее по степени одобрения следует политика обороны и безопасности (72%). Неизменной остается и склонность болгар больше доверять европейским институтам власти, чем национальным. ЕС доверяют 49% анкетированных [16]. Но далее выявляется разочарование: если 55 % болгар выражают положительное отношение к ЕС, то лишь 34 % считают, что членство принесло пользу стране и всего 15 % указывают, что выиграли от этого лично они.

Серьезные аналитики отмечают следующую проблему: популистский антиевропейский дискурс мешает честному разговору о пользе и недостатках ЕС, которые действительно имеют место. Именно европессимисты (прежде всего, флагман болгарского популизма, лидер партии «Болгария без цензуры» Н. Бареков) особенно широко

распространяют популистский стереотип о ЕС как огромном банкомате. Он импонирует, прежде всего, представителям проигравшего от постсоциалистического переходного периода поколения. Это люди, которые не в состоянии оценить возможностей свободы передвижения, открытых трудовых рынков и международных контактов, поскольку не имеют ни квалификации, ни необходимости и средств для их использования. Это так называемые работающие бедные, из малых городов, со средним образованием. Они реально ничего не получили от членства Болгарии в ЕС и предпочитают быть на сносном уровне среди середнячков, а не бедными в «клубе богатых».

Евроскептицизм, вернее, недовольство части политиков и населения, вызывает вмешательство ЕС в энергетическую политику Болгарии. На Козлодуйской АЭС закрыли 4 из 6 блоков еще в 2004 и 2007 гг. по настоянию ЕС, который счел их опасными. Однако те, кто говорит о понесенных Болгарией убытках, умалчивают о том, что страна получила и продолжает получать от ЕС значительную сумму в качестве компенсации. В марте 2012 г. кабинет Б. Борисова остановил строительство новой АЭС в Белене, в связи с чем Болгарии предстоит выплачивать России неустойку в размере 601 миллионов евро, что составляет 1,3% ВВП страны [7]. В 2014 г. правительство П. Орешарского остановило проект газопровода «Южный поток». Как лояльный член ЕС Болгария присоединилась к санкциям против России. Понятно, что они весьма болезненно отражаются на болгарской экономике, в которой торговля с Россией занимает значительное место. Это также усиливает евроскептицизм.

Деление болгар на еврооптимистов и европессимистов напрямую связано с реминисценцией традиционного деления болгарского общества на «русофилов» и «русофобов», которое в последнее время проявляется все сильнее. Несмотря на доминирующую проевропейскую ориентацию, политическая элита остается разделенной в своем отношении к России. По причине традиционных русофильских настроений среди населения, стабильно поддерживающегося в Болгарии мифа о славянском братстве, экономических связей болгарской бизнес-элиты с Россией, а также в связи с нынешним кризисом в ЕС в последние годы пророссийская риторика становится все более популярной в болгарском обществе. Неслучайно, в публичных дебатах вспомнили девиз внешней политики царя Бориса III «Всегда с Германией, никогда против России» (1942 год), который его сын и бывший

премьер-министр Симеон Саксен-Кобург-Готский перефразировал по-своему: «Всегда с Европой, никогда против России» (2015 год).

Теоретически, политические партии в Болгарии охватывают весь спектр идеологической партийной системы. На самом деле, идеологические различия не столь велики, так как большинство политических партий, за исключением крайних националистов и популистов, разделяют идеи парламентской демократии, рыночной экономики и евроатлантической интеграции. Однако по ряду важнейших вопросов партии имеют различные позиции, например: социальная или либеральная экономическая политика, «русофильство» или «русофобство». Но, несмотря на эти различия, конфликты между болгарскими политическими партиями часто носят скорее личностный, чем идеологический характер.

Кто же хочет выхода Болгарии из Евросоюза и много ли их? Больше всего людей, которые бы хотели выхода Болгарии из ЕС, - среди социалистов и националистов. Но и в этих партиях число тех, кто поддерживает членство в ЕС, почти вдвое больше тех, кто против Евросоюза. Сравнение с остальными странами-членами Евросоюза показывает, что болгарские граждане в числе тех, кто имеет наиболее высокое доверие к ЕС. Публичный образ ЕС в Болгарии значительно более позитивен в сравнении со средними по ЕС показателями, а негативные восприятия выражены в наименьшей степени.

Что касается Евразийского союза, то, согласно данным опроса, проведенного в конце апреля 2016 г., за Евразийский союз выступают приверженцы ультранационалистической партии «Атака» (38%), Болгарской социалистической партии - БСП (34%), отколовшейся от нее партии АБВ (34%), Реформаторского блока (15%) [4]. То есть даже там, где имеется больше всего его сторонников, идея Евразийского союза не поддерживается большинством. Социологи утверждают, что болгары по-прежнему хорошо относятся к России, но не верят, что она может быть их моделью развития – в отличие от ЕС.

Большинство болгар (61%) не одобряют антироссийских санкций, несмотря на то, что внешняя политика Болгарии в отношении украинского конфликта оценивается положительно - 74% считают, что Болгария проводит умеренную и сбалансированную политику. Несмотря на сдержанное отношение к участию в военных союзах, почти половина болгар (44%) поддерживает членство страны в НАТО (опрос «Альфа Рисарч» весной 2015 г.).

Тем не менее, социологи отмечают зарождение и усиление когерентного антиевропейского блока. Националисты, популисты, значительная часть политической и экономической элиты, связанной с Москвой, успешно эксплуатируют разочарование болгар в ЕС. Основной чертой политической жизни Болгарии в последние десятилетия является неудовлетворенность населения политической элитой и готовность голосовать за те силы, которые в большей степени ассоциируются с переменами. В этих условиях в Болгарии, как и в ряде других европейских стран, популизм переживает восход в качестве политического дискурса с появлением новых партий и лидеров с сильными социальными и национальными популистскими посланиями, что показали и последние парламентские выборы в марте 2017 г.

Реформаторский блок и партия «Атака» образуют два крайних крыла в болгарском политическом пространстве – «русофобов» (первый) и «русофилов» (вторая). Между ними – партии, которые открыто не демонстрируют свои антироссийские настроения. Хотя некоторые из них выступают против санкций ЕС в отношении России, но в то же время они поддерживают НАТО и американские базы в Болгарии. В эту группу входят партии Граждане за европейское развитие Болгарии (ГЕРБ), партия болгарских мусульман Движение за права и свободы (ДПС), Болгарская социалистическая партия (БСП), Патриотический фронт, отколовшаяся от БСП партия АБВ. Однако в поведении этих партий заметны нюансы. Так, ГЕРБ и ДПС постоянно подчеркивают свою верность евроатлантизму, но при этом избегают антироссийской риторики. Ближе к «русофилам» позиционируются БСП и АБВ. Они осуждают антироссийские санкции, демонстрируют «русофильство», но сохраняют свою приверженность ЕС и НАТО. При этом важно иметь в виду следующее. Если говорить об электорате, то у значительной его части налицо сочетание позитивного отношения и к ЕС, и к России. Однако с обострением международной обстановки возникла тенденция к радикализации политических взглядов [13, с.69-70].

Прошедшие осенью 2016 г. последние президентские выборы также оказались связаны с вопросом о еврооптимизме и евроскептицизме. 13 ноября во втором туре победил выдвинутый БСП (но формально не от этой партии) бывший глава ВВС Болгарии, генерал-майор в отставке Румен Радев (59% голосов), вступивший на новый пост 22 января 2017 г. В некоторых российских СМИ результаты президентских выборов в Болгарии были восприняты как победа пророс-

сийского евроскептика (Радев выступает за снятие санкций с России и возвращение болгарской продукции на российский рынок) и желание болгар выйти из ЕС. Однако, как показало время, Радев занял сбалансированную позицию, основанную на нынешней евроатлантической ориентации страны, но с новым акцентом на соблюдении национальных интересов Болгарии.

В одном из своих последних интервью накануне вступления в должность, на вопрос французской газеты «Монд», что изменится в отношениях Софии с ЕС и НАТО, Радев отметил, что Болгария избрала стабильный и долговечный путь проевропейского развития и не собирается от него отклоняться. Она также хочет утвердиться как надежный партнер НАТО. Это, однако, не означает, что Болгария должна быть врагом России, с которой ее связывают значительные экономические интересы [15]. Проевропейская политика не означает «антироссийской политики».

Как бы в подтверждение своей позиции, свой первый официальный визит за границу Радев нанес в конце января 2017 г. в Брюссель – сердце ЕС и НАТО. В ходе встреч в штаб-квартирах этих организаций была засвидетельствована непоколебимая и последовательная европейская и евроатлантическая ориентация Болгарии, а также ее солидарность в борьбе с международным терроризмом. Но в то же время Радев подчеркнул, что наращивание оборонного и сдерживающего потенциала НАТО должно идти рука об руку с углублением диалога с Россией – с целью избежать конфронтации и отсутствия взаимопонимания [20].

Новый президент вступил в должность в трудный момент с возложенными на него огромными ожиданиями, хотя в Болгарии парламентская форма правления, так что роль президента в государственно-политической системе и во внешней политике не столь велика. Однако главное послание Р. Радева – необходимость Болгарии сосредоточиться на решении собственных национальных вопросов, исходя из их внутренней логики, а не обязательств перед внешними партнерами – вызывает безусловное одобрение большинства болгарского населения [2].

В начале 2017 г. к волнениям из-за смены власти добавились еще и опасения, вызванные докладом Еврокомиссии о реформах, проведенных в Болгарии за последние 10 лет. Главный вывод документа: коренных изменений в борьбе с коррупцией в высших эшелонах вла-

сти не произошло, серьезной проблемой остается коррупция и на более низких уровнях государственной администрации. Как и во всех предыдущих докладах ЕК, вновь обращено внимание на проблемы теневой экономики и недекларированного труда, недостатки системы правосудия, тормозящие приток иностранных инвестиций в страну. Отмечено, что доходы самой богатой части населения в 7 раз выше доходов самых бедных слоев. Вновь указано на проблему старения населения и массовой эмиграции (14% болгар живут за пределами родины) [7]. Еврокомиссия направила Болгарии 17 рекомендаций, которые надлежит выполнить до начала ее ротационного председательства в ЕС. От болгарского правительства ожидается разработка национальной программы реформ, согласованной с местными органами власти и социальными партнерами.

Из доклада становится ясно, что прошлогодние рекомендации ЕК почти не выполнены. Поэтому отмены мониторинга в скором времени не произойдет, а значит, Болгария будет председательствовать в ЕС в первой половине 2018 года в качестве наблюдаемого государства – беспрецедентный случай в истории ЕС. Правда, по словам первого заместителя председателя ЕК Ф. Тиммерманса, это не должно представлять проблему, поскольку мониторинг - это система не для наказания, а для сотрудничества с государствами ЕС. Кстати, согласно исследованию Евробарометра, 72% болгар предпочитают, чтобы мониторинг Еврокомиссии продолжался, поскольку так же как и Еврокомиссия считают, что у Болгарии имеются серьезные проблемы с коррупцией, организованной преступностью и недостатки в судебной системе [9].

Еще в ходе президентской избирательной кампании премьер-министр Б. Борисов пообещал уйти в отставку, если кандидат его партии проиграет выборы, давая тем самым понять, что речь идет исключительно о праве ГЕРБ контролировать политическую жизнь страны. Оставаясь верным своим предвыборным обещаниям, 14 ноября 2016 г. Борисов объявил об отставке своего кабинета. Возник парламентский кризис, встал вопрос о досрочных парламентских выборах. В январе 2017 г. президент Радев подписал указ о роспуске Народного собрания 27 января и дате проведения досрочных парламентских выборов 26 марта 2017 г. (они должны были состояться в 2018 г.).

Для участия в выборах весной 2017 г. зарегистрировались 18 партий и 9 коалиций. В левом политическом пространстве появилось

«АБВ - Движение 21», названное по именам двух отколовшихся от БСП формирований. Сама же БСП создала новую коалицию под названием «БСП за Болгарию». Что касается правого политического пространства, то в нем Реформаторский блок приступил к выборам в сокращенном составе после того, как его покинули «Демократы за сильную Болгарию». Три националистические партии - Национальный фронт за спасение Болгарии, ВМРО - Болгарское национальное движение и партия «Атака» образовали новую националистическую коалицию «Объединенные патриоты» (ОП), придерживающуюся националистических и антимусульманских взглядов, жесткой анти-иммигрантской риторики.

Во время предвыборной кампании проявилась высокая степень поляризации общественного мнения. Согласно опросу Gallup International, оценка управления ГЕРБ на протяжении двух незавершенных мандатов оказалась полярной. 35 % отмечали прогресс в развитии Болгарии, однако ровно столько же избирателей придерживалось противоположного мнения [2].

Результаты национального исследования общественного мнения в Болгарии показали, что всего четыре института пользуются доверием свыше 50% населения – ЕС, православная церковь, армия и университеты. Партии, которым предстояло принять участие в досрочных парламентских выборах, находились на дне рейтинга – у них оказалось всего 17% доверия. 76% категорически утверждали, что не имеют никакого доверия к политикам [12].

В целом ход предвыборной кампании показал, что партии понимают истинный смысл общественных стремлений, и не случайно все они обещали решение проблем, связанных с низкими доходами, коррупцией, преступностью, эмиграцией и верховенством закона. Однако они делали это без готовности признать свою собственную ответственность за эти проблемы и с подчеркнутой склонностью обвинять в них других.

Третьи подряд досрочные парламентские выборы в Болгарии прошли под знаком желания радикальных перемен. Однако, как это часто бывает, одного желания оказалось недостаточно. То, что на первый взгляд выглядело как слабость Борисова – уход в отставку посреди мандата без реальной на то необходимости – стало для него спасительным ходом, полагает болгарский историк И. Баева [1]. Он осуществил «перезагрузку» своей власти именно в тот момент, когда

начал терять симпатии населения. Подав в отставку досрочно во второй раз, он во второй раз после этого выиграл. И надежда на радикальные перемены (прежде всего левого электората) растаяла. Впрочем, надежда на обещанное лидером БСП Корнелией Ниновой уничтожение «параллельного государства коррупции и мафии» с самого начала выглядела явной утопией для болгарских реальностей 2017 г., большая «заслуга» в складывании которых принадлежит и самой БСП, причем как в качестве правящей партии, так и в качестве оппозиции [1].

Начало предвыборной кампании характеризовалось сильным стартом БСП с акцентом на социальные послания, обещание укрепления связей с Россией, резкой критикой предыдущего правительства и его проевропейского курса. Однако именно это, видимо, усилило опасения значительной части болгарских граждан, что может произойти ревизия основных внутри- и внешнеполитических принципов, гарантирующих членство в Евросоюзе. В результате позиции БСП несколько ослабли, а ГЕРБ, наоборот, укрепились.

По итогам выборов 26 марта 2017 г. партия ГЕРБ одержала очередную победу, набрав 32,66% голосов. Ее основной оппонент БСП получила 27,19%. Также в болгарский парламент прошли националистическая коалиция «Объединенные патриоты» (чуть больше 9%), Движение за права и свободы (8,99%) и новая популистская партия бизнесмена В. Марешки «Воля» (4,15%), имеющая неясный политический профиль. Расколовшийся прозападный Реформаторский блок не сумел преодолеть 4% барьера и не получил в Народном собрании ни одного мандата. Всего в выборах приняло участие 54% имеющих право голоса болгар, что говорит о нормальной избирательной активности [8].

Таким образом, в Народном собрании 44-го созыва из 240 мандатов ГЕРБ имеет 95, «БСП за Болгарию» – 80, «Объединенные патриоты» – 27, ДПС – 26, а «Воля» – 12. В результате выборов ГЕРБ в очередной раз легитимировалась как крупнейшая правая партия в Болгарии, а БСП вернула себе монополию над левым электоратом. Ей не удалось победить ГЕРБ, но теперь она оказалась в выгодном положении сильной оппозиции. Выборы подтвердили восход национализма в Болгарии, как и во многих странах Европы, превратив «Объединенных патриотов» в третью политическую силу. Но поскольку ОП объединяют как проевропейских, так и пророссийских национали-

стов, это разнородная и несплоченная сила. К тому же амбициозные лидеры в этом партийном блоке находятся в весьма сложных личных взаимоотношениях (сопредседатели - Красимир Каракачанов, Волен Сидеров, Валери Симеонов). Все это чревато будущими расколами в данной парламентской фракции.

Поскольку ГЕРБ не удалось добиться абсолютного большинства в парламенте, Б. Борисов возглавил переговоры о составлении коалиционного правительства. Однако в свете внутри- и внешнеполитических вызовов это скорее вопрос политического торга, а не новой перспективы развития. Гипотетическая вероятность образования «большой коалиции» между ГЕРБ и БСП была исключена априори, поскольку позиции БСП представляют собой полную общественную альтернативу модели ГЕРБ. Различия между этими двумя партиями имеются не только по вопросам внешней политики, но и внутривнутриполитического развития. От блока с протурецкой ДПС отказался сам Б. Борисов. Таким образом, единственным возможным сценарием осталась коалиция ГЕРБ с «Объединенными патриотами». Других вариантов в той ситуации, которая сложилась на болгарской политической сцене в результате выборов, просто не существовало.

По сути, основной причиной стремления политической элиты к компромиссу является предстоящее председательство Болгарии в Совете Европейского союза. И еще один момент: никто в настоящее время не хочет новых досрочных парламентских выборов. Все это говорит о том, что избранному Народному собранию 44-го созыва предстоят и трудный политический диалог, и политическое противостояние.

После раунда переговоров, в ходе которых и ГЕРБ, и ОП пришлось пойти на компромиссы и взаимные уступки, 13 апреля 2017 г. их лидеры обнародовали общую стратегическую программу коалиционного кабинета - «Приоритеты управления (2017 - 2021 гг.)» [19]. Она не предусматривает никаких резких поворотов в проводившейся до сих пор предыдущим правительством внутренней и внешней политике. Важнейшие приоритеты в программе - присоединение Болгарии к Шенгену, сохранение валютного совета вплоть до присоединения страны к Единому банковскому союзу и еврозоне (болгарская национальная валюта имеет фиксированный обменный курс с евро в соотношении 2:1), повышение минимальной и средней заработной платы и пенсий.

В области внешней политики предусматривается «неуклонное следование по пути евроатлантической интеграции». При этом отмечается, что ее значение возрастает на фоне усилившегося влияния третьих стран в регионе Черного моря и Балкан. Это обстоятельство вызывает необходимость углубления сотрудничества между НАТО и ЕС [19].

При этом необходимо отметить, что, подчеркивая неизменность внешнеполитического курса Болгарии, руководство страны обеспокоено обозначившимися планами крупнейших стран Евросоюза спасти его от распада с помощью концепции «Европы двух скоростей», то есть формирования центра и периферии. Так, на встрече лидеров ЕС в Брюсселе в середине марта 2017 г. президент Р. Радев четко обозначил болгарскую позицию в поддержку основополагающих ценностей ЕС - единства и солидарности, и резко выступил против сценария «Европы двух скоростей», заявив: «Налицо тенденция трансформации ЕС из союза принципов и ценностей в союз, где начнут сводить счета и торговаться» [14].

Парламентские выборы 2017 г. и последние социологические опросы показали, что общество в Болгарии сегодня разделено на приблизительно равные части относительно видения дальнейшего пути развития страны. Евроскептицизм среди населения нарастает, но при этом исполнительную власть в стране пока прочно удерживают представители проевропейских сил. Как свидетельствуют выступления лидеров парламентских фракций при открытии Народного собрания 44 созыва 19 апреля 2017 г., европейский вектор развития получил поддержку во всех фракциях [10]. Ведь одно дело – предвыборные обещания и совсем другое – конкретные идеи, которые могут объединить пять политических сил, представленных в столь разнородном по составу Народном собрании. Пока такими идеями и приоритетами выступают предстоящее председательство Болгарии в Совете ЕС, национальная безопасность, экономическая стабильность и повышение доходов граждан.

Сегодняшняя Болгария вписывается в общеевропейский и мировой процесс, который демонстрирует кризис традиционной парламентской демократии в условиях усиленной глобализации. В то же время все более очевидной становится зависимость происходящего в Болгарии от геополитических и глобальных процессов, на которые болгарам трудно влиять в желаемом для них направлении.

Литература:

1. Баева И. Приказката за промяната свърши / И. Баева // Труд (София). – 2017. – 30.03.
2. «Галъп интернешънъл»: Висока оценка дават българите // БНР Портал. – 2017. – 02.02. [Електронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/post/100791581/galap-visoka-ocenka> (дата обращения: 10.02.2017).
3. Детрез Р. България в ЕС – „черната овца“ или „троянският кон“ на ЕС? / Р. Детрез // Балканите през второто десетилетие на XXI век: Проблеми, предизвикателства, перспективи [Съст. Александър Костов]. – София: Парадигма, 2015.
4. Димитрова Б. Европейски или Евразийски съюз – какво избираме? / Б. Димитрова // Дневник. – 2014. – 12.05. [Електронный ресурс]. – URL: http://www.dnevnik.bg/bulgaria/2014/05/12/2297233_evropeiski_ili_evraziiski_sujuz (дата обращения: 18.05.2014).
5. Евроинтеграция Болгарии: ожидания и реальность // Между Москвой и Брюсселем. – М.: Институт славяноведения, 2016. – 336 с.
6. Капитал. – 2014. – 26-30.04.
7. Миладинов Н. България остава сред 12-те страни от ЕС, които подлежат на специален мониторинг / Н. Миладинов // БНР Портал. – 2017. – 22.02. [Електронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/post/100799787/bulgaria-ostava-sred-12-te-darjavi-ot-es> (дата обращения: 25.02.2017).
8. Окончателно от ЦИК: ГЕРБ - 95 депутати, БСП - 80, ОП - 27 // Днес. – 2017. – 30.03. [Електронный ресурс]. – URL: <http://dnes.dir.bg/news/bsp-gerb-deputati-predsrochni-izbori-2017-25532258?nt=9> (дата обращения: 30.03.2017).
9. Павлов Ст. Будет ли България председательствовать в ЕС в качестве наблюдаемого государства? / Ст. Павлов // БНР Портал. – 2017. – 29.01. [Електронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/ru/post/100789515> (дата обращения: 30.01.2017).
10. Парламентские силы объявили свои приоритеты в Народном собрании 44-го созыва // БНР Портал. – 2017. – 19.04. [Електронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/ru/post/100821414/parlamentskie-sili-obaavili-svoi-prioriteti-v-narodnom-sobranii-44-soziva> (дата обращения: 20.04.2017).
11. Пискова А. Евростат: Минималната заплата в България расте най-бързо, но остава най-ниската в ЕС / А. Пискова // БНР Портал. – 2017. – 10.02. [Електронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/euranetplus/post/100795127/evrostat-bulgaria-e-na-posledno-mastov-es-po-minimalna-rabotna-zaplata> (дата обращения: 12.02.2017).

12. Повысят ли выборы кредитный рейтинг? // БНР Портал. – 2017. – 07.03. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/ru/post/100804554> (дата обращения: 11.03.2017).

13. Проданов В. България като фронтова държава в новата студена война между Русия и САЩ / В. Проданов // Ново време. – 2016. – № 7-8.

14. Радев: От съюз на принципи и ценности ЕС се трансформира в съюз на сметки и пазарлък // Mediapool.bg. – 2017. – 09.03. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mediapool.bg/radev-ot-sayuz-na-printsipi-i-tsennosti-es-se-transformira-v-sayuz-na-smetki-i-pazarlak-news261114.html> (дата обращения: 14.03.2017).

15. Румен Радев пред «Монд» // БНР Портал. – 2016. – 14.12. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/post/100772316/rumen-radev-pred-mond> (дата обращения: 18.12.2016).

16. Самое ценное европейское право для болгар – свобода передвижения // БНР Портал. – 2017. – 09.03. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/ru/post/100805624> (дата обращения: 18.03.2017).

17. Станишев С. Европа дава възможности / С. Станишев // БНР Портал. – 2017. – 08.01. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/post/100780724> (дата обращения: 15.01.2017).

18. Томова Т. Три години след пълноправното членство: защо оценката на граждани за политиките е по-ниска от експертните оценки за тях / Т. Томова // България в Европейския съюз: социални предизвикателства. – София, 2009.

19. Управленската програма на ГЕРБ и «Обединени патриоти» (2017-2021) // Дневник. – 2017. – 13.04. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dnevnik.bg/politika/2017/04/13/2953029_upravlenskata_programa_na_gerb (дата обращения: 14.04.2017).

20. Ценов А. Президент Румен Радев успокоил Брюссел / А. Ценов // БНР Портал. – 2017. – 01.02. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bnr.bg/ru/post/100790843> (дата обращения: 11.02.2017).

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ СДВИГ ВПРАВО В ПОЛЬШЕ В 2015 г.¹⁸

Майорова Ольга Николаевна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН
e-mail: maiorova-olga@list.ru*

Аннотация. В статье анализируются причины сокрушительного поражения право-либеральной партии «Гражданская платформа» на парламентских выборах в Польше в 2015 г. и факторы, определившие поворот страны вправо в связи с победой оппозиционной консервативной партии «Право и справедливость» и ее кандидата на президентских выборах – А. Дуды.

Ключевые слова: Польша, президентские выборы, парламентские выборы, предвыборная кампания, электорат.

FACTORS THAT DETERMINED THE TURN TO THE RIGHT IN POLAND IN 2015

Majorova Olga

*Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
e-mail: maiorova-olga@list.ru*

Summary. The article deals with the reasons of the defeat of the right-liberal party Civil Platform at the parliamentary elections in Poland in 2015 and analyses the factors of the turn to the right in the country as the result of the victory of the opposition conservative party Law and Justice and its candidate Andzej Duda at the presidential elections.

Key words: Poland, presidential elections, parliamentary elections, electorate.

Для современной политической жизни в Польше характерна чрезвычайно высокая степень разобщенности польского общества. Такое положение наблюдается, по крайней мере, с 2005 г., когда стало ясно, что не посткоммунисты (в лице социал-демократов) и их противники (в лице правых партий) были главными противостоящими сторонами, а

¹⁸ Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

две правые партии – «Гражданская платформа» (ГП) и «Право и справедливость» (ПиС). В 2005 г. ГП, проиграв и парламентские и президентские выборы, оказалась в оппозиции, и началась ожесточенная борьба между партиями, в программах которых было немало общего. ПиС в коалиции с популистскими партиями «Самооборона» и «Лига польских семей» находилась у власти недолго (до августа 2007 г.), когда на досрочных парламентских выборах победила ГП и главой правительства стал ее лидер Дональд Туск.

Противостояние президента Л. Качиньского (ПиС) и премьера Д. Туска (ГП) было предвестником обострения «польско-польской войны», которая в полной мере разразилась в стране после трагической гибели Л. Качиньского и неудачи его брата Ярослава на президентских выборах 2010 г., который проиграл кандидату ГП Б. Коморовскому. В условиях обостренной борьбы в 2011 г. прошли очередные парламентские выборы, и ГП вновь одержала уверенную победу. Впервые в истории Польши после 1989 г. правящая партия сумела победить дважды подряд, а ее глава дважды возглавить правительство [7, с.203-206]. В августе 2014 г. Дональд Туск был избран на пост председателя Европейского совета, новым премьер-министром Польши стала Эва Копач. Позиции ее правительства были достаточно сложны: рейтинги ГП уступали популярности партии Качиньского.

В такой непростой обстановке проходили президентские выборы в Польше в 2015 г. Их итоги стали сенсацией. В первом туре, состоявшемся 10 мая, ни один из 11 кандидатов не набрал и половины голосов. Вопреки опросам и предсказаниям политологов на первом месте оказался кандидат оппозиционной партии «Право и справедливость» Анджей Дуда, получив 34,76%. На втором месте – действовавший тогда президент Польши Бронислав Коморовский с поддержкой 33,77%, т.е. разница всего в 1%.

Настоящей сенсацией стало и то, что 20,8% избирателей проголосовали за независимого кандидата, рок-музыканта Павла Кукиза. Это было проявлением недовольства поляков, протеста против способа функционирования всей польской политической сцены, против отрыва политиков от каждодневной жизни обычных людей, против навязчивой пропаганды успеха, против отсутствия общественной солидарности с группами обездоленных [16]. Остальные кандидаты получили незначительный процент голосов.

Во втором туре 24 мая выиграл Анджей Дуда, получив 51,55% голосов. Коморовский набрал 48,45%, т.е. разница в 3%.

Объясняя такие результаты общественной поддержки двух политиков, российский исследователь Л.С. Лыкошина ссылается на такое уже упоминавшееся выше явление, как «польско-польская война». «Война», по ее словам, делит общество на две, хотя и неравные, части. Этот эффект усиливается тем, что «значительная часть населения вообще не участвует в выборах, не видит партии, которая могла бы представлять их интересы» [2].

В последние годы «Гражданская платформа», вице-председателем которой до вступления в должность президента был Коморовский, занимала лидирующее положение. Поэтому считалось, что «польско-польская война» партией ПиС проиграна. Однако в последнее время она значительно увеличила свой рейтинг. В частности, это показали выборы в органы самоуправления, прошедшие в Польше в ноябре 2014 г. Однако даже это усиление партии ПиС аналитиками не рассматривалось как основание для ожидания от Дуды полученного им результата.

Объяснение итогов президентских выборов 2015 г. можно найти также как среди объективных, так и субъективных факторов. К первым относится сложный период как в мире в целом, так и в Европе, в том числе в контексте конфликта на Украине, ухудшения в этой связи отношений с Россией, что сказывается на экономике Польши и настроениях избирателей. Кроме того, существуют внутripольские проблемы – закрытие угольных шахт в Силезии, безработица среди молодежи.

Если говорить о субъективных факторах, то следует обратить внимание на личности основных кандидатов. Коморовский, по оценкам аналитиков, хороший президент: Польша достаточно успешно продвигалась по сложному пути современной жизни. В 2001 г. он примкнул к партии «Гражданская платформа», с 2005 г. – вице-маршал, а в 2007 г. – маршал Сейма Польши. В 2010 г. стал президентом Польши, опередив во втором туре своего главного соперника Ярослава Качиньского, брата погибшего президента Леха Качиньского, всего на 6% (53% против 47%). Главным козырем Коморовского тогда стала более дружественная позиция по отношению к России и ЕС. В отличие от своего соперника, Коморовский отстаивал интеграцию с ведущими странами ЕС, тогда как Качиньские придерживались курса на сотрудничество с новыми членами ЕС из Центральной и Юго-Восточной Европы и проявляли сдержанность по отношению к Германии и Франции.

Дуда – уроженец Кракова, юрист по образованию. До начала избирательной кампании рядовые избиратели практически ничего о нем не знали. Долгое время он занимался преподавательской деятельностью, а в 2005 г. примкнул к партии ПиС, став ее юридическим советником. В 2008 г. занял пост заместителя госсекретаря в канцелярии президента Л. Качиньского, затем был избран депутатом Сейма Польши и Европарламента. Дуда – сторонник сближения с Украиной.

Одной из основных причин поражения Коморовского аналитики называли его «летаргическую», нескоординированную избирательную кампанию. Особенно пассивной она оказалась в преддверии первого тура, поскольку он был слишком уверен в себе, очевидно, считая, что в любом случае победит и не замечал, что многие недовольны правлением ГП [14]. По словам Туска, Коморовский – хороший президент, но не лучший сражающийся кандидат. А поддерживавший его бывший президент Польши А. Квасьневский заявлял: «Коморовский – идеальный человек центра, что делает его политиком, не вызывающим сильных эмоций, но способным на компромисс».

Что касается Дуды, то некоторые эксперты отмечали правильность стратегии лидера партии ПиС Я. Качиньского, выдвинувшего в качестве кандидата на президентский пост неизвестного, но симпатичного молодого политика, который к тому же получил благословение влиятельной католической церкви. Лидеры ПиС учитывали важный фактор: поляки хотят перемен, новых лиц. К тому же Дуда сосредоточился на современных технологиях: кампания в социальных сетях, использование методов, применяемых во время избирательных кампаний в США. Оппозиционный кандидат проявлял инициативу, пытался внести притягательные лозунги, обещания, т.е. всеми способами привлекал к себе внимание, что, несомненно, сыграло свою роль.

Дуда работал со своими избирателями, говоря о внутренних проблемах, а Коморовский больше концентрировался на высокой политике, в том числе – на внешней, недостаточно внимания уделял социальным вопросам.

Теледебаты, в которых после поражения в первом туре принял участие и Коморовский, практически ничего не изменили в рейтинге кандидатов. Президент был хорошо подготовлен по существу, а Дуда раздавал массу популистских обещаний: повышение пенсий, снижение пенсионного возраста, налогов, помощь молодым и малоимущим

семьям, введение налогов на супермаркеты и банки. Некоторые политологи, в частности, выражали мнение, что политик, который концентрирует внимание на своих прошлых заслугах, обречен на поражение, так как «биографией избирателей не накормишь». Больше шансов имеет кандидат, уверяющий, что знает проблемы людей, тем более, что значительная часть польского общества считает себя обманутой [9].

Останавливаясь в ходе теледебатов на вопросах внешней политики, Коморовский отметил, что Польша должна стремиться быть важной частью Европы, иметь здесь сильных друзей, а не сильных противников. Веймарский треугольник позволяет Польше сохранять хорошие отношения с Францией и Германией, что, в свою очередь, способствует принятию благоприятных для Польши решений в Евросоюзе. Дуда же пропагандировал усиление национальной идентичности в ЕС и более активное акцентирование интересов страны. Говоря о безопасности Польши, оба кандидата согласились, что в ее интересах иметь на своей территории базы НАТО.

Относительно России Коморовский заметил, что именно она начала конфронтацию со всем западным миром, и Польше следует действовать как его составной части. По его мнению, Россия станет безопасной для Польши, если откажется от имперских устремлений и начнет реализацию реформ. По словам же Дуды, Польша должна проводить наступательную внешнюю политику, под которой подразумевается давление на международные институты с целью их воздействия на Россию.

Касаясь ситуации на Украине, президент заявил, что поддерживает эту страну, но об отправке на Донбасс польских солдат речь не идет. Его соперник настаивал на том, чтобы страна руководствовалась собственными приоритетами: «В наших интересах, чтобы Украина была в Евросоюзе, но война на Украине – не в интересах Польши» [10].

Таким образом, во время теледебатов кандидаты обсуждали будущее Польши в ЕС, отношения с соседями, вопросы исторической памяти, причины авиакатастрофы под Смоленском, вооружение польской армии, экономические и социальные проблемы, зарплаты поляков и налоги, пенсионную систему.

Что касается активности избирателей, то явка в первом туре составила 48,96%, а во втором – 55,34%. Следует обратить внимание на низкую явку электората Коморовского: выступающих за сохранение

статус-кво труднее мобилизовать и призвать к более активной, а не только декларативной поддержке.

В значительной мере результаты выборов определили молодые, именно эта общественная группа, вступающая в жизнь, для которой перелом 1989 г. является уже историческим явлением. Нынешняя действительность воспринимается ими как нечто очевидное, и молодежь концентрируется на недостатках существующего положения вещей. Она добивалась исполнения своих амбициозных стремлений, активизации желаний, требовала хоть каких-то «перемен».

Анализируя причины поражения Коморовского, можно утверждать: после нескольких лет монополии «Гражданской платформы» граждане убедились, что хотят политических перемен: сказывалась усталость от правления этой партии, чувствовалось растущее разочарование правлением ГП, особенно среди молодежи. Результаты выборов четко показали, что Дуда значительно расширил традиционный электорат ПиС.

Коморовский, несмотря на достигнутые в годы его президентства экономические успехи Польши, успешное преодоление финансового кризиса, проиграл. Для постороннего наблюдателя может показаться странным, что поляки, с одной из самых стремительно развивающихся экономик в Европе, столь активно выражают свое недовольство сложившимся в стране положением. Однако следует иметь в виду, что многие жители, особенно в провинции, не ощущают экономических преимуществ от успехов Польши, доказательством чего являются эмигрировавшие из страны за последние 10 лет 2 млн. поляков. Как однажды сформулировала премьер Э. Копач, «мы имеем “Запад” в польской экономике и “Восток” – в карманах поляков». Иными словами, позитивные экономические перемены, на которые постоянно указывают аналитики, не в равной степени коснулись всех регионов и всех общественных групп. Польский социолог и политолог Я. Станишкис в интервью «Российской газете» подчеркивала актуальность перемен в Польше: «Мы имеем чрезвычайно высокий уровень эмиграции, главным образом молодых образованных людей, и по этой причине демографические проблемы, старение населения, кризис семейной политики. Необходимо привести в движение механизмы, которые дадут больше шансов для развития. И об этом говорил Дуда. А Бронислав Коморовский хвалил то, что есть, и с этой точки зрения можно сказать, что это конфликт поколений» [1].

Иностранные СМИ оценили результаты выборов как «страшный шок для Европы», характеризуя Дуду как «националистичного евроскептика, русофоба, имеющего авторитарные устремления в венгерском стиле» [19].

Коморовский «заплатил» за свою чрезмерную приверженность ГП, несмотря на формальную нейтральность. Бывший лидер Лиги польских семей (ЛПС) и вице-премьер в правительстве ПиС-Самооборона-ЛПС Р. Гертых, в последнее время благожелательно настроенный к ГП, подверг ее критике, заявив, что партия проиграет парламентские выборы осенью 2015 г., так как не имеет продуманной медийной политики, поднимает темы, интересующие лишь небольшую часть общества, например партнерские союзы, вопросы искусственного оплодотворения, и не умеет рекламировать свои достаточно внушительные успехи [11].

Таким образом, предвыборная кампания и итоги президентских выборов в Польше позволяют представить различные настроения в обществе, зафиксировать снижение рейтингов «Гражданской платформы», увеличение популярности «Права и справедливости», поражение левого крыла польской политической сцены, усиление протестных настроений, особенно среди молодежи [5, с.225-229].

Все эти изменения, несомненно, отразились на результатах очередных парламентских выборов 25 октября 2015 г. В Сейм прошли пять партий: ПиС получила 37,58% голосов избирателей, ГП – 24,09%, «Кукиз' 15» – 8,81%, «Современная» – 7,60%, ПКП – 5,13%. Не преодолели избирательного порога: «Объединенные левые» – 7,55% голосов избирателей, KORWiN – 4,76%, Партия «Вместе» – 3,62%.

Таким образом, ПиС имеет 235 депутатских мандатов из 460-ти (абсолютное большинство); ГП – 138; на третьем месте движение Кукиза' 15 – 42. В Сейм вошли также депутаты от «Современной партии» – 28 и ПКП – 16, от немецкого меньшинства – 1. Из 100 сенаторов – большинство у ПиС – 61; у ГП – 34; ПКП – 1 и независимых – 4.

Победа ПиС прервала восьмилетнее доминирование праволиберальной ГП в польской политике: как уже отмечалось выше, на президентских выборах в мае 2015 г. действовавший глава государства Б. Коморовский уступил кандидату от ПиС А. Дуде. По выражению The Guardian, голосование 25 октября «завершило поворот Польши вправо».

Поскольку Польша является парламентской республикой, именно сформированное большинством в парламенте правительство определяет основные направления внутренней и внешней политики страны. По итогам парламентских выборов право формировать правительство получила консервативная партия ПиС. Впервые за 26 лет существования демократической Польши более половины мест в парламенте получила одна партия, последний раз сравнимое представительство было у коммунистов в Сейме, избранном в 1985 г. Также впервые с 1989 г. в парламент не войдут представители левых.

Женщину-премьера (Эву Копач из ГП) сменила другая женщина – Беата Шидло, и это тоже в первый раз. К тому же феноменален факт, что крупнейшими партиями в битве за парламент руководили женщины. Эва Копач, Беата Шидло и Барбара Новацка («Объединенные левые») - сегодня не только визитные карточки своих партий, но и символы перемен, произошедших в польском обществе. Несомненно, их выдвижение – политический расчет, направленный на смягчение облика их партий, на привлечение новых сторонников.

До начала 2015 г. Шидло была малоизвестным политиком: будущий премьер последние десять лет представляла в Сейме городок Хжанув. С осени 2014 г. она работала казначеем ПиС и в этом качестве возглавляла избирательный штаб кандидата в президенты Польши А. Дуды. После его победы лидер ПиС Я. Качиньский назвал ее кандидатом в премьер-министры в случае успеха партии на октябрьских выборах в Сейм.

По мнению европейского издания Politico, именно Я. Качиньский будет «серым кардиналом», стоящим за решениями президента и главы правительства. Знаменательным представляется факт, что первым с речью после оглашения предварительных итогов голосования выступил именно Я. Качиньский, который в течение всей избирательной кампании оставался на втором плане. Кандидатуры Дуды и Шидло он поддержал из-за своего высокого антирейтинга внутри страны. Стояла задача добиться победы ПиС, а не какого-то конкретного лица.

Ограниченная известность Шидло и прямое покровительство со стороны Качиньского косвенно свидетельствуют о том, что она является «проходной фигурой» для лидера ПиС. Похожая ситуация сложилась в 2005 г., когда премьер-министром стал К. Марцинкевич, а спустя восемь месяцев его сменил Я. Качиньский.

По данным польского канала TVN24, европейские СМИ приветствовали новые власти Польши не самыми оптимистичными публикациями. Немецкий телеканал ARD напомнил зрителям, что глава Пис Я. Качиньский, будучи премьером Польши, 10 лет назад «постоянно провоцировал политические скандалы и серьезно вредил отношениям Польши с Германией и Евросоюзом». Одновременно с этим выражалась надежда, что с приходом молодого поколения политиков Пис, таких как президент Дуда и премьер Шидло, партия изменилась.

Не обрадовала победа Пис и украинцев. Местные СМИ сравнивали ее с «холодным душем», который ждет Киев, и напоминали, что правая партия хоть и известна антироссийскими взглядами, но без исторических разбирательств, в том числе в отношении Украинской повстанческой армии (УПА), в польско-украинских отношениях не обойдется.

Французское агентство AFP справедливо считало, что евроскептические консерваторы выплыли на волне популистских обещаний и опасений перед наплывом беженцев. Не принесли результата предостережения противников Качиньского, напоминавших 2005-2007 гг., отмеченные трудностями в отношениях с Брюсселем, Германией и Россией.

Поворот вправо отодвинул «центристскую партию, правившую восемь лет, в пользу социально консервативной и евроскептической партии, которая хочет сдержать мигрантов и увеличить расходы на бедных в Польше», - подчеркивало американское агентство Associated Press [8].

Смена власти в Польше в заграничных СМИ характеризовалась как дорога к «урбанизации». Я. Качиньский – сторонник «сильного государства». В его понимании это государственная модель, в которой власть победившей элиты как можно меньше ограничивается какими-либо институтами, будь то Конституционный суд, независимая прокуратура или Совет по радиовещанию и телевидению. Это концепция «нелиберальной демократии», которую в Венгрии реализует Виктор Орбан. Однако их разделяет отношение к России и, следовательно, их видение энергетической политики.

Наблюдатели задаются вопросом: означают ли эти выборы конец определенной эпохи в польской политике? Как уже отмечалось, начиная с парламентских выборов 2005 г. и до теперешних, политические предпочтения поляков были поделены между ГП и Пис. Эта

тенденция указывала, что избиратели, живущие на западе, более охотно голосовали за первую партию, на востоке – чаще за вторую. Первое серьезное колебание в этом делении наступило в 2011 г. Тогда ГП выиграла у ПиС в 11 воеводствах из 16-ти, однако ПиС сохранила свои восточные бастионы. Сейчас же партия Качиньского победила уже в 14-ти воеводствах, в том числе в считавшихся до сих пор бастионами соперника – Великопольском и Нижнесилезском.

Может ли это означать перелом в польской политике? Мнения обозревателей разделились. Даже с перспективы 26-летия демократической Польши трудно говорить о конце определенной эпохи, - считает польский политолог А. Дросик. Он подчеркивает: несмотря на видимую стабильность некоторых партий в регионах страна не может сравниться с США или Великобританией, где можно почти со 100%-й уверенностью предсказать географию предпочтений избирателей. Существует и другая точка зрения: самостоятельное правление ПиС и отсутствие левых в парламенте указывают на радикальный перелом в польской политике. Деление на воеводства не так существенно, важнее то, что партия Качиньского начала выигрывать в больших городах, где раньше доминировала ГП [13].

Останавливаясь на причинах поражения ГП, целесообразно привести мнение авторитетного польского публициста П. Сквечиньского, высказанное им в «Российской газете»: «Платформа проиграла прежде всего потому, что она у многих людей ассоциируется с коррупцией, с громкими политическими скандалами, за которые она не понесла ответственности. Но есть и более глубокая причина: Польша подошла к границе своей нынешней модели развития. Эта модель была более выгодна элитам, чем большинству населения, в особенности молодежи, которая выходит на рынок труда. Молодым не хватает стабильности, перспективы, а «Гражданская платформа» не хотела этого замечать, что стало понятно в ходе предвыборной кампании экс-президента Бронислава Коморовского весной, когда тот хвалился успехами» [4].

У сторонних наблюдателей в ходе предвыборной кампании создавалось впечатление, что многие потенциальные избиратели партии ПиС собирались голосовать не столько за эту политическую формацию, сколько против правящей ГП. Несмотря на то, что Польша прошла через экономический кризис без особенных потерь и изменения к лучшему в жизни простых поляков и в самом деле были, они проис-

ходили постепенно и, в основном, оставались незамеченными. ГП явно «устала» от 8-летнего правления. К тому же харизматичный Туск «покинул» свою партию, когда в августе 2014 г. был избран на пост главы председателя Европейского совета.

ПиС не пришла бы к власти, не завоевала бы президентский дворец в мае и премьерское кресло в октябре, если бы не удалось нейтрализовать либеральный электорат, который всегда был опорой ГП. За партию Качиньского эту работу успешно проделала сама «Гражданская платформа». Добившись успеха на фоне роста экономики, она не продолжила реформы, не обеспечила своему избирателю дальнейший рост уровня жизни.

Эксперты подчеркивают, что в значительной степени низкие результаты ГП обусловило, кроме 8-летнего правления и многочисленных афер, появление на польской политической сцене «Современной партии». Только 51,9% тех, кто в 2011 г. поддержали ГП, на этот раз голосовали за нее. Остальные чаще выбирали «Современную» (13,3%). Э. Копач, сосредоточившись в ходе последних выборов на борьбе за социальный электорат, пренебрегла консервативно-либеральными избирателями ГП, которые не одобряли заключение договоров с горняками, и этот электорат перехватила «Современная партия». Успех партии в значительной мере был определен удачно проведенной избирательной кампанией. Выигрышно смотрелся ее харизматичный лидер, бывший советник вице-премьера Л. Бальцеровича, Рышард Петру, поддерживавший имидж успешного менеджера. Растущая популярность этой группировки также свидетельствует о том, что для некоторых избирателей существует такое понятие, как «мода на партии». В 2007 г. была мода на ГП, четыре года спустя – на «Движение Паликота», во время последних президентских выборов – на партию Кукиза, а теперь на «Современную» [15].

Что касается причин победы партии «Право и справедливость», то одной из важнейших частей ее предвыборной кампании было изменение трактовки предпринимателей, перетягивание у ГП ее основного электората. Находясь в оппозиции, ПиС готовилась к ближайшим выборам – выработала экономическую программу, которую консультировали с представителями различных кругов. Она была также поддержана в ходе экономических дебатов, проходивших в июле 2015 г., во время 3-дневной конвенции ПиС в Катовицах. Заинтересованность людей бизнеса программой ПиС могла быть вызвана также со-

циальными программами, введенными правительством Копач, которые не всегда устраивали предпринимателей.

ПиС каким-то образом соединила ожидания бизнеса и своего постоянного электората. В этических вопросах большинство избирателей ПиС консервативны, однако в экономических – тянут свою партию влево. Поддержкой со стороны бизнесменов ПиС нанесла сильный удар «Платформе», которая до сих пор рекламировала себя как либеральную и прогрессивную и, следовательно, наиболее дружественную предпринимателям. Однако 8-летнее правление, неисполнение нескольких объявленных законов, а также новая стратегия ПиС привели к тому, что ГП утратила один из своих важнейших козырей, благодаря которым выигрывала предыдущие выборы [12].

ПиС сделала выводы после парламентских выборов 2011 г., когда от ПиС откололась «Польша самая важная», а также после выборов в Европейский парламент 2014 г., в которых правица была поделена, и отдельно стартовала «Солидарная Польша» Зб. Зиобры и «Польша Вместе» Я. Говина. Качиньский извлек урок, а весь антиПиСовский лагерь – нет.

Вполне ожидаемый результат парламентских выборов не совсем верно представлять как победу правых и полное поражение левых. Проиграли левые, но не левая политика. «Сейм без левицы – как левша без левой руки», - констатирует лидер СЛД Л. Миллер. Я. Паликот, возглавляющий партию «Твое движение», считает такое положение абсурдом: «Это даже в определенном смысле ненормально для правицы, так как любая чрезмерная власть без всякого контроля – нехорошо» [18].

Главная причина провала «Объединенных левых» заключается в том, что перехватила у них повестку и электорат ПиС, которая консервативна во всем, что касается семьи, брака, церкви и геев, но когда разговор заходит об экономике, ПиС перенимает идеи социал-демократов. В программу ПиС входят: повышение почасовой оплаты труда; 500 злотых (около 150 долл.) в месяц за второго ребенка, а также третьего, четвертого и т.д.; возвращение к предыдущему пенсионному возрасту; Национальная программа занятости, т.е. новые рабочие места для молодых в польских регионах; дополнительное налогообложение для банков и гипермаркетов; полное бюджетное финансирование здравоохранения; бесплатные лекарства для граждан

старше 75 лет. Все это очень простые левые программные тезисы, которые использовали правые популисты.

Вместе с тем силы ПиС всегда подпитывались общественными настроениями, куда более масштабными и разноплановыми, чем настроения поляков, выросших при социализме и не приспособленных к рынку. Бедность, нереализованность, неудовлетворенные профессиональные или предпринимательские амбиции, национальные комплексы, антизападничество, евроскептицизм, антилиберализм, ксенофобия – этими настроениями партия Качиньского умело пользуется.

Победа Дуды на президентских, а затем и ПиС на парламентских выборах свидетельствует о некотором сдвиге в сторону евроскептицизма в стране, которая вплоть до настоящего времени была в Центральной Европе еврооптимистом. «В Брюсселе и традиционных европейских элитах, которые выросли на строительстве Евросоюза, рассматривают поражение Коморовского как свое собственное», - полагает декан факультета Высшей школы экономики С. Караганов. Он указал на ключевую роль Польши во втягивании Евросоюза в украинский кризис [3]. Британские СМИ, в частности, также отмечали, что в условиях «глубокой нестабильности у соседей, главным образом, на Украине, Евросоюзу нужна Польша, которая останется зрелым и ответственным актором на дипломатической сцене». Польша должна закрепить достижения, полученные от расширения ЕС, она является «наиболее наглядным в ЕС примером успеха» [20]. Определенно можно сказать – ПиС всегда выступала за более тесное сотрудничество с США, за размещение американских военных баз на территории Польши. Мысль о том, что ПиС сильно настроена пронатовски, а в отношении Евросоюза, членом которого является Польша, - более скептически, неоднократно высказывалась и в польских, и в зарубежных СМИ.

Выборы вполне могут изменить позиции Польши в Евросоюзе. Это, конечно, не будет движением в главном европейском течении и согласием со всем, чего хочет Берлин, как это было во времена «Гражданской платформы». ПиС намерена рассматривать обязательства Польши через призму внутренних интересов страны, как их понимают в этой консервативной партии. А мнение поляков, как показал миграционный кризис в Европе, не всегда совпадает с пожеланиями Брюсселя. Если правительство ГП прохладно относилось к идее рас-

пределения беженцев из Сирии между всеми европейскими странами по квотам, то Качиньский высказался о миграционном кризисе жестко. По его словам, беженцы «несут холеру в Грецию, дизентерию в Вену и большое количество разнообразных паразитов».

Проблема беженцев является ключевым, но не единственным расхождением партии ПиС с европейскими властями. Немецкий журнал *Spiegel* напоминает: в период премьерства Качиньского германо-польские отношения заметно ухудшились. «Качиньский не является ненавистником Европы, как те политики-евроскептики, что хотят выйти из ЕС, - пишет журнал. – Но он искренне уверен, что Брюссель попросту обслуживает интересы ФРГ и что сами немцы охотно заключат союз с Путиным против Польши». Однако эксперт ИМЭМО РАН И. Кобринская отмечает, что руководство ПиС учло свои ошибки в отношениях с Берлином и в дальнейшем не допустит скандального «выяснения отношений» с западным соседом [6].

Если антигерманизм ПиС десять лет назад был обусловлен в первую очередь личными пристрастиями Качиньского, то теперь основная критика новых властей будет направлена против Москвы, предполагает *Político*. «Для нас важны отношения с Россией. Мы хотим, чтобы она была важным экономическим партнером. Но мы должны помнить, что это прежде всего противник», - говорила Шидло в ходе теледебатов в середине октября [17].

Однако общий евроскептицизм ПиС может косвенно сыграть и на руку Кремлю, так как укрепит силы, которые хотели бы ослабить ЕС. Победа консерваторов усложнит согласование единой общеевропейской позиции по российскому вопросу.

Таким образом, если президентские выборы, победителем которых оказался кандидат оппозиционной партии ПиС А. Дуда, явились сенсацией, то результаты парламентских выборов стали вполне ожидаемыми. Они завершили поворот Польши вправо. И поворачивая вправо, она присоединяется к другим странам региона, причем о масштабе этого поворота свидетельствует самостоятельно сформированное правительство и отсутствие левых в новом парламенте. В сфере внешней политики правящая теперь ПиС настроена на более тесное сотрудничество с США, а в отношении Евросоюза – более скептически.

Литература:

1. Выбор строго ограничен. При всех различиях между ними Коморовский и Дуда дуют в одну дуду // Российская газета. – 2015. – 25 мая.
2. Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши / Л.С. Лыкошина. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – 258 с.
3. Новый президент Польши может ухудшить отношения с Россией // Взгляд. – 2015. – 25 мая. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vz.ru/world/2015/5/25/747077.html> (дата обращения: 29.10.2015).
4. Правый марш на Брюссель. Парламентские выборы в Польше выиграли евроскептики // Российская газета. – 2015. – 27 окт.
5. Президентские выборы в Польше 2015 г. // Между Москвой и Брюсселем. / Отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 336 с.
6. Против Москвы и Брюсселя: кто пришел к власти в Польше // РБК. – 2015. – 26 окт. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2015/562dfb4b9a794729e76f7003> (дата обращения: 29.10.2015).
7. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. / Отв. ред. К.В. Никифоров. – М.-СПб.: Нестор-История, 2015. – 480 с.
8. Cały świat patrzy na Polskę. “Antyunijni konserwatyści rządzą samodzielnie” // tvp.info. - 2015. - 26.10. [Electronic resource]. – URL: <http://www.tvp.info/22350691/cal-y-swiat-patrzy-na-polske-antyunijni-konserwatysci-rzadza-samodzielnie> (accessed date: 29.10.2015).
9. Debata Komorowskiego i Dudy. Opinie ekspertów // [www.wiadomosci.onet.pl](http://wiadomosci.onet.pl). - 2015. - 18.05. [Electronic resource]. – URL: http://wiadomosci.onet.pl/kraj/debata-bronislawa-komorowskiego-i-andrzeja-dudy-opinie-ekspertow/695yvp?utm_source=wiadomosci_viasg&utm_medium=nitro&utm_campaign=allonet_nitro_new&srcc=ucs&utm_v=2 (accessed date: 21.05.2015).
10. Duda kontra Komorowski. Decydująca debata w TVN, TVN24 i TVN24BiŚ // [www.wiadomosci.onet.pl](http://wiadomosci.onet.pl). - 2015. - 22.05. [Electronic resource]. – URL: <http://wiadomosci.onet.pl/kraj/debata-prezydencka-w-tvn-tvn24-i-tvn24-bis-duda-kontra-komorowski/vjdn4w> (accessed date: 23.05.2015).
11. Giertych do PO: odrealniliście się zupełnie // www.tvn24.pl. - 2015. - 25. 05. [Electronic resource]. – URL: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/giertych-do-po-czy-macie-swiadomosc-w-jakim-kraju-zyjecie,545414.html> (accessed date: 27.05.2015).

12. Jak Kaczyński zabierał Platformie najważniejszy elektorat. Biznes w końcu polubił się z liderem PiS // www.WP.wiadomości. - 2015. - 05.10. [Electronic resource]. – URL: <https://wiadomosci.wp.pl/jak-kaczynski-zabieral-platformie-najwazniejszy-elektorat-biznes-w-koncu-polubil-sie-z-liderem-pis-6027653490824321a> (accessed date: 15.10.2015).

13. Koniec pewnej epoki w polskiej polityce? “To radykalny przełom” // www.WP.wiadomości. - 2015. - 26. 10. [Electronic resource]. – URL: <https://wiadomosci.wp.pl/koniec-pewnej-epoki-w-polskiej-polityce-to-radykalny-przelom-6027735603631233a> (accessed date: 27.10.2015).

14. Kublik A. Kronika katastrofy. Jak Bronisław Komorowski nie został prezydentem / A. Kublik, P. Wroński // *Gazeta Wyborcza*. - 2015. - 27. 05.

15. Politolodzy demaskują partię Petru. Kto i dlaczego popiera Nowoczesną? // www.WP.wiadomości. - 2015. - 15. 10. [Electronic resource]. – URL: <https://wiadomosci.wp.pl/politolodzy-demaskuja-partie-petru-kto-i-dlaczego-popiera-nowoczesna-6027744885372033a> (accessed date: 19.10.2015).

16. Polscy wyborcy udzielili lekcji demokracji elitom politycznym // www.tvn24.pl. - 2015. - 26.05. [Electronic resource]. – URL: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-ze-swiata,2/austraicka-gazeta-o-wyborach-w-polsce-lekcja-demokracji-w-polsce,545727.html> (accessed date: 28.05.2015).

17. Rosja “to przede wszystkim przeciwnik”. Polityka zagraniczna oczami Szydło i Kopacz // www.tvn24.pl. - 2015. - 19.10. [Electronic resource]. – URL: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/rozmowa-o-polske-ewa-kopacz-i-beata-szydlo-o-polityce-zagranicznej,587376.html> (accessed date: 20.10.2015).

18. Sejm bez lewicy. “To jest absurd. To jest nawet niezdrowe dla prawicy” // www.tvn24.pl. - 2015. - 28.10. [Electronic resource]. – URL: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/sejm-bez-lewicy-material-faktow-tvn,589752.html> (accessed date: 30.10.2015).

19. Światowa prasa po zwycięstwie Dudy // wpolityce.pl. – 2015. – 25.05. [Electronic resource]. – URL: <https://wpolityce.pl/polityka/245770-swiatowa-prasa-po-zwyciestwie-dudy-wlosi-strasza-ultranacjonalista-amerykanie-licza-na-mocniejszy-kurs-wobec-kremla-a-niemcy-pisza-o-orbanizacji-polski> (accessed date: 29.05.2015).

20. Światowe media komentują wybory w Polsce // www.wiadomosci.onet.pl. - 2015. - 22.05. [Electronic resource]. – URL: <http://wiadomosci.onet.pl/swiat/swiatowe-media-komentuja-wybory-w-polsce/2z3fkg> (accessed date: 24.05.2015).

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ ВО ВЗГЛЯДАХ ПАРТИИ «ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Михалев Олег Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент

факультета международных отношений

Воронежского государственного университета

e-mail:mikhalev2003@mail.ru

Аннотация. В статье прослеживается эволюция взглядов польской право-консервативной партии «Право и Справедливость» (ПиС) с момента ее образования в 2001 г. по настоящее время на проблемы отношений с Россией. Основное внимание уделено выявлению особенностей, выделяющих ПиС среди других политических сил Польши, таких как чувствительное отношение к проблемам безопасности страны, стремление руководствоваться в международных делах лозунгами «исторической политики», настойчивое желание найти вину России в катастрофе президентского самолета в 2010 г. Высказаны предположения о возможном дальнейшем развитии взаимоотношений России и Польши при правительстве ПиС.

Ключевые слова: Польша, внешняя политика, европейская безопасность, российско-польские отношения, партия «Право и Справедливость», Я. Качиньский, смоленская катастрофа.

THE PROBLEM OF RELATIONS WITH RUSSIA IN THE PERCEPTIONS OF THE PARTY "LAW AND JUSTICE"

Mikhalev Oleg

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the

Faculty of International Relations,

Voronezh State University

e-mail:mikhalev2003@mail.ru

Summary. The following paper reveals the evolution of perceptions of the right-wing conservative Polish party "Law and Justice" since one's establishment in 2001 to date. The article addresses the current attitude of the party towards the elaboration of bilateral ties with Russia. The nodal points, therefore, encompass such issues the party pinpoints as vital as the security problems, one's intention to apply the 'historical approach to policy' while flexing external muscles and party's commitment to find Russia guilty in the air crash in Smolensk in 2010. Likewise, the views upon the future perspectives of bilateral relations are provided by the author.

Key words: *Poland, foreign policy, European security, Russian-Polish relations, Law and Justice Party, J. Kaczynski, Smolensk catastrophe.*

Введение

В результате двойной победы на проведенных в 2015 г. выборах всю полноту государственной власти в Польше сосредоточила в своих руках партия «Право и Справедливость» (ПиС). Сначала на состоявшихся в мае президентских выборах ее выдвиженец Анджей Дуда одержал неожиданную победу с перевесом всего в 3% голосов над общепризнанным фаворитом действующим президентом Брониславом Коморовским. А затем на октябрьских выборах в Сейм ПиС предсказуемо опередила свою главную конкурентку – возглавлявшую 8 лет правительственную коалицию партию «Гражданская платформа». Несмотря на то, что ПиС получила поддержку лишь чуть более 37,5% избирателей, вследствие особенностей системы пересчета голосов на депутатские мандаты ей достались чуть более половины (51%) мест в Сейме [36]. Это позволило партии впервые в истории III Речи Посполитой сформировать однопартийное правительство большинства, которое возглавила Беата Шидло. Многолетний руководитель ПиС Ярослав Качиньский при этом остался в тени, сохранив за собой только пост главы парламентской фракции, однако мало кто в Польше сомневался, что именно он будет определять теперь весь политический курс как правительства, так и президента.

Приход «Права и Справедливости» к власти в Польше породил среди наблюдателей предчувствие дальнейшего охлаждения российско-польских отношений. «Газеты выборча» опубликовала комментарии двух российских экспертов, которые в один голос утверждали, что в контактах между Москвой и Варшавой будет нарастать взаимное отчуждение. Политолог И. Преображенский обращал внимание на то, что уже первые шаги нового польского правительства, такие как возобновление следствия по делу разбившегося в апреле 2010 г. президентского самолета и стремление упрочить отношения с НАТО, не могут в Москве восприниматься иначе, как антироссийские действия. С ним соглашался заместитель главного редактора «Новой газеты» А. Липский, напоминавший также, что Россию и Польшу разделяет украинский конфликт, в отношении которого позиции государств расходятся диаметрально противоположным образом. В таких усло-

виях, подводили итог эксперты, возобновление диалога невозможно, страны просто не видят друг в друге партнеров [30].

ПиС и развитие российско-польских отношений в 2001-2015 гг.

Действительно, к 2015 г. ПиС уже заработала устойчивую репутацию политической силы, относящейся к России с огромным недоверием и предубеждением, силы, которая воспринимается в России если не как русофобская, то во всяком случае как антироссийская. Об этом свидетельствовала вся история партии с момента ее основания весной 2001 г. Напомним, что «Право и Справедливость» была создана братьями-близнецами Лехом и Ярославом Качиньскими, людьми, по меткому выражению упомянутого И. Преображенского, «всегда по крайней мере с осторожностью относившимися к России» [30]. Братья начали политическую деятельность еще в 1970-е гг., когда Польша входила в социалистический лагерь, и одним из главных мотивов их участия в оппозиционном движении «Солидарность», где Качиньским удалось занять видное место, стало стремление избавить Польшу от советского влияния, вернуть стране утраченную независимость.¹⁹ Это желание любой ценой отстоять государственный суверенитет было характерно для Качиньских и после 1989 г., делая их неудобными партнерами не только для России, но также для Германии и Европейского Союза в целом. Помноженное на такие характерные для братьев качества, как конфликтность, нетолерантность к политическим оппонентам, стремление решать проблемы простыми методами, оно приводило в международных отношениях не к нахождению компромисса, а к обострению имеющихся разногласий.

Рассмотрение особенностей политического поведения руководителей ПиС позволяет утверждать, что с момента образования партии она занимала наиболее жесткую позицию в отношении России среди всех ведущих политических сил Польши. Находясь в оппозиции к правившей в первой половине 2000-х гг. партии Союз демократических левых сил, ПиС неоднократно критиковала ее за мягкость в отношении России, решая тем самым параллельно две задачи: во-первых, отстаивая интересы страны (так, как она их понимала) и, во-вторых, ослабляя позиции конкурентов на поле внутривнутриполитической

¹⁹ С политической биографией братьев Качиньских можно более подробно ознакомиться на русском языке. См.: [3, с. 119-156]

борьбы. Такое использование задач внешней политики в интересах внутренней, как мы увидим, будет характерным приемом для ПиС и в дальнейшем.

В январе 2003 г. конгресс «Права и Справедливости» обратился к правительству Л. Миллера с требованием прекратить политику уступок в отношении России при проведении переговоров по закупке природного газа. С его точки зрения, она угрожает энергетической безопасности страны, ставя проблему поставки энергоносителей в одностороннюю зависимость от России [33, s.7]. В феврале 2004 г. правление ПиС обвинило Россию в «диктате над интересами Речи Посполитой» из-за нежелания той распространить правила торговли с ЕС на вновь вступающие в Евросоюз страны. ПиС требовала от Еврокомиссии и Европейского совета твердой позиции в переговорах с Россией, дабы не позволить трактовать Польшу и другие страны-новички как «государства второго сорта» [34, s. 10-11].

В том же 2004 г. интересы Польши и России вошли в столкновение в ходе украинской «оранжевой революции». В разгар событий Лех и Ярослав Качиньские приехали в Киев, где приняли участие в митинге в поддержку В. Ющенко. Впрочем, политики ПиС были отнюдь не одиноки в стремлении повернуть Украину от России к Европе. В те дни в Киеве побывали бывший и действующий президенты Польши Л. Валенса и А. Квасьневский, политик «Гражданской платформы» и будущий президент Б. Коморовский, маршал Сейма Ю. Олексы, а также целая группа представителей польских парламентских партий [15, s.40-42]. Ни один из них не встретился с В. Януковичем, зато они охотно поддерживали находившихся тогда в оппозиции В. Ющенко и Ю. Тимошенко и убеждали президента Л. Кучму согласиться на еще один тур выборов. Украинская революция стала одним из тех вопросов внешней политики, когда в Польше сложился надпартийный консенсус, и разногласия между партиями могли касаться лишь тактики действий, не затрагивая главных целей. Впоследствии Украина еще раз объединит польских политиков – и вновь на почве противостояния России.

В 2005 г. «Право и Справедливость» сумела прийти к власти в первый раз: Л. Качиньский выиграл президентские выборы, а на парламентских партия опередила своего конкурента «Гражданскую платформу» и получила право сформировать правительство. Уже накануне выборов ПиС не скрывала, что намерена проводить более

твердую линию в отношении России. Хотя в ее предвыборной программе и отмечалось желание, чтобы отношения России и Польши «были как можно более хорошими», однако возможность сближения обставлялась таким количеством условий, что ни о каком продвижении вперед говорить не приходилось. России предлагалось перестать считать Польшу сферой своего влияния и воспринимать ее как равноправного члена ЕС. При этом сама Польша намеревалась поддерживать стремление Украины к вступлению в НАТО и Евросоюз, содействовать процессам демократизации Белоруссии, укреплять восточную политику Евросоюза и т.д. [26, с.46-47], то есть делать все, что могло бы вызвать неприятие и сопротивление со стороны России.

Неудивительно, что 2005-2007 гг., период нахождения ПиС у власти, стали временем наибольшего обострения в отношениях между Москвой и Варшавой. С самого начала уровень отношений был снижен, так как Л. Качиньский заявил, что «президент Квасьневский семь раз ездил в Москву, но нам от этого не было очень хорошо. Я сделаю так, чтобы было лучше» [9]. В итоге за два года встреча на высшем уровне так и не состоялась, хотя высказывались предложения о такой возможности на нейтральной территории. Но поскольку продвижения в этом вопросе не последовало, Россия фактически начала игнорировать Польшу и не согласилась на проведение встречи президентов после саммита ЕС в Лахти в октябре 2006 г. Это стало ударом по Качиньскому, поскольку польская сторона уже преподносила вопрос о встрече в Финляндии как дело решенное [7, с. 23]. По сути, кроме визитов в Варшаву советника российского президента С. Ястржембского и министра иностранных дел С. Лаврова за время пребывания ПиС у власти не произошло встреч чиновников высокого уровня, что не могло не сказаться отрицательным образом на состоянии двусторонних отношений.

А между тем непонимание между Москвой и Варшавой было перенесено на европейский уровень. Уже в ноябре 2005 г. Россия ввела запрет на ввоз из Польши мяса и некоторых других видов сельскохозяйственной продукции, объясняя его санитарными причинами. Не добившись снятия эмбарго, Польша наложила вето на разработку нового соглашения между Россией и ЕС [1, с. 59]. В результате соглашение так и не было принято. Польша также использовала все имеющиеся в ее распоряжении средства, для того чтобы не допустить соглашения между Россией и Германией о строительстве газопровода

«Северный поток», рассматривая его как угрозу энергетической и экологической безопасности страны. Ей не удалось добиться отмены проекта, но она смогла задержать его реализацию и увеличить стоимость из-за изменения трассы газопровода. В пылу дискуссии министр обороны Р. Сикорский приравнял «Северный поток» к пакту Молотова-Риббентропа, что в свою очередь позволило Кремлю говорить о русофобии польского правительства [16, s. 149].

Еще один серьезный удар по отношениям между Россией и Польшей нанесли американские планы по развертыванию в Восточной Европе элементов системы ПРО. Переговоры об этом велись с начала 2000-х гг., но в практическую плоскость перешли весной 2006 г., когда США заявили о начале финансирования программы. Правительство ПиС с самого начала заявило об одобрении планов создания на территории Польши базы ПРО, считая, что уже само ее присутствие соответствует польским интересам, способствуя укреплению союза с США и усилению гарантий безопасности страны [6, с. 20-21]. Неудивительно, что распад правительственной коалиции, досрочные парламентские выборы осенью 2007 г. и победа в них «Гражданской платформы» были восприняты в России с неприкрытым облегчением. С новым правительством Д. Туска связывались надежды на выход из тупика, в который отношения между странами зашли в период пребывания ПиС у власти.

Действительно, если Д. Туск попытался завязать диалог с Москвой, то ПиС продолжала отстаивать жесткий подход. Существенные расхождения между двумя главными политическими партиями Польши проявились в двух важнейших вопросах, определивших повестку дня конца 2000-х гг. Во-первых, российско-грузинский конфликт августа 2008 г. вызвал разную реакцию у польских президента и премьера. Л. Качиньский немедленно занял однозначную позицию поддержки Грузии. Он прибыл в Тбилиси и выступил на митинге, обвинив в своей речи Россию в развязывании конфликта с целью восстановления влияния в Грузии. В то же время правительство Д. Туска не приняло столь определенную позицию, предпочтя не вмешиваться непосредственно в конфликт. Оно ограничилось поддержкой плана урегулирования, выработанного президентами России и Франции, и осталось, таким образом, в тени европейской дипломатии [16, s. 153].

Во-вторых, произошедшая 10 апреля 2010 г. катастрофа президентского самолета, в результате которой погиб президент Польши Л.

Качиньский и с ним еще 95 человек, не только вбила клин между различными политическими силами в Польше, но и стала серьезнейшим испытанием для российско-польских отношений. Многие в обеих странах восприняли трагедию как шанс дать новый старт во взаимоотношениях, преодолев старые распри и обиды. Повод к тому давала не только искренняя реакция россиян, воспринявших польскую беду как свою собственную и выразивших сочувствие и солидарность с поляками, но и действия российской политической элиты: присутствие В. Путина на месте трагедии, объявление в России дня траура, объявление в Думе минуты тишины, соболезнования политиков и пр. Первоначально общему чувству единения перед лицом беды поддался и Я. Качиньский, потерявший брата-близнеца. 9 мая он обратился на пресс-конференции к «друзьям-россиянам», поблагодарив их за «сердечную реакцию» после катастрофы. «Волна сочувствия и симпатии миллионов россиян была воспринята и оценена поляками», - уверял он [21]. Однако после проигранных президентских выборов в июле 2010 г. Качиньский начал говорить о неслучайности катастрофы и искать виновников произошедшего. Различные «теории заговора», к которым мы позже вернемся, стали мощным инструментом во внутри-политической борьбе, позволяя оказывать давление на правительство путем предъявления ему обвинений в слабости и уступчивости перед русскими, но также значительно усилили антироссийскую риторику ПиС. Ведь если хотя бы часть обвинений оказалась верной, значительная часть ответственности за аварию самолета ложилась бы на Россию.

Сколь ни острыми были межпартийные разногласия, после событий весны 2014 г. на Украине – референдума в Крыму и последующего присоединения полуострова к России, а также начала войны на Донбассе – они были забыты. По вопросам отношений с Россией в Польше вновь сложился консенсус основных политических сил. Он основан на следующих постулатах: убежденности, что Россия встала на путь агрессии в отношении соседей, стремясь разрушить устоявшийся международный порядок; признании присоединения Крыма аннексией, а конфликта на Донбассе прямым следствием ее вмешательства; а также уверенности в том, что добрососедские отношения можно будет восстановить, только если Россия перестанет рассматривать международные отношения сквозь призму геополитического соперничества и вернется в парадигму сотрудничества. На этом фоне

возвращение ПиС к власти осенью 2015 г. вряд ли могло внести существенные коррективы в позиции Польши относительно России, так как градус отношений между странами и так был крайне низок. Тем не менее, ПиС имеет свои характерные взгляды на проблему диалога с Россией, которые можно свести к трем основным пунктам:

1) повышенное внимание к проблемам безопасности страны и обеспечения государственного суверенитета;

2) использование во внешнеполитических действиях лозунгов «исторической политики»;

3) стремление вписать в повестку дня проблему смоленской катастрофы в апреле 2010 г.

Рассмотрим их далее детально.

Россия и вопросы безопасности Польши

Повышенное внимание к проблемам безопасности страны и обеспечения государственного суверенитета отличало идеологию ПиС с самого начала существования партии. Уже в программе 2005 г. она заявляла, что будет «твердо стоять на страже польских национальных интересов» и действовать в целях «создания сильной Речи Посполитой, занимающей на международной арене позицию, достойную большой европейской нации» [26, s.38]. Указанных целей ПиС всегда рассчитывала добиться при помощи ориентации на США, воспринимаемых как главного гаранта безопасности в Европе и мире. При этом крепить отношения с США партия намеревалась не только посредством сотрудничества в рамках НАТО – само по себе это не давало стопроцентной убежденности в исполнении союзнических обязательств. Приоритетной задачей ПиС видела подписание двустороннего соглашения, которое сделало бы Польшу участником клуба избранных государств, привязанных к США особыми гарантиями безопасности. Помимо уверенности, что в этом случае Америка обязательно придет на помощь в случае угрозы для Польши, такой договор давал надежду на выгоды от развития экономического сотрудничества и повышение престижа государства на международной арене [18, s. 256-257]. Именно поэтому ПиС столь охотно ухватилась за предложенную американцами идею развертывания в Польше элементов системы ПРО – ведь США в любом случае должны будут обеспечить безопасность своей базы, и ни один потенциальный противник не рискнет напасть на Польшу из опасения получить отпор от США.

Сотрудничество с американцами противопоставлялось во взглядах ПиС взаимодействию с партнерами по Европейскому Союзу, который партия всегда воспринимала с изрядной долей недоверия, главным образом из-за подозрений в германском гегемонизме, и особенно отношениям с Россией. Последняя рассматривалась в качестве главной угрозы безопасности Польши уже на том основании, что являлась наследницей СССР и Российской империи, однако после российско-грузинской войны 2008 г. политики ПиС пришли к выводу, что действия России, вставшей на путь силовых действий в отношении соседних государств, непосредственно угрожают национальным интересам Польши. Так, в мае 2009 г. Я. Качиньский утверждал: «В России мы сейчас имеем дело с попыткой восстановления имперского статуса государства. Это очень небезопасная попытка. Пока она предпринимается в сфере риторики, однако я опасаюсь, что скоро она перейдет в действия – конечно, не в военной сфере, но, например, в сфере, относящейся к нашим национальным интересам» [21].

События 2014 г. на Украине только укрепили «Право и Справедливость» в мысли, что российская агрессия может затронуть и Польшу, так как Россия не перестает считать ее сферой своего влияния. Поэтому в предвыборную кампанию 2015 г. ПиС вошла с критикой политики правительства Д. Туска, обвиняя его в односторонних уступках и даже капитуляции перед Россией, и обещаниями укрепить и сделать более обороноспособной польскую армию, предпринять все возможное для сохранения НАТО в качестве действенной военной организации, приспособленной к отражению современных угроз [28, s. 42, 161-162]. Поскольку к этому времени США ясно дали понять, что не намерены заключать с Польшей дополнительного двустороннего договора в сфере безопасности, именно на укрепление гарантий НАТО следовало рассчитывать в сдерживании российских амбиций. Поэтому, придя к власти, политики ПиС старались убедить и соотечественников, и зарубежных партнеров, во-первых, в агрессивности России, и, во-вторых, в необходимости совместного противостояния агрессии. В мае 2016 г. в одном из интервью Я Качиньский заявлял: «Россия входит туда, где мягко. Если мы будем занимать твердую позицию в отношении этого государства, то риск угрозы с его стороны будет невелик, близок нулю. И, говоря «мы», я имею в виду не только власти Польши или ПиС, но весь Запад» [37]. Еще жестче высказывался министр обороны Польши Антоний Мачеревич. В апреле 2016

г. он обвинял Россию в нежелании вести партнерский диалог с НАТО и использовании только методов устрашения альянса в целом и отдельных его членов. Он утверждал, что размещенные на западных границах России воинские части – это наступательные силы, по своим возможностям многократно превосходящие войска НАТО в этом регионе. Цель России, по его мнению – сделать Балтийское море сферой своего влияния, и для ее реализации она «систематически готовится к агрессии против альянса» [20]. Несколько позже Мачеревич рассуждал об исходящей от России угрозе для Польши: «Так долго, как долго видные российские лидеры будут позволять себе формулировки, что Варшава находится у них на прицеле, так долго поляки будут считать, что это является угрозой для порядка и безопасности европейского и мирового». «Россия является сегодня главной угрозой мировой безопасности», - заключал он [19].

Формулируя таким образом внешнеполитические приоритеты, политики ПиС не могли не воспринять в качестве большой победы своей партии решение о проведении саммита НАТО в Варшаве²⁰ и зафиксированное на этой встрече намерение альянса разместить в странах Балтии и Польше четыре международных батальона. Теперь они могли утверждать, как это делал министр иностранных дел Витольд Ващиковский в отчете Сейму о достижениях польской дипломатии за 2016 г., что «Союз подтвердил тем самым готовность выполнять свою основную миссию, то есть, совместную защиту также в нашем регионе. Эти решения обозначают реальное укрепление безопасности Польши. Наши границы в безопасности, нам не приходится ставить на них заборы, однако мы разместили на них предостерегающие знаки с надписью «Внимание! Территория Республики Польша!». Тысячи солдат из Соединенных Штатов, Великобритании, Германии, Канады при использовании современного оснащения будут поддерживать усилия Польши, стран Прибалтики в области защиты в случае возможной угрозы. В середине января этого года (т.е. 2017 – О.М.) первые американские военные подразделения прибыли в нашу страну. Союзные обязанности по статье 5 Вашингтонского трактата таким образом становятся достоверными» [5]. Ващиковский обещал и далее

²⁰ А. Мачеревич в преддверии варшавского саммита говорил о нем как об «историческом шаге в развитии НАТО и изменении архитектуры НАТО, приспособляя ее к вызовам, которые ставит перед нами Россия Владимира Владимировича Путина» [19].

работать над усилением присутствия НАТО в Восточной Европе: создать базу противоракетной обороны в Редзикове, принять танковую бригаду и части военно-воздушных сил США, а также войска из Великобритании. «В случае прямой угрозы вооруженного инцидента на территории нашей страны может появиться более десяти тысяч солдат союзных государств в результате договоренностей последнего времени», – уверял он депутатов Сейма [5].

Думается, что ставка на укрепление присутствия НАТО в Восточной Европе в целом и в Польше в частности будет иметь для российско-польских отношений двоякие последствия. С одной стороны, жесткий ответ России не способствует налаживанию диалога, но с другой, Польша, убедившись в собственной безопасности, может преодолеть свои фобии в отношении России и занять более конструктивную позицию.

Россия в контексте «исторической политики» ПиС

Второй отличительной чертой ПиС является стремление привнести во внешнеполитические действия лозунги так называемой «исторической политики». Эта политика понимается достаточно широко, включая в себя комплекс мероприятий по формированию в обществе определенных взглядов на историю страны, подчеркивающих прежде всего ее героические страницы. ПиС всегда была особо чувствительна к вопросам исторической памяти и неизменно включала в свои программные установки задачи патриотического воспитания подрастающего поколения, проведения различных популяризирующих историю мероприятий, поддержку музеев и пр. В центр внимания при этом ставилась длительная борьба поляков за свободу с упором на такие сюжеты, как противостояние немецким оккупантам в годы Второй мировой войны, или борьба против навязанного стране коммунистического режима [22, s. 67, 79-80]. Применимо же к международным отношениям, историческая политика предполагает выстраивание диалога с партнерами с учетом трудных вопросов, которые имели место в прошлом.

В случае с Россией это означает постоянное возвращение к одному и тому же кругу тем, доминирующее место среди которых занимает вопрос о Катыни. 29 января 2016 г. в своем первом выступлении в Сейме (так называемом *exposé*) министр иностранных дел В. Ващиковский среди ожидаемых жестов со стороны России, которые могли

бы привести к потеплению в отношениях, упомянул «окончательное предание гласности архивов, касающихся преступлений Сталина в отношении польских офицеров» [17]. В дальнейшем, правда, эта тема не поднималась, но Ващиковский не раз выражал заинтересованность в возобновлении работы российско-польской группы по сложным вопросам, деятельность которой прервалась в конце 2015 г., когда сопредседатель с польской стороны А. Ротфельд покинул ее ряды, мотивировав свой шаг тем, что «польско-российский диалог на этом уровне сейчас не имеет смысла» [8]. Группа, объединившая историков двух стран, как раз и создавалась для нахождения общих точек соприкосновения в вопросах трактования прошлого, но ее работа осталась незавершенной.

Еще одной болезненной темой, относящейся к исторической политике, является проблема сноса на территории Польши памятников советским воинам. Она стала частью повестки дня задолго до повторного прихода ПиС к власти, но как раз на рубеже 2015-2016 гг. вопрос обострился с новой силой. Масла в огонь подлил польский Институт национальной памяти, заявивший о намерении добиваться сноса 500 советских памятников по всей стране. Во взаимных упреках дело дошло до того, что российский министр иностранных дел С. Лавров охарактеризовал Польшу как лидера в антироссийской гонке среди стран, где разрушаются памятники советским гражданам, погибшим в борьбе с нацизмом. А представитель МИД России Мария Захарова сравнила намерения Польши с действиями боевиков ИГИЛ в Пальмире, где террористы уничтожали древние памятники архитектуры. Польский МИД со своей стороны счел такие высказывания неудачными и необоснованными. Свою позицию он аргументировал тем, что российско-польское соглашение 1994 г. о могилах и местах памяти касается только военных кладбищ, и в их отношении Польша свои обязательства выполняет. Прочие же памятники являются «признаком коммунистического господства на польской земле» и находятся в распоряжении органов местного самоуправления, по чьей инициативе и осуществляется их снос. Ни польское законодательство, ни международные соглашения при этом не нарушаются. МИД Польши также выражал сожаление, что «российская сторона считает целесообразным культивировать традиции коммунистической эпохи, которая принесла нашим обоим народам столько страданий и жертв» [4]. Позицию МИДа всецело поддержала глава польского правительства Б.

Шидло, заявившая, что «из польского общественного пространства должны исчезнуть символы коммунизма». При этом она обещала, что места, связанные с памятью о советских солдатах, будут увековечены достойным образом [10].

Накал страстей вокруг проблем, связанных с периодом Второй мировой войны, показывает, что расхождения в оценке тех или иных событий прошлого еще долго будет разделять два народа. И опыт развития российско-польских отношений уже не раз давал понять, что акцентирование этих вопросов не способствует налаживанию диалога в настоящем времени. Поэтому для восстановления сотрудничества было бы более рациональным отказаться от педалирования разногласий по проблемам трактовки истории в пользу поиска общих интересов. Однако мы видели, что для «Права и Справедливости» историческая политика имеет принципиальный характер с идеологической точки зрения, поэтому вряд ли можно ожидать, что при правлении этой партии Польша откажется от ее встраивания в международные отношения и будет руководствоваться исключительно прагматическими расчетами.

Смоленская катастрофа в повестке российско-польских отношений

Последней характерной чертой взглядов ПиС на отношения с Россией следует считать настойчивое стремление вписать в повестку дня проблему катастрофы президентского самолета в апреле 2010 г. Тема расследования трагедии над Смоленском стала для Я. Качиньского своего рода идеей фикс, которую он постоянно использует как во внутренней, так и во внешней политике. Лидера ПиС понять можно: он потерял брата-близнеца, с которым ощущал, как он сам признавал, «очень сильную связь» [13]. Однако Качиньский, по всей видимости, не готов согласиться с каким-либо иным результатом расследования, кроме того, которое признает катастрофу следствием преднамеренных действий конкретных лиц, а не случайного стечения обстоятельств. Поэтому начиная с 2010 г. в недрах ПиС зародилось не менее десятка «теорий заговора», автором многих из которых стал уже хорошо известный нам А. Мачеревич, возглавивший в конце 2011 г. парламентскую комиссию по расследованию смоленской катастрофы. За время своей работы до апреля 2015 г. она выдвинула ряд версий, коренным образом отличающихся от данных как официального

следствия, проводимого правительственной комиссией под руководством Ежи Миллера, так и российской стороны. Среди теорий Мачеревича были и взаимоисключающие, и просто фантастические: отказ систем самолета еще до столкновения с землей, течь из двигателя, предоставление диспетчерами неверных данных, ослепление экипажа лучом с земли, распыленный над аэродромом искусственный туман либо особый гель, уменьшивший подъемную силу самолета, заводской брак, отравление пассажиров, и, наконец, целая россыпь версий о взрыве – одном или двух, внутри или вне самолета [23]. Сколь бы ни были различны версии произошедшего, из них следовал единственно возможный вывод: необходимо найти и наказать виновных в катастрофе. Таковыми Мачеревич рассматривал как российскую сторону, так и, прямо или косвенно, правительство «Гражданской платформы».

Неудивительно, что, в качестве одного из лозунгов избирательной компании 2015 г. ПиС включила требование «достоверного и полного выяснения причин катастрофы Ту-154М» в Смоленске. По мнению партии, действующие польские власти не отстаивали интересов страны, полностью отдав следствие в руки россиян, не критично отнеслись к результатам их расследования, проведенного недостаточно тщательно, и тем самым уронили достоинство и престиж Польши в международных отношениях [28, s. 42, 155]. Придя к власти, ПиС немедленно принялась за раскрытие смоленской проблемы.

4 февраля 2016 г. Мачеревич, получивший к этому времени пост министра обороны, подписал распоряжение о создании в подчиненном ему ведомстве особой подкомиссии с целью возобновления расследования смоленской катастрофы. Выводы закончившей работу еще в 2011 г. комиссии Миллера, признавшей гибель самолета следствием ошибок пилотирования²¹, были оценены как неудовлетворительные. Мачеревич заявил, что она действовала «не в соответствии с польским законодательством, под чужую диктовку, принимая навязанные условия», из-за чего «опубликованные ею результаты не соответ-

²¹ Доклад комиссии Е. Миллера назвал причиной катастрофы «спуск ниже минимальной высоты снижения при слишком высокой скорости падения в атмосферных условиях, делающих невозможным прямой зрительный контакт с землей, и запоздавшее начало процедуры ухода на второй круг. Это привело к столкновению с препятствием на местности (т.е. с березой), отрыву фрагмента левого крыла вместе с элероном, а в результате к утрате управляемости самолетом и столкновению с землей» [Цит. по: 32, s. 13].

ствуют объективному ходу событий» [24]. Первые результаты работы подкомиссии были представлены 7 апреля 2017 г., в седьмую годовщину катастрофы, в виде 40-минутного фильма. Изложенная в нем версия повторяла ряд выдвинутых ранее гипотез Мачеревича: с самого начала российские диспетчеры передавали экипажу Ту-154М неверные данные, что должно было привести к катастрофе; серия аварий в самолете началась за 2,5 км от аэродрома, сделав невозможным заход на второй круг; левое крыло оторвалось еще до столкновения с березой; последней фазой трагедии был взрыв в корпусе, разорвавший самолет на множество фрагментов; причиной взрыва стал термобарический заряд, давший мощную ударную волну. Представляя фильм, глава подкомиссии Вацлав Берчинский сказал, что это только предварительные итоги годовой работы, расследование же будет гораздо шире и глубже, оно потребует много времени и усилий, но подкомиссия будет продолжать его до тех пор, пока не выяснит все обстоятельства, приведшие к катастрофе [25].

Эксперты, не связанные с Мачеревичем, правда, оценили фильм весьма скептически, как «фантазмагорию, представленную людьми, которые никогда раньше не исследовали авиакатастроф», «фильм *science fiction*, авторы которого старательно обходили правду», версию, «противоречащую физике». По их мнению, подкомиссия обошла целый ряд фактов, не подтверждающих ее выводы: регистраторы не зафиксировали изменения давления в самолете и не выпали наружу окна, что должно было произойти при взрыве, пилоты нарушили нормы безопасности и спустились ниже критической отметки, не видя земли и т.д. Отмечалось и множество недостатков в проведении расследования. Так, члены подкомиссии ни разу не были на месте катастрофы и не взаимодействовали с российской стороной в выяснении ее причин [12].

Впрочем, складывается впечатление, что руководство ПиС не слишком заботится о правдоподобии своей трактовки событий, им важно создать из смоленской катастрофы символ, который можно использовать для сплочения сторонников партии и оказания давления на ее противников. Поэтому ее повторное расследование сопровождалось громкими акциями, рассчитанными на поддержание в обществе высокого интереса к теме и мобилизацию своего электората. К такому можно отнести нашумевшее решение об эксгумации тел жертв 83 жертв катастрофы, принятое краковской прокуратурой 7 ноября 2016

г., несмотря на многочисленные протесты, в том числе родственников погибших. Официальной причиной этой процедуры называлась необходимость устранения допущенных при погребении ошибок, вследствие которых могли даже быть перепутаны тела пострадавших. Однако в прессе настойчиво обсуждалась версия, что эксгумация затеяна ради поиска на остатках тел следов тротила [29]. Но, пожалуй, наиболее важной мерой по убеждению общества в заказном характере смоленской катастрофы следует считать выход на экраны в сентябре 2016 г. фильма «Смоленск» режиссера Антони Краузе. Он снят так, что у зрителя не возникает сомнения, что крушение самолета было спланированным российскими спецслужбами покушением на жизнь Л. Качиньского в отместку за поддержку президентом Польши Грузии в ее конфликте с Россией в 2008 г. На премьере присутствовали президент А. Дуда, премьер Б. Шидло, а Я. Качиньский охарактеризовал фильм как «постановку, которая рассказывает правду» и призвал всех поляков, «желающих знать правду», посмотреть его [2]. Впрочем, пропагандистские усилия ПиС не привели к желаемому эффекту. Кинозалы в дни демонстрации фильма «Смоленск» оставались полупустыми, да и в целом социологические опросы не показывали роста ни заинтересованности в теме, ни числе сторонников заговора. По их данным, поляки поделились на три примерно равных по численности группы: сторонников взрыва, противников его и считающих, что причины трагедии не вполне ясны [32, s. 14].

Отсутствие прогресса в убеждении польского общества в искусственном характере смоленской катастрофы не остановило ПиС перед стремлением найти виновных. Их отыскивали достаточно быстро. В конце марта 2016 г. начался судебный процесс над пятью бывшими чиновниками канцелярии премьер-министра и посольства Польши в Москве во главе с бывшим начальником канцелярии Томашем Арабским. Родственники жертв катастрофы выдвинули против них обвинение в ненадлежащем выполнении служебных обязанностей при организации полета президентского самолета (в частности, подсудимые якобы неправильно оценили степень готовности аэродрома в Смоленске и не настояли на осуществлении посадки в каком-либо другом месте). Вполне вероятно, что в деле могут появиться и новые, более высокопоставленные фигуранты. Во всяком случае, в поле зрения суда уже попали бывший министр иностранных дел Р. Сикорский и премьер-министр Д. Туск, вызванные для дачи показаний в качестве свиде-

телей [27]. Но кто знает, не будет ли пересмотрен их статус далее и как далеко может зайти судебное разбирательство в отношении правительства «Гражданской платформы».

Этот процесс, как можно думать, является наглядным доказательством того, что смоленская проблема, хотя и прямо затрагивает вопросы российско-польских отношений, все же предназначена главным образом для внутреннего употребления. Ведь, в самом деле, если подкомиссия министерства обороны находит убедительные свидетельства, что катастрофа Ту-154М была вызвана преднамеренно, и следы этого ведут в Москву, то Россия становится виновной в убийстве польского президента и нескольких десятков человек из политической элиты страны. За этим должен последовать разрыв дипломатических отношений и обращение к союзникам по НАТО и ЕС с просьбой помочь призвать Россию к ответственности. Но делать это, судя по всему, никто не собирается, из чего можно заключить, что к выводам экспертов Мачеревича в самом польском правительстве относятся не слишком серьезно. Неизвестно, насколько распространена в руководстве Пис вера в теорию смоленского заговора, но некоторые публицисты в Польше приходят к выводу, что, за исключением, может быть, Я. Качиньского и А. Мачеревича, партийные функционеры относятся к ней чисто утилитарно – как к удобному инструменту в борьбе за власть. Так, комментатор еженедельника «Политика» В. Шацкий полагает, что Пис разыгрывает смоленское дело в нескольких плоскостях. Во-первых, в сфере символической, где целью является придание смысла смерти Л. Качиньского и создание у соотечественников убежденности в заговоре Путина и Туска. Здесь важны не конкретные обстоятельства катастрофы, а эмоции: о предательстве национальных интересов, о сговоре с внешним врагом, об объявлении Польше войны, наконец, о том, что в стране есть только одна сила, способная защитить ее – это партия Я. Качиньского. То есть речь идет о создании мифа, занимающего важные позиции в идеологии Пис. Во-вторых, в плоскости внутривластной борьбы, так как позволяет постоянно обвинять противников из «Гражданской платформы» если не напрямую в заговоре с целью устранения президента, то, по крайней мере, в ошибках в проведении следствия, уступкам России и пр. Наконец, во внутривластной расстановке сил. Ряду партийных деятелей удалось использовать смоленскую тему для того, чтобы занять место поближе к председателю партии, а значит укрепить свои

позиции в ее рядах. В наибольшей степени преуспел в этом А. Мачеревич, превратившийся из периферийной фигуры фактически во второго человека в партии. Но его пример не является единственным. Ряд других функционеров также с успехом использовали Смоленск, чтобы набрать политические очки [32, s. 13-14].

Сказанное позволяет предположить, что на российско-польские отношения тема смоленской катастрофы вряд ли может повлиять существенным образом. Во всяком случае, не стоит ожидать выдвижения официальных обвинений в убийстве президента суверенного государства. Но и сдвинуться в сторону потепления она также не позволит до тех пор, пока у польской стороны остаются сомнения в объективном расследовании катастрофы и опасения, что Россия скрывает некую важную информацию. Поэтому думается, что Россия, если она действительно хочет сделать шаг вперед в развитии отношений, может положить конец большей части теорий заговора, отдав Польше остатки президентского самолета (это не сделано, т.к. формально следствие, проводимое Межгосударственным авиационным комитетом, еще не закончено) и согласившись на более активное участие польских экспертов в расследовании. Конечно, одного этого будет недостаточно, чтобы положить конец всем измышлениям — мы видели, насколько глубоко пустили корни теории Мачеревича, и скольким силам они выгодны. Но несколько уменьшить груз взаимного недоверия это может.

Выводы и перспективы

Рассмотрев особенности взглядов ПиС на проблему отношений с Россией, можно прийти к выводу, что партия является наиболее анти-российски настроенной силой на польской политической сцене. И это действительно так. Исходя из этих установок, следовало бы ожидать дальнейшего ухудшения отношений на линии Москва-Варшава, но кажется правильнее говорить об их предстоящей стагнации. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

Во-первых, ПиС сейчас слишком занята внутренними проблемами Польши, чтобы искать дополнительных осложнений во внешней политике. Придя к власти, Я. Качиньский и его сторонники, обещавшие в предвыборный период исправить общественные деформации в III Речи Посполитой, приступили к серии реформ, которые И.С. Яжборовская охарактеризовала как «неоавторитарный реванш». ПиС по-

пыталась взять под свой контроль государственный аппарат, суды и средства массовой информации, начала проводить в жизнь популистскую социальную программу, приняв план выделения 500 злотых на второго ребенка в семье и отменив пенсионную реформу «Гражданской платформы», увеличивавшую возраст выхода на пенсию до 67 лет, заявила о проведении школьной реформы и т.д. [11, с. 57-61]. Оппозиция охарактеризовала действия ПиС как «политику хаоса и раздач» и повела против нее ожесточенную борьбу, порой выливающуюся из здания парламента и страниц газет на улицы городов. В такой обстановке, конечно, можно попытаться разыграть антироссийскую карту для укрепления политических позиций и мобилизации сторонников, но практика показывает, что пока у ПиС это получается не слишком хорошо. Поэтому лучше не давать повода оппонентам для поднятия рейтингов за счет обвинений правительства во внешнеполитических просчетах и не форсировать ситуацию.

Во-вторых, в настоящее время первоочередными во внешней политике Польши являются другие проблемы: происходящие перемены в ЕС, кризис беженцев, смена американской администрации и др. Россия в этом ряду занимает далеко не приоритетное место, о чем говорит хотя бы тот факт, что, вступая в должность премьер-министра, Б. Шидло в своей речи о России даже не упомянула [См.: 14]. Пожалуй, наиболее серьезная внешнеполитическая проблема, с которой сейчас имеет дело правительство ПиС, заключается в нарастании разногласий с партнерами по Евросоюзу, обеспокоенными нарушениями демократических норм, имеющими место в Польше. В атмосфере давления со стороны европейских государств даже начали появляться предположения о том, что ПиС может попробовать пойти на улучшение отношений с Россией, дабы обрести в ней противовес ЕС, т.е. пойти по стопам венгерского лидера Виктора Орбана, критикуемого в Брюсселе и заигрывающего с Москвой. К примеру, социолог С. Сераковский в статье, опубликованной в журнале «Политика», отмечал сходство идеологических установок Я. Качиньского и В. Путина: антилиберализм, антидемократизм, национализм, стремление к сохранению государственного суверенитета и как следствие антиевропеизм. С его точки зрения, ПиС, отдаляя Польшу от ЕС, ведет ее в объятия Москвы и тем самым может считаться пророссийской партией [31, с. 21]. Однако думается, что трудности в диалоге с ЕС вряд ли окажут существенное влияние на улучшение отношений Польши с

Россией, как это произошло в случае с Венгрией. За спиной у Орбана нет Смоленска и нет Катыни, и ему гораздо проще смотреть на сотрудничество с Москвой рационально. В политике же ПиС идеологическая составляющая играет крайне важную роль, и она будет продолжать оставаться барьером, препятствующим прагматичному развитию российско-польских отношений. Скорее в качестве противовеса ЕС Качиньский склонен рассматривать США, хотя получить в этом вопросе поддержку администрации Д. Трампа будет и непросто.

Таким образом, ожидать каких-либо изменений в российско-польских отношениях в существующей политической ситуации не приходится. Ухудшить их уже вряд ли возможно, разве что разрывать вовсе, а улучшить не получится, даже если какая-либо из сторон проявит в этом заинтересованность. Робкие попытки к налаживанию диалога, которые можно было отметить с обеих сторон, не получили развития. Так, в своем выступлении в Сейме в январе 2016 г. министр иностранных дел В. Ващиковский выражал готовность возобновить контакты с Москвой для разрешения конкретных проблем хотя бы на уровне экспертов и рабочих групп. Но оговаривал при этом, что Польша стремится развивать отношения с Россией не на «почве односторонних уступок, а в духе конструктивного диалога, уважения заключенных договоров и международного права» [17]. Впрочем, на фоне откровенно антироссийских высказываний других лидеров ПиС эти слова выглядели не более чем дипломатической любезностью, за которой не стоят конкретные намерения. Россия, в свою очередь, тоже сделала жест в сторону Польши. 9 ноября 2016 г., принимая в Кремле нового посла В. Марчиняка, президент России В.В. Путин охарактеризовал отношения между странами как «неудовлетворительные» и выразил надежду на возвращение к политическому диалогу «на основе взаимного уважения и прагматизма», заверив, что Россия готова сделать все со своей стороны для достижения данной цели. Польша, однако, не поверила в серьезность намерений России и потребовала подкрепить их делами. Ващиковский, комментируя слова Путина, заявил, что его страна также требует уважения и прагматизма от России, и если та хочет улучшения отношений, то должна отдать остатки Ту-154М, предоставить возможность допросить диспетчеров, руководивших полетом и отменить наложенные на Польшу экономические санкции. «Тогда можно будет и вернуться к прагматичному разговору», - заключал он [35].

Крах попыток возведения мостов между Москвой и Варшавой вполне закономерен. Ведь дело не только в проблемах, которые можно относительно легко разрешить. Ведь если предположить, что Россия вернет остатки разбившегося в Смоленске самолета, это все равно не приведет к коренному сдвигу в ситуации. Корни разногласий гораздо глубже и кроются в различном понимании европейской безопасности. А в этой сфере двум странам попросту не о чем разговаривать. Россия не воспринимает Польшу в качестве партнера по диалогу, а Польша склонна полагаться на действия в рамках НАТО и ЕС, поскольку сейчас их позиция в отношении России ее полностью устраивает. И до тех пор, пока Москва не согласует вопрос о Крыме и Донбассе с Западом, не только «Право и Справедливость», но и даже более лояльная к России польская партия не сможет рассчитывать на установление более теплых отношений с ней. Приходится констатировать, что в диалоге Москвы и Варшавы сейчас отсутствует позитивная повестка дня, и ее появление вряд ли зависит от польской стороны. Устранение разногласий находится в руках России и всецело зависит от ее планов выстраивания политики на европейском направлении.

Литература

1. Бухарин Н.И. Россия-Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века / Н.И. Бухарин. – М.; СПб., 2014. – 204 с.
2. Гвоздь М. Фильм «Смоленск» представляет гибель президента Польши как месть российских спецслужб / М. Гвоздь, Э. Володина // Deutsche Welle. – 2016. – 14.09. [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/politic/20160915/237863290.html> (дата обращения: 25.04.2017).
3. Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши / Л.С. Лыкошина. – М., 2015. – 258 с.
4. МИД: высказывания Лаврова о советских памятниках в Польше необоснованы // Радио Польша. – 2016. – 6.04. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/136/Artykul/247527> (дата обращения: 17.04.2017).
5. Министр Витольд Вашиковски о приоритетах польской дипломатии в 2017 году // Посольство Республики Польша в Москве. – 2017. – 13.02. [Электронный ресурс]. – URL: http://moskwa.msz.gov.pl/ru/news/priorytety_dyplomacji (дата обращения: 13.02.2017).
6. Михалев О.Ю. Зачем нужна Польше американская база ПРО? (анализ общественно-политической дискуссии) / О.Ю. Михалев // Актуальные про-

блемы государства и права: сборник научных статей. – Воронеж, 2009. – Вып. 3. – С. 20-30.

7. Офицеров-Бельский Д.В. Россия и Польша: неизбежное соседство? / Д.В. Офицеров-Бельский // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – №6. – С. 18-28.

8. Польско-российскую группу по сложным вопросам покинул ее сопредседатель // Радио Польша. – 2015. – 23.12. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/136/Artykul/234189> (дата обращения: 17.04.2017).

9. Что сказал Лех Качиньский в интервью «Известиям» // Известия. – 2005. – 25 октября.

10. Шидло: В Польше символы коммунизма должны исчезнуть // Радио Польша. – 2016. – 01 апреля. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/136/Artykul/246909> (дата обращения: 17.04.2017).

11. Яжборовская И.С. Польша 2015-2016 гг. Хроника неоавторитарного реванша / И.С. Яжборовская // Полис. Политические исследования. – 2016. – №5. – С. 49-65.

12. Co powiedziała podkomisja Berczyńskiego, a co pominęła // TVN24.pl. – 2017. – 11.04. [Electronic resource]. – URL: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/raport-podkomisji-smolenskiej-czego-w-nim-nie-ma,731172.html> (accessed date: 25.04.2017).

13. Dąbrowska Z. Jarosław Kaczyński: Unia Europejska została zdominowana przez jedną osobę / Z. Dąbrowska, M. Szuldrzyński // Rzeczpospolita. – 2017. – 14.03. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rp.pl/Rzecz-o-polityce/303149852-Jaroslaw-Kaczynski-Unia-Europejska-zostala-zdominowana-przez-jedna-osobe.html#ap-16> (accessed date: 21.03.2017).

14. Exposé premier Beaty Szydło – stenogram. Sejm, 18 listopada 2015 r. // Premier.gov.pl. [Electronic resource]. – URL: <https://www.premier.gov.pl/expose-premier-beaty-szydlo-stenogram.html> (accessed date: 25.03.2016).

15. Fakty – wydarzenia – opinie // Polska Scena Polityczna. – 2004. – № 22 (16-30.11).

16. Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989-2010 / K. Fedorowicz. – Poznań, 2011. – 343 s.

17. Informacja ministra spraw zagranicznych o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2016 roku // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Posiedzenie nr 10 w dniu 29-01-2016 (2. dzień obrad). [Electronic resource]. – URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/wypowiedz.xsp?posiedzenie=10&dzien=2&wy-p=2&view=1> (accessed date: 18.11.2016).

18. Lewandowski A. Rosja i jej znaczenie dla międzynarodowego bezpieczeństwa Polski w koncepcjach politycznych Prawa i Sprawiedliwości / A. Lewandowski // Rosja w polskiej myśli politycznej XX – XXI wieku / pod red. A. Lewandowskiego, W. Wojdyły, G. Radomskiego. – Toruń, 2013. – 321s.

19. Macierewicz: Rosja największym zagrożeniem dla bezpieczeństwa świata // Rzeczpospolita. – 2016. – 15.06. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rp.pl/Rzad-PiS/160619456-Macierewicz-Rosja-najwiekszym->

zagrozeniem-dla-bezpieczenstwa-swiata.html#ap-1 (accessed date: 06.12.2016).

20. Macierewicz: Rosja przygotowuje się do agresji przeciwko Polsce i NATO // Newsweek.pl. – 2016. – 19.04. [Electronic resource]. – URL: <http://www.newsweek.pl/polska/antoni-macierewicz-pis-o-agresji-rosji-wobec-polski-i-nato-,artykuly,384284,1.html> (accessed date: 06.12.2016).

21. Naszkowska K. Jarosław Kaczyński o Rosji - wczoraj i dziś / K. Naszkowska // Gazeta Wyborcza. – 2010. – 10.05. [Electronic resource]. – URL: http://wyborcza.pl/1,76842,7864975,Jaroslaw_Kaczynski_o_Rosji___wczoraj_i_dzis.html (accessed date: 07.12.2016).

22. Olszewski E. Pamięć społeczna i polityka historyczna w programach polskich partii politycznych / E. Olszewski // Środkowoeuropejskie studia polityczne. – 2013. – № 2. – S. 67-97.

23. Piechowicz Z. Katastrofa smoleńska. 24 teorie spiskowe / Z. Piechowicz, P. Pasiewicz // Oko.press. – 2016. – 06.07. [Electronic resource]. – URL: <https://oko.press/katastrofa-smolenska-24-teorie-spiskowe/> (accessed date: 18.11.2016).

24. Podpisanie rozporządzenia w sprawie KBWLLP // Ministerstwo Obrony Narodowej. Podkomisja ds. Ponownego Zbadania Wypadku Lotniczego. – 2016. – 04.02. [Electronic resource]. – URL: http://podkomisjasmolensk.mon.gov.pl/pl/1_12.html (accessed date: 25.04.2017).

25. Posiedzenie Podkomisji 10 kwietnia 2017 r. // Ministerstwo Obrony Narodowej. Podkomisja ds. Ponownego Zbadania Wypadku Lotniczego. – 2017. – 10.04. [Electronic resource]. – URL: http://podkomisjasmolensk.mon.gov.pl/pl/1_17.html (accessed date: 25.04.2017).

26. Prawo i Sprawiedliwość. Program 2005. IV Rzeczpospolita. Sprawiedliwość dla wszystkich. – Warszawa, 2005. – 144 s.

27. Proces Tomasza Arabskiego. Na liście świadków jest Donald Tusk // RMF24.pl. – 2017. – 04.04. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rmf24.pl/raporty/raport-lech-kaczynski-nie-zyje-2/fakty/news-proces-tomasza-arabskiego-na-liscie-swiadkow-jest-donald-tusk,nId,2377733> (accessed date: 25.04.2017).

28. Program Prawa i Sprawiedliwości 2014. Zdrowe. Praca. Rodzina. – Warszawa, 2014. – 168 c.

29. Prokuratura ws. ekshumacji ciał ofiar katastrofy smoleńskiej: Celem nie jest znalezienie trotylu // RMF24.pl. – 2016. – 09.11. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rmf24.pl/raporty/raport-lech-kaczynski-nie-zyje-2/fakty/news-prokuratura-ws-ekshumacji-cial-ofiar-katastrofy-smolenskiej-,nId,2303475> (accessed date: 25.04.2017).

30. Rosyjscy eksperci: "Gdy PiS jest u władzy, Rosja z Polską w ogóle nie rozmawiają" // Gazeta Wyborcza. – 2016. – 21.01. [Electronic resource]. – URL: <http://wyborcza.pl/1,75399,19509249,rosyjscy-eksperci-gdy-pis-jest-u-wladzy-rosja-z-polska-w.html> (accessed date: 07.12.2016).

31. Sierakowski S. Nu, Kaczyński, maładiec! / S. Sierakowski // Polityka. – 2016. – №5 (27.01-02.02). – S. 20-21.
32. Szacki W. Siedem lat pod brzozą / W. Szacki // Polityka. – 2017. – № 14 (05-11.04). – S. 12-14.
33. Uchwała Kongresu Założycielskiego “Prawa i Sprawiedliwości” z dnia 18 stycznia 2003 r. wzywająca Rząd Leszka Millera do prowadzenia zdolnej z interesem narodowym suwerennej polityki w zakresie zapewnienia bezpieczeństwa energetycznego państwa // Polska Scena Polityczna. – 2003. – № 2 (16-31.01). – S. 7.
34. Uchwała Zarządu Głównego “Prawa i Sprawiedliwości” z dnia 28.02.2004 r. w sprawie sytuacji międzynarodowej // Polska Scena Polityczna. – 2004. – № 4 (16-29.02). – S. 10-11.
35. Waszczykowski: jeśli Rosja domaga się od nas szacunku, my domagamy się tego samego // Rzeczpospolita. – 2016. – 16.11. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rp.pl/Dyplomacja/161119203-Waszczykowski-jesli-Rosja-domaga-sie-od-nas-szacunku-my-domagamy-sie-tego-samego.html#ap-1> (accessed date: 06.12.2016).
36. Wybory do Sejmu i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej 2015 // Państwowa Komisja Wyborcza. [Electronic resource]. – URL: http://parlament2015.pkw.gov.pl/349_Wyniki_Sejm (accessed date: 16.04.2017).
37. Zostaliśmy upoważnieni przez wyborców do obrony interesów Polski // Prawo i Sprawiedliwość. Aktualności. – 2016. – 25.05. [Electronic resource]. – URL: <http://pis.org.pl/aktualnosci/zostalismy-upowaznieni-przez-wyborcow-do-obrony-interesow-polski> (accessed date: 17.11.2016).

УДК 332.322

ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ (ПРИМЕР РОССИИ И ПОЛЬШИ)

Савенков Роман Васильевич

*кандидат политических наук, доцент
исторического факультета*

Воронежского государственного университета

e-mail: savenkovr@yandex.ru

Аннотация. *Оценивается роль Римско-Католической Церкви и Русской Православной Церкви в современных политических процессах Польши и России. Отличающиеся традиции в отношениях между государством и Церковью, а также разные источники ресурсов формируют различные позиции Церквей к оппозиции. Русская Православная Церковь не стала пространством появления и развития оппозиционных идей и организаций. Римско-Католическая Церковь не стремится официально поддерживать какие-либо политические силы, пытаясь сохранить образ морального арбитра, интегрирующего нацию.*

Ключевые слова: *оппозиция, Русская Православная Церковь, Римско-Католическая Церковь.*

THE ROLE OF RELIGIOUS INSTITUTIONS IN THE CREATION OF POLITICAL OPPOSITION (CASES OF RUSSIA AND POLAND)

Savenkov Roman

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Faculty of History,
Voronezh State University
e-mail: savenkovr@yandex.ru*

Summary. *The role of the Roman Catholic Church and the Russian Orthodox Church in contemporary political processes is assessed. Different traditions in the relationship between the authority and the Church, as well as various sources of resources, form different relation of the Churches to the opposition. The Russian Orthodox Church did not become a space for the emergence and development of opposition ideas and organizations. The Roman Catholic Church in Poland does not seek to officially support any political actors, trying to preserve the image of a moral arbiter, which integrating the nation.*

Key words: *Opposition, Russian Orthodox Church, Roman Catholic Church*

Влияние религиозной принадлежности на способность общества к модернизации социально-политических и экономических институтов и практик является объектом пристального внимания социологов и политологов со времени выхода книги М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» в 1905 г. Ключевую роль Римско-Католической Церкви (далее - РКЦ), которая в данный период почти неизменно противостояла авторитарным режимам, в процессах демократизации 1970-80-х годов отмечал С. Хантингтон: «Это превращение католической церкви из оплота status quo, как правило, автори-

тарного, в силу, служащую переменам, как правило, демократическим, представляет собой величайший политический феномен» [21, с. 90]. Позитивную роль РКЦ в демократических преобразованиях в Польше, Чили, Бразилии позднее подтвердили А. Степан и Х. Линц [30, р. 15]. В другой своей известной работе С. Хантингтон считает ислам организующей силой противодействия авторитарным режимам в мусульманском мире. В 1980-90-х исламские движения преобладали в среде оппозиционных движений в мусульманских странах и часто монополизировали их [22, с. 169-170].

Православие является наиболее многочисленной религиозной конфессией в России, а Русская Православная Церковь (далее - РПЦ) – самой влиятельной общественной организацией. Распространено мнение о том, что православие в целом значительно тормозит модернизационные процессы в обществе, в отличие от протестантизма [24, с. 68]. Более того, РПЦ демонстративно сближается с государственной властью, становясь важным легитимирующим инструментом правящего режима [2, с. 17; 26, с. 5-6]. Нехарактерное для западного мира переплетение интересов государства и церкви отмечал ещё Н.М. Карамзин [8], считая это не только исторически оправданным, но и, говоря языком А. Тойнби, цивилизационной особенностью России. С. Хантингтон отмечал, что «православная церковь всегда находилась под сильным государственным контролем» [22, с. 212].

В тоже время и Римско-католическая церковь относительно недавно стала духовным защитником универсальных человеческих ценностей в политических процессах. На глобальном уровне перемены инициировал папа Иоанн XXIII, специально созвавший в 1963-65 гг. II Ватиканский собор. Второй Ватиканский собор подчеркнул законность и необходимость социальных изменений, важность коллегиальных действий епископов, священников и мирян, обязанность помогать бедным, права личности, преходящий характер социальных и политических структур. РКЦ заняла четкую позицию по проблемам, волнующим современное общество [9].

В данной статье на примерах современных Польши и России мы попытаемся раскрыть роль Церкви в формировании и функционировании одного из институтов демократического режима – политической оппозиции.

Церковь в политических процессах современной Польши

Польша относится к числу стран с самой высокой религиозностью населения, а по удельному весу верующих она традиционно занимает первое место в Европе [25, с. 68]. Религиозность рассматривается поляками как неотъемлемая черта польской идентичности [11, с. 172-174]. Может быть поэтому в период социалистической Польши, когда традиционной польской идентичности угрожала официальная пропаганда, уровень религиозности был выше, чем в период современной демократической Польши. В 1991 году верующими католиками называли себя 93,9% поляков, еще 3,2% были иных вероисповеданий и только 2,9% не относили себя ни к какой конфессии. Но к 2011 г. число католиков уменьшилось до 89,6%, а число атеистов возросло до 8% [28].

Действительно, католицизм, Римско-Католическая Церковь (далее – РКЦ) всегда играли в общественной и политической жизни Польши важную роль. Польская церковь поддерживала идеи национальной независимости как в XIX в., так и во второй половине XX в. Хотя церковные иерархи являлись носителями антикоммунистических ценностей, Костел в социалистической Польше поначалу избегал прямого конфликта с властями. Церковь усиливала свое влияние в гражданских сферах жизни общества [1, с. 68-69], часто исполняла либо роль посредника, либо роль только духовной опоры оппозиции. Для обычных граждан Костел стал территорией свободы [25, с. 69].

Избрание главой Римско-Католической Церкви Иоанна Павла II (до избрания - архиепископ в г. Краков) в 1978 г. многократно усилило стремление к духовному раскрепощению поляков. После вступления на папский престол Иоанна Павла II Римско-Католическая Церковь перешла к активным формам противостояния авторитарным режимам по всему миру. В марте 1979 г. в своей первой энциклике Иоанн Павел II осудил нарушения прав человека и прямо назвал Церковь «стражем» свободы, «каковая есть условие и основа истинного достоинства человеческой личности» [21, с. 95]. Большое значение для расширения массовой поддержки оппозиционных движений имели визиты главы Ватикана в Польшу и другие неконкурентные политические режимы. Другими словами, Ватикан создавал условия для поддержки священнослужителями оппозиционных организаций и моральной поддержки сопротивлению авторитаризму.

Одновременно власти социалистической Польши предприняли попытку расколоть клир, привлечь на сторону государства наиболее послушных священников. Кризис 1976 г., сопровождавшийся массовыми выступлениями рабочих, создал условия для первого опыта взаимодействия интеллигенции и церковной иерархии против социалистического государства. Интеллигенция встала на защиту гражданских прав верующих. Иоанн Павел II усилил осуждение авторитарных режимов, нарушающих права личности и общественных объединений. Это сделало Церковь активным борцом за демократические преобразования.

Польские католические иерархи осуждали насильственную делегализацию «Солидарности» в 1981 г., но при этом старались не допустить столкновений противостоящих групп. После введения военного положения в декабре 1981 г. Костел помог организовать «Солидарности» целую сеть общественного сопротивления режиму, оказывая организационную и финансовую помощь. Костел демонстрировал готовность выступить посредником на переговорах между правительством и оппозицией. По этой причине в сотрудничестве с Церковью были заинтересованы как оппозиция, так и государство. Как указывает Л. Люкс, «церковь после 1945 г. играла двойственную роль, будучи, с одной стороны, защитником, с другой – усмирителем для критически настроенных к режиму сил. Она заботилась как о том, чтобы огонь сопротивления в стране никогда не погас, так и о том, чтобы он не превратился в опасное пламя» [10, с. 147].

С ослаблением правящего социалистического режима во второй половине 1980-х РКЦ начала открыто поддерживать движение «Солидарность» и его лидера Л. Валенсу. Через своих представителей Костел сыграл важную роль в подготовке работы «Круглого стола», начавшей процесс демократических реформ.

В результате активной политической деятельности в борьбе с «коммунистической системой» РКЦ в 1991 г. воспринималась поляками как наиболее влиятельный политический актор в стране, опередив по уровню доверия как «Солидарность», так и старую социалистическую элиту. Высокий авторитет Костела не позволил им остаться в стороне от проблем, волновавших их прихожан, и побудил духовенство активно включиться в политические дискуссии и процессы.

РКЦ добилась принятия закона в 1989 г., согласно которому Церкви гарантировались возврат имущества, отнятого при социализме, ряд других льгот: право торговать землей и недвижимостью, признавались налоговые льготы, гарантировалось социальное обеспечение, возможность создания собственных радиостанций и телеканалов [11, с. 186]. В мае 1990 г. Конференция польских епископов выступила с инициативой возвращения преподавания религии в общеобразовательных школах, а уже в сентябре того же года 95,8% учащихся заявили о желании изучать религию. Конституционный трибунал Польши подтвердил законность действий Министерства образования по введению уроков религии [27, s. 169-170].

Переходный к демократии период принес католической церкви столь богатый, столь и противоречивый политический опыт. Она сразу энергично включилась в перестройку политической системы страны и очень скоро оказалась перед выбором: встать на одну из сторон или остаться над схваткой, выступая в роли арбитра, не рискуя своим авторитетом. В обстановке глубокого кризиса общественного сознания проявились новые идеологические и политические амбиции части духовенства. РКЦ предстала в глазах поляков чрезвычайно мощной структурой, со слишком большим влиянием. По наблюдению О. Сиденко, Римско-Католическая Церковь сыграла явно деструктивную роль в процессе разработки и принятия новой Конституции Польши 1997 г., агитируя против проекта и затрудняя работу Конституционной комиссии в 1995 г. [16, с. 75-76].

Это поставило отношения церкви и государства в новые, неожиданные, для всего общества неприемлемые рамки. Критиковались, прежде всего, своего рода «реваншизм», политическая ангажированность духовенства, лоббирование им определенных политических сил. Наиболее последовательными в критике политических амбиций Церкви, в проведении принципа отделения Церкви от государства были социал-демократы [25, с. 71-71].

Итак, с разрушением социалистической системы в Польше Костел не снизил своей политической активности. Хотя в Польше не возникло значимой христианско-демократической партии [11, с. 27], польские церковные иерархи активно вмешиваются в электоральные процессы. Многие из них в своих проповедях прямо или косвенно агитировали прихожан голосовать за конкретных кандидатов на пре-

зидентских или конкретные партии на парламентских выборах, выступая, как правило, против левых кандидатов.

Более того, Костел в Польше активно борется за запрет аборт и изучение религии в школах. Проблема абортов расколола не только духовенство, но и польское общество. При этом сторонники легализации абортов опасаются публично выражать свое мнение, т.к. священники во время проповеди называют их имена и подвергают суровому осуждению. Преподавание религии в школах не привело к безусловному повышению уровня религиозности среди молодежи. Другими словами, вовлечение духовного института в политическую жизнь не всегда приводит к решению духовных проблем. Более того, социологи фиксируют снижение уровня религиозности в молодежной среде во всех европейских государствах. «Молодежь, как и большинство польского общества, готово принять в религии то, что соответствует их представлениям о жизни, что не мешает их привычному бытию, основанному скорее на конформизме, чем на религиозном рвении» [11, с. 175].

В настоящее время клир присутствует на политической арене в неявной форме, как правило, демонстрируя отказ от откровенного политиканства и «беспристрастие». Его линия по форме аполитична, хотя на деле она привносит в политику моральные требования борьбы за справедливость, за соблюдение христианской этики. Духовенство активизируется в период избирательных кампаний, привлекая к ним верующих. Не заявляя открыто о поддержке тех или иных кандидатов в президенты или депутаты, представители духовенства достаточно понятно формулируют свои мировоззренческие и политические предпочтения [25, с. 73].

В современных условиях Римско-Католическая Церковь в Польше, обретая признаки политического субъекта, отчасти утратила образ арбитра политических баталий. Хотя многие поляки не одобряют политическую ангажированность религиозных институтов и чрезмерное присутствие церкви в общественной жизни, Костел был и остается защитником национальной идентичности поляков, сохраняя высокий рейтинг общественного доверия. В декабре 2016 г. в период обострения конфликта между парламентской оппозицией и правящей фракцией «Право и Справедливость», авторитетные церковные иерархи заявили о сохранении РКЦ дистанции и содействия диалогу между конфликтующими сторонами. Например, кардинал Казимеж

Ныч призывал препятствовать разрушению национального единства эгоистическими и партийными интересами [29].

Итак, Церковь и государство в Европе всегда находились в конкурентных, даже конфликтных отношениях. В результате революционных потрясений в Европе в Новое время Церковь потеряла все юридические права в отношении мирян, что вынудило её трансформироваться в общественный институт, который стремился к сохранению влияния на политиков [15, с. 149, 163]. В обстановке подавления всех форм политической оппозиции, Римско-Католическая Церковь оставалась единственным относительно автономным общественным институтом. Это позволило РКЦ сыграть важную роль в борьбе с социалистической системой и подтолкнуть к договорному варианту перехода к демократическому режиму [10, с. 147]. В период консолидации демократии (1990-е годы) церковные иерархи позволяли себе вмешиваться в электоральные и политические процессы Польши, навязывая свои политические симпатии прихожанам.

С ослаблением левых политических сил, иерархи РКЦ подчеркивают главную цель Церкви – укрепление духовных оснований современного общества, распространение справедливости, но не политическое вмешательство [7, с. 65]. В этом состояла уникальность позиции Церкви - находиться над политической схваткой, подталкивать конфликтующие стороны к компромиссу и выступать монопольным защитником вечных и универсальных ценностей.

Церковь в политических процессах современной России

Русская православная церковь (далее - РПЦ) – является наиболее многочисленной религиозной конфессией в России, а также рассматривается в качестве культуро-образующего фактора русской нации. Исторически сложившийся особый статус РПЦ позволяет определять её как наиболее значимого негосударственного субъекта публичной сферы [3, с. 97], который занимает устойчиво высокие позиции по уровню доверия населения [6].

По данным социологических исследований Левада-Центра, в феврале 2016 г. треть россиян отмечают важную роль религии в их жизни (очень важную – 6%, довольно важную – 28%). Ещё меньше респондентов считают, что церковь должна оказывать влияние на принятие государственных решений: определено да – 6%, скорее да – 18% [23]. При этом православными себя считали в 2013 г. 68% (в

2002 г. – 56%). Несмотря на рост числа респондентов, которые причисляют себя к какой-либо религии, доля активно верующих остается незначительной. Раз в месяц и чаще посещают церковные службы лишь 14% респондентов. За последние годы религиозный энтузиазм даже поутих, поскольку в 2007 году таких было 20%. Большинство верующих предпочитает заходить в церковь один (16%) или несколько раз в год (17%). 13% прихожан бывают на службах раз в несколько лет. Никогда не посещают церковь 35% россиян [14]. Как заметил директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) В. Федоров, «возвращение посткоммунистической России к православию носит сугубо поверхностный, ритуальный характер, реального воцерковления нации не произошло» [20].

С началом трансформации советской политико-экономической системы РПЦ заняла позицию духовного авторитета, стоящего над политическими схватками. В 1995 г. Патриарх Алексий II заявил, что участие религиозных организаций в выборах «превратит религиозный фактор в жизни страны, до сих пор бывший фактором мира и стабильности даже в условиях кровопролитных конфликтов, в новый фактор противостояния». Эти принципы взаимоотношений Церкви с политическими организациями были приняты Архиерейским собором, состоявшимся в 1997 году, на котором приветствовался диалог и контакты Церкви с политическими организациями только в том случае, если подобные контакты не носят характера политической поддержки. Однако неучастие священнослужителей и паствы в политической борьбе, в деятельности политических партий и в предвыборных процессах не означает их отказа от публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам, от представления этой позиции перед лицом органов власти любой страны на любом уровне [3, с. 99].

Участие православных мирян в деятельности органов власти и политических процессах может осуществляться в двух формах: индивидуальной, так и в рамках особых христианских (православных) политических организаций. В обоих случаях они имеют свободу выбора и выражения своих политических убеждений, принятия решений и осуществления соответствующей деятельности. В то же время миряне, участвующие в государственной или политической деятельности индивидуально или в рамках различных организаций, делают это самостоятельно, не отождествляя свою политическую работу с позицией Церкви и не выступая от ее имени. При этом высшая церковная

власть не дает специального благословения на политическую деятельность мирян. [3, с. 100]. Названный Архиерейский Собор определил пространство сотрудничества Церкви и партий как допустимое «в целях, полезных для Церкви и народа, при исключении интерпретации подобного сотрудничества как политической поддержки». Все формы политической ангажированности Церкви принципиально отвергаются РПЦ [13].

В 2000-е годы отношения с государством РПЦ выстраивает в соответствии с Основами социальной концепции Русской православной церкви [12] – официального документа, утвержденного на юбилейном Архиерейском соборе 2000 года, в котором представлено понимание современной ситуации, выраженное с сознательно консервативных, традиционалистских позиций. Основы социальной концепции излагают базовые положения учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем.

Официально РПЦ не отдает предпочтения той или иной политической организации или политическому лидеру, а проповедует мир и сотрудничество людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она также допускает наличие различных политических убеждений среди ее епископата, клира и мирян. Однако участие священнослужителей в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, включая выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов представительной власти всех уровней, не допускается. В то же время ничто не должно препятствовать участию иерархов, священнослужителей и мирян, наравне с другими гражданами, в народных волеизъявлениях путем голосования.

В целом, Церковь сохраняет лояльность государству, акцентируя внимание на воспитании нравственности и формировании в обществе моральных ценностей, присущих Православию. Опираясь в ряде вопросов на государство, РПЦ следует принципу, не позволяющему государственным структурам проникать в церковные дела, одновременно оставаясь важнейшим субъектом публичной сферы [3, с. 108].

Расширение участия РПЦ в политическом процессе наблюдатели фиксируют с 2004 года, когда будущий патриарх Кирилл, тогда митрополит, представил на Всемирном русском соборе доктрину «православной цивилизации». В основе идеи Кирилла лежит мысль Сэмюэля

Хантингтона из его работы «Столкновение цивилизаций» о существовании сталкивающихся различных цивилизационных миров. Православная цивилизация была представлена им как особое геополитическое образование. Выступление Кирилла подстегнуло ряд церковных иерархов к выстраиванию доктрины политического православия. В 2006 г. В. Чаплин сформулировал «Пять принципов политического православия», для которого были характерна имперская идея. Верующие тяжело переживали разрушение СССР - в их сознании советское пространство было сакральной русской землей [18]. В дальнейшем, эта идея не получила продолжения в официальном дискурсе главы РПЦ.

С началом деятельности патриарха Кирилла (2008 г.) началась реформа Церкви как института, с целью увеличения информационной открытости и углубления взаимодействия с государством, с целью модернизации [24, с. 68]. Церковные иерархи подчеркивают свои прочные личные связи с первыми лицами государства. Это помогает РПЦ решать многие проблемы религиозной жизни общин. Кроме того, РПЦ имеет обширную сеть структур (приходы, академии, семинарии, школы, приюты), поддержание и развитие которой требует постоянного взаимодействия с властью [13]. Официально Церковь исходит из необходимости гарантировать свободу совести и убеждений граждан. Демократический идеал светскости заключается в отказе политиков выносить суждения по религиозным вопросам. РПЦ отрицательно относится к процессу превращения религии из «общего дела» в «частное дело». РПЦ возвращается к политике опосредовано, увязывая политические изменения с духовным возрождением общества. Такое положение РПЦ привело к тому, что священнослужители представляют интересы не столько прихожан, сколько правящего класса [5, с. 89].

Выводы

Католицизм в Польше и православие в России нельзя рассматривать только как религиозное явление: традиционная религия является частью национальной идентичности как поляков, так и русских. Римско-Католическая Церковь в Польше и Русская Православная Церковь в России являются влиятельными участниками общественно-политической жизни. Общей чертой церковных институтов в современных Польше и России является сохраняющийся высокий автори-

тет среди граждан (относительно других общественных институтов) и значительный организационный потенциал. В тоже время, влияние Церкви в России определяется строгой внутренней дисциплиной и тесными связями церковных иерархов с государственной системой, значительными лоббистскими возможностями РПЦ. По этой причине Русская Православная Церковь не может стать пространством появления и развития оппозиционных идей и организаций. В сравнении с РПЦ Римско-Католическая Церковь не является столь же дисциплинированной и единой: церковные иерархи позволяют себе высказывать разные мнения и поддерживать разные политические силы. В тоже время РКЦ в Польше с развалом социалистической системы потеряла ореол единственного свободного общественного института. Активное участие РКЦ в политической жизни скорее снижает доверие к ней. Видимо поэтому представители Церкви все чаще заявляют о необходимости дистанцирования от субъектов политической борьбы. Как заметили А. Степан и Х. Линц, для того, чтобы демократия и религия развивались, необходимо разделение между религией и государством, порождающее «двойную терпимость» - взаимное невмешательство религиозных центров влияния и государственных служащих [30, р. 17].

Литература

1. Аляев А.В. Политические процессы в Польше в переходный период: опыт трансформации внутренней и внешней политики в 1989-1998 гг. / А.В. Аляев. – М., 2003. – 170 с.
2. Ахиезер А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. - 3-е изд. испр. и доп. – М. : Новое издательство, 2013. – 496 с.
3. Баранов Н.А. Церковь и государство: формы взаимодействия / Н.А. Баранов // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та. – 2009. – №4. – С. 97-108.
4. Богданова Е. Может ли религия способствовать демократии? / Е. Богданова // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007. – №1. – С. 74-91.
5. Зоркая Н.А. Православие в постсоветском обществе / Н.А. Зоркая // Общественные науки и современность. – 2013. - №1. – С. 89-106.

6. Деятельность общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения: 02.05.2017).
7. Кальвез Ж.-И. Глобализация и Церковь / Ж. Кальвез // Политические исследования. – 2008. - №2. – С. 61-67.
8. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 127 с.
9. Красиков А.А. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим / А.А. Красиков. – М. : Ин-т Европы РАН : Рус. Сувенир, 2012. – 104 с.
10. Любин В. Костел и коммунистическое правление в послевоенной Польше / В. Любин // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. - №7. – С. 146-148.
11. Лыкошина Л.С. «Польско-польская война». Политическая жизнь современной Польши: Монография. / Л.С. Лыкошина. – М. : ИНИОН РАН, 2015. – 258 с.
12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского патриархата [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 16.01.2010).
13. Рябых Ю.А. Политические партии России и Русская Православная Церковь / Ю.А. Рябых // Полития. – 2004. - №1. – С. 124-148.
14. Россияне считают себя верующими, но в церковь не ходят. Пресс-выпуск Левада-Центра от 24.12.2013 г. // Левада-Центр [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/2013/12/24/rossiyane-schitayut-sebya-veruyushhimi-no-v-tserkov-ne-hodyat/> (дата обращения: 02.05.2017).
15. Салмин А.М. Церковь, государство и политика в католическом мире / А.М. Салмин // Политические исследования. – 2005. – №6. – С. -147-171.
16. Сиденко О.А. Конституционный процесс в условиях демократической трансформации в Польше: конец 1980-х – начало 2000-х гг.: Диссертация... канд. полит. наук. : 23.00.02 / О.А. Сиденко. – Воронеж, 2005. – 339 с.
17. Ситников А.В. Влияние православия на социальную активность и политические ценности граждан России / А.В. Ситников // Полития. – 2007. - №3. – С. 93-99.
18. Кнорре Б. «Соблазн ощущать себя героем «священной битвы» слишком велик» // Новая газета. – 2016. – 20 янв. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/01/20/67112-soblazn-oschuschat-sebya-geroem-171-svyaschennoy-bitvy-187-slishkom-velik> (дата обращения: 23.04.2017).

19. Политическое православие как идеология, оправдывающая войну со всем миром. Интервью с Б. Кнорре // Новая газета. – 2016. – 20 янв. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/01/20/67112-soblazn-oschuschat-sebya-geroem-171-svyaschennoy-bitvy-187-slishkom-velik> (дата обращения: 23.04.2017).
20. Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени / В. Федоров // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=114379> (дата обращения: 02.05.2017).
21. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX-го века / С. Хантингтон. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.
23. Церковь и государство. Пресс-выпуск Левада-Центра от 19.02.2016 г. // Левада-Центр [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2/> (дата обращения: 02.05.2017).
24. Чимирис Е.С. Церковь и модернизация в России: в поиске новых ценностных основ / Е.С. Чимрис, С.П. Донцев // Политические исследования. – 2010. - №6. – С. 68-75.
25. Яжборовская И.С. Церковь и государство в послевоенной Польше / И.С. Яжборовская // Полития. – 2002. - №4. – С. 68-80.
26. Chawryło K. Sojusz Ołtarza z Tronem. Rosyjski Kościół Prawosławny a władza w Rosji / K. Chawryło // Prace Ośrodka Studiów Wschodnich. – №54. – grudzień 2015. – 42 p.
27. Dudek Antoni. Historia polityczna Polski 1989-2012 / Antoni Dudek. – Kraków : Wydawnictwo Znak, 2013. – 672 s.
28. Kościół w Polsce/ Instytut Statystyki Kościoła Katolickiego SAC [Electronic resource]. – URL: <http://www.iskk.pl/kosciolnaswiecie.html> (accessed date: 12.02.2017).
29. Tomasz Krzyżak: Nie czas na głos Kościoła ws. sporu w Polsce // Rzeczpospolita . –2016. – 19.12. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rp.pl/Analizy/161219041-Tomasz-Krzyzak-Nie-czas-na-glos-Kosciola-ws-sporu-w-Polsce.html#ap-1> (accessed date: 25.12.2016).
30. Stepan Alfred. Democratization Theory and the “Arab Spring” / A. Stepan, J. Linz // Journal of Democracy. – April 2013. – Volume 24. – №2. – P. 15-30.

**ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ
В СТРАНАХ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ
(НА ПРИМЕРЕ СЛУЧАЯ ХОРВАТИИ)**

Истомина Полина Владимировна

студентка магистратуры

МГИМО(У) МИД России

e-mail: polina.istomina.94@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные территориальные споры между Хорватией и граничащими с ней странами бывшей Югославии, а именно Боснией и Герцеговиной, Сербией, Словенией, Черногорией. Определяются предмет, позиции сторон и ход развития пограничных споров, подчеркивается воздействие фактора европейской интеграции на процесс урегулирования данных разногласий.

Ключевые слова: территориальные споры, пограничные споры, Балканский полуостров, Хорватия, Европейский Союз

**TERRITORIAL DISPUTES IN THE COUNTRIES
OF THE FORMER YUGOSLAVIA (CASE OF CROATIA)**

Istomina Polina

Master Degree Student, Moscow State University

of International Relations (MGIMO University)

e-mail: polina.istomina.94@mail.ru

Abstract. This article refers to the contemporary territorial disputes between Croatia and its neighbors, including Montenegro, Bosnia and Herzegovina, Serbia, Slovenia. The author considers the subject of border disputes, positions of disputing parties and the process of reconciliation, and also highlights the impact of the European Union on reconciliation.

Key words: territorial disputes, border disputes, Balkans, Croatia, European Union

Распад Югославии привел к формированию новых суверенных государств, обладающих неурегулированными границами, что повлекло за собой череду споров территориального и этнотерриториального характера. Действовавшие в рамках СФРЮ внутренние границы между союзными республиками были проведены на основе по-

литических и экономических соображений, но не учитывали особенности расселения народов Балканского полуострова и возможности коллапса всей страны. Помимо этого, ряд инфраструктурных объектов и строений находился в общей собственности соседствующих республик, а в отношении морских границ демаркация и вовсе не была применена, так как прилегающее водное пространство Адриатического моря считалось федеральным [16, р. 2]. Результатом отсутствия жестких правил проведения границ стала их нестабильность, которая проявилась в 1990-2000-х гг. и привела к необходимости искать пути решения вопросов оспариваемых территорий.

С точки зрения многообразия спектра существующих споров, интересен случай Хорватии. Вслед за Словенией она провозгласила свою независимость 25 июня 1991 года, став второй республикой, вышедшей из состава СФРЮ. Географическое положение, нестандартная форма территории и протяженные границы во многом обусловили большое количество образовавшихся территориальных споров. С течением времени оказалось, что из всех республик бывшей Югославии Хорватия не имеет территориальных претензий только к одной стране – Македонии, - по причине отсутствия общих границ. Тем не менее, со всеми остальными странами бывшей Югославии — Сербией, Словенией, Черногорией, Боснией и Герцеговиной, разногласия имелись. Новый импульс развитию территориальных споров Загреба с этими государствами придало начало процесса вступления Хорватии в Европейский Союз. В связи с этим возникли новые сложности, так как одним из условий участия Хорватии в региональном объединении государств были стабильные границы (политический аспект Копенгагенских критериев) [13] и урегулированные двусторонние противоречия. В наибольшей степени фактор влияния Европейского Союза проявился в случае территориальных разногласий с Любляной.

Вопрос раздела как водного, так и сухопутного пространств между Словенией и Хорватией возник незамедлительно после провозглашения странами независимости 25 июня 1991 года и их международного признания в 1992 году. Предметом вопроса стали Пиранский залив в Адриатическом море, связанный с ним вопрос принадлежности территории в нижнем течении р. Драгонья (находится на полуострове Истрия), территория вдоль р. Мура и атомная электростанция в словенском городе Кршко [1, с. 103]. Последняя являет собой пример

замороженного спора граничащих друг с другом стран, которые не выдвигают свои притязания на исключительное пользование станцией, однако Словения сделала ряд обвинений в сторону Хорватии о неуплате ее обязательств по функционированию станции [15]. Причина этого в том, что АЭС была введена в строй в начале 1980-х гг. и строилась как совместная собственность Хорватии и Словении. На настоящий момент станция обеспечивает часть потребности в электроэнергии как в Хорватии, так и в Словении, однако после выявления признаков изношенности аппаратуры были запланированы этапы ее постепенного закрытия.

Особое место в перечне территориальных претензий Хорватии занимает нерешенный до сих пор билатеральный спор со Словенией относительно принадлежности Пиранского залива, который на протяжении более двух десятков лет превратился в проблему международного масштаба и потребовал посреднического вмешательства третьей стороны. Параллельно с политическим измерением спора происходили инциденты и на общественном уровне: незаконное рыболовство в территориальных водах; единичные акты протеста, такие как самодельный шлагбаум местного словенского жителя Йошки Йораса, установленный в 2008 году [7, р. 149-150]; дебаты и карикатуры в СМИ [12, р. 443]. Вопрос раздела водной территории уходил корнями в историю и вновь проявился сразу после выхода Хорватии и Словении из Югославии, когда специально созданная комиссия под председательством Роберта Бадинтера, легализовавшая суверенитет двух стран, смогла определить только сухопутные границы между государствами [11, р. 940], основываясь на принципе международного права «поскольку владеете» - *uti possidetis* [18, р. 591, 693], согласно которому новообразованные страны сохраняют свои границы, какими они обладали, когда были колониями, либо административными единицами того или иного государства. Морские границы, в свою очередь, не были установлены, а береговая линия Словении оказалась равна 46 км (хорватская – 1700 км, если учитывать также и прилегающие острова), в результате чего Словения могла получить доступ к открытому морю только посредством пересечения территориальных вод Хорватии (либо Италии) [4]. Данный факт означал зависимость Словении от разрешений Хорватии (Италии) входить в ее водное пространство, что, несомненно, ограничивало суверенитет. Решение проблемы принадлежности залива было связано с определением сухопутной границы на полуострове Истрия.

Так возникла необходимость делимитации реки Драгонья, которая берет свое начало в Пиранском заливе. Исторически сложилось, что исток Драгоньи обладает двумя руслами: непосредственно русло данной реки (граница, по мнению Хорватии) и искусственно вырытый в 1905 году канал Св. Одорика (граница, по мнению Словении), расстояние между которыми составляет 2-3 км [20, р. 11].

В целом, в течение 1990-х гг. стороны выработали свои позиции, основываясь на пунктах 15 статьи Международной конвенции ООН о морском праве 1982 года. Хорватия ссылаясь на первую часть статьи, которая гласит, что морская граница должна быть равноудалена от суши. Словения, в свою очередь, фокусировала внимание на второй части, согласно которой граница должна проводиться в связи с исторической принадлежностью земель [3, с. 178]. Это и послужило основой расхождений: Хорватия предлагала поделить береговую линию поровну и лишить Словению прямого доступа к международным водам; Словения была готова согласиться с неравной протяженностью береговых линий, но требовала беспрепятственного прохода к открытому морю. Выдвижение предложений об урегулировании стартовало с 1991 года в виде инициативы Словении, а в 1999 году Хорватия опубликовала Декларацию о ситуации в межгосударственных отношениях Хорватии и Словении [20, р. 12], в которой впервые речь шла о возможной передаче вопроса о границах на рассмотрение международному институту (в качестве такового в Декларации указывался Международный трибунал ООН по морскому праву). Принятие данного решения указывало на неэффективность двустороннего взаимодействия и отражало замкнутость круга существующих возможных шагов для руководства соседствующих государств. Окончательное решение о переходе билатерального спора в компетенцию международного судебного органа (планировалось передать дело в Международный суд ООН в Гааге) произошло в 2007 году с подписанием соглашения в г. Блед [11, р. 937].

Первая серьезная попытка урегулирования спора была предпринята премьер-министрами двух стран в 2001 году, она представляла собой соглашение о создании коридора в территориальных водах Хорватии для прохода словенских кораблей (Договор между Республикой Словенией и Республикой Хорватией относительно общей государственной границы). Данные действия продемонстрировали готовность сторон к участию в сообществе государств и в целом озна-

меновали переход к «новой политике» на Балканах. Однако попытка не увенчалась успехом, потому что не удовлетворяла позиции Хорватии и потому не была ратифицирована в парламенте, вызвав внутригосударственные дискуссии и критику со стороны экспертов-юристов [17, р. 343]. В итоге из-за проявившейся аморфности в урегулировании спора обе стороны начали осуществлять политику давления, выразившуюся в проведении политических акций. Так, например, Хорватия в 2003 году издала Декларацию о экологической зоне и зоне для защиты рыбных запасов, чему предшествовали оживленные дебаты в политической среде [11, р. 937]. Далее последовал словенский ход: с момента вступления Словении в Евросоюз в 2004 году и Шенгенскую зону в 2007 году положение Хорватии слегка пошатнулось, получив нового, обладающего более высоким международным статусом соседа. В результате в декабре 2008 года Словения для попытки ускорения решения спора в свою пользу применила вето на начало переговоров о вступлении между Хорватией и Европейской Комиссией, тем самым она использовало свое более привилегированное положение. Событие вызвало реакцию как со стороны Хорватии, так и со стороны стран ЕС, где действия Словении едва ли были одобрены [11, р. 938], а предпринятые меры были сведены к разработке возможного пути решения сложившейся ситуации.

На данном этапе отдельно следует обратить внимание на роль Европейского Союза как наднационального актора, продвигающего свои интересы и ценности в регионе, факт существования которого определил дальнейшее развитие спора. Позиция невмешательства Европейского Союза на первоначальных этапах объяснялась тем, что спор имел горизонтальный характер [6, р. 159-160], то есть его сторонами были страны-кандидаты, еще не вступившие в ЕС и не попавшие в сферу его непосредственной компетенции, кроме того, наличие большого количества собственных внутренних проблем и чувствительность вопроса разделения территории сыграли определенную роль. Комментируя положение дел в отношениях Словении и Хорватии, председатель комиссии по расширению Олли Рен сделал заявление в 2008 году о том, что «Еврокомиссия рассматривает все пограничные споры как двусторонние, которые не являются частью процесса интеграции» [10]. Это коррелировало с положениями заключений Совета ЕС относительно расширения и Процесса стабилизации и ассоциации, которые, помимо прочего, призывали к решению споров

в соответствии с международным правом и установленными принципами [9, р. 4]. После вступления Словении в сообщество в 2004 году спор о Пиранском заливе трансформировался в вертикальный, что вовлекло ЕС в двусторонний вопрос. Словения, в свою очередь, получила право действовать от лица всего Евросоюза для возможного продвижения его интересов и в одностороннем порядке использовать принцип условности в отношении стран, вступающих в сообщество. Характерны призывы руководства Словении к участию в разрешении спора Евросоюза в качестве арбитра. Тем не менее, Европейский Союз согласился быть только посредником в споре, признав факт того, что территориальный вопрос двух стран стал «европейским вопросом, пусть и не связанным с процессом вступления Хорватии в сообщество» [11, р. 938].

Вопрос блокирования вступления Хорватии в ЕС был урегулирован посредством подписания арбитражного соглашения 2009 года, которое перенесло решение спора до момента вступления Хорватии в Евросоюз. Оно было подписано 4 ноября в Стокгольме представителями Словении и Хорватии (Борут Пахор и Ядранка Косор, соответственно), и Евросоюза в лице премьер-министра Швеции. Парламент Словении одобрил это соглашение 51,5% голосов [19, р. 100], хотя именно Люблянну можно считать бенефициаром такого хода событий, так как Хорватия, во-первых, требовала передачи дела в Международный суд в Гааге, а во-вторых, не была заинтересована в каких-либо изменениях существовавшего пограничного статус-кво. Фактически подписание данного документа со стороны Хорватии явилось результатом давления отдельно со стороны Словении и Европейского Союза, который выбрал стратегию требования уступки третьей страны в обмен на ее вступление в объединение государств. Согласно документу, учреждался международный орган в формате *ad hoc* и в составе представителей Хорватии, Словении и трех международных экспертов из других стран, контроль над данным органом передавался Постоянной палате третейского суда, а посреднические функции переходили к ЕС [4]. В итоге, в мае 2011 года был сформирован трибунал, состоящий из пяти международных экспертов [11, р. 939], что окончательно открыло Хорватии дорогу в Евросоюз. Наконец, современный этап развития хорвато-словенских претензий можно охарактеризовать как вновь нестабильный. В 2015 году произошел скандал, связанный с нарушением принципа беспристрастности словенским

членом трибунала [4], что привело к выходу Хорватии из арбитражного разбирательства. Однако арбитражный суд продолжил свою работу даже без представителя Хорватии. На сегодняшний момент спор открыт и по-прежнему провоцирует недоверительные отношения между Хорватией и Словенией.

С Черногорией Хорватия имеет спорную водную территорию в районе полуострова Превлака (залив Котор), который помимо важного геополитического положения характеризуется потенциальными залежами нефти и газа, что повышает заинтересованность обеих сторон. Во избежание эскалации напряженности на полуострове в ходе югославских войн в 1992 году было достигнуто соглашение Ф. Туджмана и Д. Шосича о демилитаризации зоны и размещении представителей мирового сообщества - наблюдателей ООН [20, р. 8]. Соответственно, с 1992 по 2002 год на полуострове действовала Миссия наблюдателей ООН (МНООНПП) [22], которая была призвана в целях мирного урегулирования югославского кризиса контролировать демилитаризацию полуострова и в итоге была успешно завершена [1]. Дипломатические отношения Хорватии и Черногории отличались напряженностью, недоверием и недопониманием. Однако в контексте процессов евроинтеграции Хорватии и Черногории данный спор был переведен в мирное русло, а государства превратились в партнеров, имеющих общую евро-атлантическую цель. В 2001 году была сформирована комиссия по определению границ, в 2002 году стороны подписали двусторонний Протокол (Черногория на тот момент находилась в составе Малой Югославии), согласно которому продолжалась демилитаризация территории, а также устанавливался временный пограничный режим, и полуостров переходил во владение Хорватии, а Черногория получала ограниченные права в близлежащих водах [20, р. 8]. Так как данное соглашение носило непостоянный характер, следующим шагом была передача дела в 2008 г. в Гаагский суд для выработки решения о постоянной границе, кроме того, в 2013 году министр иностранных дел Черногории предложил создать комиссию по демаркации [15]. Следует отметить, что окончательно спор так и не был урегулирован. Вдобавок, временное решение, принятое в 2002 году, выгодно для хорватской стороны, тогда как у Черногории возникает беспокойство относительно двух проблем. Во-первых, Подгорица обеспокоена, что Загреб, будучи членом Евросоюза, может заблокировать ее вступление в ЕС из-за притязаний на Превлакский полуостров. Во-вторых,

исследования показали, что район Превлаки богат нефтью, поэтому как Хорватия, так и Черногория выдвинули тендеры на поиски нефти и газа в прилегающих водах, на которые откликнулись иностранные компании. Данные действия повлекли взаимные обвинения сторон, а также усилили давление на правительство Черногории со стороны оппозиции. Примечательно, что Черногория и Хорватия затруднялись выбрать рамочную структуру урегулирования спора: в 2015 году стороны достигли договоренности о передаче дела в Международный суд в Гааге, однако в 2016 году вернули его в сферу двусторонних отношений [20, р. 9].

Территориальные претензии к Сербии связаны с руслом реки Дунай, которая де-юре является границей между странами, что было закреплено в предложении комиссии Джиласа в 1945 г. Фактически спор из-за 14 тыс. гектаров обусловлен разным пониманием сторон линии прохождения границы по Дунаю. Так, власти Хорватии полагают, что линия демаркации должна проходить по старому руслу, которое было изменено из-за естественных причин — эрозии ландшафта и многочисленных наводнений; в то время как власти Сербии рассматривают в качестве пограничной линии современное русло Дуная. В итоге получилось, что часть территории Хорватии (около 10 тыс. гектаров) находится на правом, сербском, берегу реки; а, соответственно, часть сербских территорий — на левом, хорватском, берегу [20, р. 9]. Иначе говоря, по берегам реки образовались «карманы» в виде муниципалитетов Сербии и Хорватии. Решение спора посредством простого обмена территориями представлялось бы подходящим и логичным, если бы не разница в площади территорий. Не менее значимым вопросом относительно р. Дунай для Сербии и Хорватии являются права навигации [5, р. 2] и небольшие участки территории в русле реки — острова Вуковар и Шаренград. Претензии в отношении последних выдвигаются со стороны хорватских властей, основывающих свои требования на необходимости отмены решения комиссии Джиласа и переходе к разделению территорий по кадастровому принципу.

Вопрос территориальных разногласий встал на повестку дня только по завершении военных действий между Хорватией и Союзной Республикой Югославией. Специальная Межгосударственная дипломатическая комиссия для определения пограничной линии была учреждена в 2001 году, на следующий год прошло ее первое собрание

в Белграде. По итогам работы комиссии в 2002 году был подписан уже упоминавшийся временный Протокол, который устанавливал границы по линиям демаркации, существовавшим внутри Югославии между республиками. Так как окончательное решение не было согласовано, то комиссия продолжила свою работу. В 2011 году стороны обменялись меморандумами с изложенными в них позициями по вопросу разделения р. Дунай [20, р. 10-11], а в 2016 году на фоне активизации процесса европейской интеграции Сербии президент Хорватии К. Грабар-Китарович и премьер-министр Сербии А. Вучич подписали важную по значимости Декларацию по улучшению двусторонних отношений и решению значимых вопросов [14]. Документ состоит из шести пунктов, второй из которых касается начала переговорного процесса о линии демаркации и подчеркивает, что страны не имеют взаимных территориальных претензий, в ином случае необходимо обращение в международные судебные учреждения [8]. Несмотря на наметившееся потепление в отношениях двух в течение длительного времени противостоявших друг другу государств, правительство Сербии опасается действий, препятствующих вступлению страны в Европейский Союз, со стороны Хорватии.

Последствием неурегулированности границ Сербии и Хорватии стало создание самопровозглашенного квази-государства Либерленда, что только усложнило ситуацию с границами на Балканском полуострове. Предпосылкой к формированию данного территориального образования послужило наличие никому не принадлежащих территорий (*terra nullius*), таких как Горня Сига на р. Дунай. На данной ничейной земле в 2015 году чешский политик Вит Едличка провозгласил Свободную республику Либерленд, чем вызвал резонанс со стороны Сербии и Хорватии и одновременно совместные действия обеих стран (Либерленд был окружен полицией). На настоящий момент «государство» имеет флаг, конституцию, гимн, официальную валюту и несколько сотен тысяч граждан, подавших заявки на электронное гражданство Либерленда. Эпатажный проект был признан только двумя виртуальными государствами, однако в начале 2017 года его глава попытался установить контакты и получить признание от вступившего в должность Президента США Д. Трампа [21].

Пограничные споры с Боснией и Герцеговиной можно подразделить на два сюжета. Первый касается региона вокруг боснийского города Неум и, в частности, территории небольшого незаселенного по-

луострова Клек, который де-юре принадлежит Боснии и Герцеговине. Хорватия, ссылаясь на принцип *uti possidetis*, выдвигала претензии на окончательность данного полуострова и два необитаемых и непригодных для постройки каких-либо зданий и объектов в силу размера острова вблизи нее – Великий Школь и Малый Школь. Для Боснии и Герцеговины оба острова в Адриатическом море являются предметами даже символической значимости, так как протяженность береговой линии страны составляет около 20 км. Проблема заключается в разделенности территории Хорватии участком территории Боснии и Герцеговины длиной 9 км. При этом руководство Хорватии в течение длительного времени поддерживает идею постройки моста между континентальной частью страны и полуостровом Пелешац.

Вторым предметом претензий является замок в городе, расположенном на пограничной реке Уна: Хорватии принадлежит его северная часть – Хрватска-Костайница, а Боснии и Герцеговине – южная (Босанска-Костайница). В 1990-е гг. город входил в состав Республики Сербская Краина и был заселен преимущественно сербами. Замок Зринских, построенный в XIV в. членами рода Франкопанов и впоследствии принадлежавший другому знатному дворянскому роду Зринских, находится на хорватском берегу реки и является объектом культурного наследия.

Указанные претензии стали результатом небольшого по объему двустороннего Договора о государственной границе между Республикой Хорватией и Боснией и Герцеговиной, подписанного в Сараево в июле 1999 года в качестве продолжения Парижских мирных соглашений 1995 года [23]. Обозначенные в Договоре границы были определены специальной Межгосударственной дипломатической комиссией по границам, сформированной из представителей обеих стран. Договор предусматривал закрепление границ по состоянию на момент распада СФРЮ в 1991 г., морская граница проводилась в соответствии с Конвенцией о морском праве 1982 года. Несмотря на то, что документ не был ратифицирован, стороны фактически придерживаются его положений, поэтому весь полуостров Клек находится в рамках политического суверенитета Боснии и Герцеговины, а замок Зринских – в составе Хорватии. Однако в 2011 году на встрече президентов двух стран были разработаны дальнейшие варианты действий по урегулированию территориальных претензий, некоторые из которых не рассматривают данный договор в качестве основополагающего документа [20, р. 7].

Таким образом, рассматриваемые споры характеризуются длительной временной протяженностью, что указывает на сложность достижения взаимоприемлемого варианта решения. Несмотря на общую предпосылку возникновения вышеуказанных территориальных споров, они развивались по различным траекториям и сегодня находятся на разных этапах процесса урегулирования, однако можно отметить некоторые схожие черты. Прежде всего, первые серьезные попытки урегулирования всех данных споров были предприняты на рубеже XX-XXI вв., доказательством чего служат соглашения 1999 г. (с Боснией и Герцеговиной), 2001 г. (со Словенией), 2002 г. (с Сербией и Черногорией). Вместе с тем, успешным из них стало только последнее. Объединяющим моментом является и намерение государств привлечь третью сторону к разрешению спора, которой, как правило, являлся судебный орган – Международный суд ООН, специализированный трибунал и т.д. Кроме того, обозначенные территориальные споры повлекли за собой проблемы нового характера, например, экономические вопросы в случае с Черногорией, вопросы существования квази-государства и т.д.

К различиям относится, в первую очередь, предмет споров: некоторые оспариваемые территории не носят высокой материальной ценности («карманы» на р. Дунай), в то время как остальные обладают важным геополитическим и геоэкономическим положением (например, Пиранский залив, полуостров Превлака), что предопределяло интенсивность развития разногласий. Помимо этого, четко прослеживается амбивалентное влияние фактора европейской интеграции на данные споры. Так, в случае со Словенией он способствовал нарастанию напряженности, благодаря возможности использовать механизмы и инструменты сообщества государств с целью обеспечить свои национальные интересы; в случае остальных споров фактор евроинтеграции, вопреки всем опасениям стран, намеревающихся вступить в ЕС, оказал благотворное влияние на процесс урегулирования и способствовал установлению конструктивного диалога. Примером этого может выступить совместная Декларация 2016 года Хорватии и Сербии, в которой стороны обязались укрепить отношения.

В связи с вышеуказанными выводами, на окончательное решение территориальных споров Хорватии с прилежащими странами может повлиять участие третьей стороны в споре, в роли арбитра или посредника. Внешний фактор будет способствовать нормализации по-

граничной ситуации, а также послужит катализатором процесса мирного урегулирования. При этом такой подход будет релевантен и для других территориальных споров полуострова, характеризующихся схожими проблемами. Следует также отметить роль европейской интеграции, которая обладает двумя преимуществами в данном контексте: политическим влиянием и нацеленностью балканских стран на участие в Евросоюзе, что позволяет воздействовать на позицию того или иного государства бывшей Югославии, трансформируя ее в более компромиссную.

Литература

1. Качоровски М. Хорватско-словенский спор о Пиранском заливе / М. Качоровски // Журнал Польского института международных дел. – 2009. – Т.9, №4 (33). – С. 101-120.
2. Миссия наблюдателей Организации Объединенных Наций на Превлакском полуострове (МНООНПП) // Операции ООН по поддержанию мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/unmop/> (дата обращения: 15.04.2017).
3. Титова Т.А. К вопросу о некоторых проблемах применения Конвенции ООН по морскому праву / Т.А. Титова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2010. – №1. – С. 177-179.
4. Яблокова А. Пирангейтский скандал: уроки Балкан / А. Яблокова // РСМД. – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pirangeyskiy-skandal-uroki-balkan/> (дата обращения: 18.04.2017).
5. Balfour R. A bridge over troubled borders: Europeanising the Balkans / R. Balfour, D. Basic // Policy Brief. – 2010 [Electronic resource]. – URL: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_1170_a_bridge_over_troubled_borders.pdf (accessed date: 14.04.2017).
6. Bindi F. The Foreign Policy of the European Union: Assessing Europe's Role in the World/ ed. by F.Bindi, I.Angeliescu. – Washington, DC: The Brookings Institution, 2010 [Electronic resource]. – URL: http://hist.asu.ru/aes/FPEU_0815701403.pdf (accessed date: 16.04.2017).
7. Bufon M. The New European Frontiers: Social and Spatial (Re)Integration Issues in Multicultural and Borders Regions / M. Bufon, J. Minghi, A. Paasi. – Cambridge Scholars Publishing. - 2014. – 395 pp.
8. Deklaracija o unaprjeđenju odnosa I rješavanju otvorenih pitanja između Republike Hrvatske I Republike Srbije // Predsjednica. – 2016 [Electronic resource]. – URL: <http://predsjednica.hr/objava/1/1/1006> (accessed date: 15.04.2017).

9. Enlargement and Stabilisation and Association Process – Council conclusions // General Secretariat of the Council of the European Union. – Brussels, 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15356-2015-INIT/en/pdf> (accessed date: 16.04.2017).
10. Gateva E. European Union Enlargement Conditionality / E. Gateva. – Palgrave Macmillan, 2015. – 254 pp.
11. Geddes A. Those who knock on Europe's Door must Repent? Bilateral Border Disputes and EU Enlargement / A. Geddes, A. Taylor // Political Studies. – 2016. – Vol. 64(4). – P. 930-947.
12. Jambrešić-Kirin R. Claiming and crossing borders: a view on the Slovene-Croatian border dispute/ R. Jambrešić-Kirin, D. Račić // Social Research – Journal for General Social Issues. – 2016. – No.4. – P. 433-453
13. Key findings of the progress reports on the candidate countries: Croatia, Turkey and the former Yugoslav Republic of Macedonia // MEMO/08/675. – Brussels. – 2008 [Electronic resource]. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-08-675_en.htm?locale=en (accessed date: 16.04.2017).
14. Maurice E. Croatia and Serbia sign pledge to cooperate / E. Maurice // EU-Observer. – Brussels, 2016 [Electronic resource]. – URL: <https://euobserver.com/enlargement/133917> (accessed date: 15.04.2017).
15. Milosevic M. Montenegro Acts to Solve Border Dispute with Croatia / M. Milosevic // Balkaninsight. – 2013. – 21 March [Electronic resource]. – URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/montenegro-to-form-commission-for-solving-prevlaka-dispute> (accessed date: 14.04.2017).
16. Pavlic V. Croatia and Slovenia – Once Friends, And Now... / V. Pavlic // Total Croatia News. – 2017. – 16 January [Electronic resource]. – URL: <https://www.total-croatia-news.com/politics/15892-croatia-and-slovenia-once-friends-and-now> (accessed date: 17.04.2017).
17. Pipan P. Border dispute between Croatia and Slovenia along the lower reaches of the Dragonja river / P. Pipan // Acta geographica Slovenica. – 2008. – No. 48(2). – P. 331-356.
18. Ratner S.R. Drawing a better line: UTI Possidetis and the Borders of the New States / S.R. Ratner // The American Journal of International Law. – 1996. – Vol.90. – No 4. – P.590-624
19. Sancin V. Slovenia-Croatia Border Dispute: from “Drnovšek-Račan” to “Pahor-Kosor” Agreement / V. Sancin // European Perspectives – Journal on European Perspectives of the Western Balkans. – 2010. – Vol. 2. – No. 2. – P. 93-111.
20. Šabić S.Š. Crossing Over: A Perspective on Croatian Open Border Issues / S.Š. Šabić, S. Borić // Friedrich Ebert Stiftung – Zagreb, 2016. – 16 pp. [Electronic resource]. – URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/kroatien/13057.pdf> (accessed date: 15.04.2017).
21. Taylor A. Liberland, a self-proclaimed country in Eastern Europe, hopes for recognition from Trump / A. Taylor // The Washington Post. – 2017. –

22 January [Electronic resource]. – URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/01/22/liberland-a-self-proclaimed-country-in-eastern-europe-hopes-for-recognition-from-president-trump/?utm_term=.6781e0145720 (accessed date: 16.04.2017).

22. The United Nations on Prevlaka Peninsula // United Nations Mission of observers in Prevlaka [Electronic resource]. – URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/past/unmop/background.html> (accessed date: 15.04.2017).

23. Treaty on the State Border between the Republic of Croatia and Bosnia and Herzegovina // UN Delimitation Treaties Infobase, 1999.

УДК 329.17

МНОГОЛИКИЙ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ: СЛУЧАИ ВЕНГРИИ И ПОЛЬШИ

Твеленева Полина Андреевна
*студентка факультета
международных отношений ВГУ
e-mail: tveleneva.polina@yandex.ru*

***Аннотация.** В данной статье автор, опираясь на тезис Пола Таггарта и Алекса Щербяка о ключевой роли политических партий в процессе выражения евроскептицизма, рассматривает генезис, эволюцию и современное состояние партийного евроскептицизма в Венгрии и Польше. Анализируя позиции наиболее влиятельных евроскептических партий, она предпринимает попытку выявить отличительные черты евроскептицизма в рассматриваемых странах. В заключение автор проводит сравнение польского и венгерского евроскептицизма и высказывает предположения о влиянии его роста на положение стран в Европейском Союзе.*

***Ключевые слова:** партийный евроскептицизм, Венгрия, Польша.*

MANY FACES OF EUROSCEPTICISM: THE CASES OF HUNGARY AND POLAND

Tveleneva Polina
*Student of the Faculty of International Relations,
Voronezh State University
e-mail: tveleneva.polina@yandex.ru*

***Summary.** In this article the author, based on the thesis of Paul Taggart and Aleks Szczerbiak about the crucial role of political parties in the process of representing Euroscepticism, reflects upon the genesis, evolution and current state of party-based Euroscepticism in Hungary and Poland. Analyzing the positions of the most consequential eurosceptic parties, she makes an effort to establish the distinguishing characteristics of Euroscepticism in the countries in question. In conclusion, the author compares Polish and Hungarian Euroscepticism and makes suggestions about the influence of its increase on the countries' positions in the European Union.*

***Key words:** party-based Euroscepticism, Hungary, Poland.*

В 1989 году волна «бархатных революций» прокатилась по странам Центральной и Восточной Европы, в результате чего находившиеся у руля в течение 40 лет коммунистические партии уступили место новым демократическим силам. Одним из последствий произошедших перемен стало постепенное возникновение общественного и политического консенсуса по поводу необходимости и рациональности вступления в Европейский Союз как залога закрепления демократических преобразований, стабильного развития и безопасности. В начале 1990-х гг. «возвращение в Европу» стало для стран ЦВЕ одним из центральных внешнеполитических приоритетов [9, р. 263].

Несмотря на то, что некоторые исследователи отмечали рост критических настроений в отношении ЕС в странах ЦВЕ в начале 2000-х и даже высказывали опасения по поводу исчезновения проевропейского консенсуса, результаты референдумов о членстве свидетельствовали о по-прежнему высоком уровне поддержки ЕС [8, р. 298]. Ситуация стала заметно меняться с началом мирового финансового кризиса в 2008 году и последовавшим за ним кризисом еврозоны, последствия которого, по мнению некоторых экспертов, в полной мере не преодолены до сих пор. События последних лет, среди которых выделяются миграционный кризис и Брексит, привели к беспрецедентному росту того, что в политическом и академическом дискурсе уже привычно называют евроскептицизмом.

Согласно одному из наиболее классических определений, это понятие включает как идею случайной и ограниченной, так и системной и полной оппозиции процессу европейской интеграции [21, р. 363]. Несколько десятилетий теоретических исследований и стремительный рост евроскептических сил и настроений, однако, показали, что данная концепция является гораздо более сложной и многоликой, чем это некогда представлялось. В качестве попытки внести некото-

рую ясность в изучение феномена партийного евроскептицизма рядом исследователей были предложены различные классификации евроскептических сил [См.: 4, 8, 19]. Несомненно, данные исследования внесли огромный вклад в изучение рассматриваемого феномена и выявили характеристики, в той или иной мере присущие всем евроскептическим силам. Однако стоит понимать, что евроскептицизм не является универсальной идеологией и имеет уникальные особенности в каждой отдельно взятой стране.

В данной работе мы будем преимущественно говорить о партийном евроскептицизме. В своем выборе мы опираемся на тезис Таггарта и Щербяка, сформулированный ими в одной из первых работ, посвященных явлению евроскептицизма [19, р. 6]. По мнению авторов, политические партии Европы играют центральную роль не только во внутренней политике стран-членов ЕС, но и на общеевропейской политической арене. Являясь незаменимыми участниками таких важнейших процессов, как выборы в Европейский Парламент или референдумы по вопросам развития и будущего ЕС, политические партии, по сути, определяют ход политического развития ЕС. Они же являются важнейшим элементом в процессе формулирования и репрезентации критических настроений в отношении Европейского Союза. Из этого авторы делают вывод о том, что изучение европейской интеграции, в том числе и такого ее аспекта, как евроскептицизм, невозможно без изучения партийно-политических систем стран-членов ЕС.

В контексте данного исследования особенно интересным представляется то, что уже в первых работах особое внимание уделялось партийному евроскептицизму в странах Центральной и Восточной Европы [19]. Многочисленные кризисы, с которыми ЕС столкнулся в последние годы, привели к стремительному распространению данного феномена и росту критики ЕС со стороны правящих элит. Наиболее интересными случаями для рассмотрения представляются Венгрия и Польша.

В данной статье будут рассмотрены ключевые современные политические партии Венгрии и Польши, являющиеся в той или иной степени евроскептическими, что позволит сделать некоторые выводы о характерных чертах евроскептицизма в двух странах и провести их сопоставление для выявления ключевых отличий.

Евроскептицизм в Венгрии

Как и в большинстве стран ЦВЕ, в Венгрии в 1990-е годы вступление в ЕС символизировало демократию, рыночную экономику и процветание, и, как следствие, его необходимость не подвергалась сомнению. Несмотря на то, что венгерское общество не проявляло особого интереса к европейской повестке дня (самая низкая явка на референдуме о членстве из всех стран ЦВЕ - 45%), в нем существовал широкий консенсус в пользу членства страны в ЕС [8, р. 305]. Вплоть до конца 1990-х то же самое можно было сказать и о политических элитах Венгрии.

Ситуация резко изменилась в 1998 г., когда произошло сразу три знаковых для Венгрии события. Во-первых, были начаты переговоры о вступлении, что привело к активизации политических дебатов с целью выработки наиболее приемлемых условий вхождения страны в ЕС. Во-вторых, крайне правая Партия справедливости и жизни, получив 5,6 % на парламентских выборах, впервые поставила под вопрос необходимость членства Венгрии в ЕС [3, р. 254]. И, в-третьих, национально-консервативная партия Фидес получила 148 мест на парламентских выборах, улучшив свой результат в 7 раз по сравнению с выборами 1994 года и получив второе по величине представительство в Национальном Собрании.

На сегодняшний день в политических и академических кругах практически нет сомнений в том, что Фидес можно считать евроскептической партией, хотя и не существует согласия по поводу того, какой тип евроскептицизма она представляет. Однако в начале 1990-х гг. Фидес являлась ярким сторонником «возвращения в Европу». Перелом наметился к середине 1990-х, когда первоначально либеральная молодежная организация Фидес превратилась в полноценную национально-консервативную партию. Этот сдвиг в политической ориентации в сторону правого фланга отразился и на отношении партии к ЕС. Если в манифесте 1994 года скорейшая интеграция в ЕС декларировалась важнейшей внешнеполитической целью, то центральным приоритетом программы 1998 года было отстаивание национальных интересов на переговорах о вступлении, в чем Фидес впоследствии преуспела. Несмотря на активную критику ЕС со стороны лидера Фидес Виктора Орбана, партия никогда не использовала радикальную риторику Партии справедливости и жизни или Независимой партии мелких хозяев и в целом подчеркивала приверженность европейской интеграции.

Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году, не только нанес серьезный удар по экономике Венгрии, но и подорвал общественную поддержку в отношении находившихся у власти левых и либеральных политических сил. Еще одним последствием кризиса стало заметное разочарование венгерской общественности в европейской интеграции, на которую возлагались большие надежды, начиная с поддержки экономических преобразований и заканчивая обеспечением «австрийского уровня жизни». Когда же после нескольких лет членства в ЕС Венгрия столкнулась с экономическим спадом, безработицей и растущей политической нестабильностью, недовольство в отношении как местных властей, так и европейских институтов начало заметно расти. Согласно данным Евробарометра, в 2009 г. только 29% венгров выражали однозначно позитивное отношение к ЕС, в то время как в 2007 г. данный показатель находился на уровне 37% [13].

Изменениями в экономической ситуации и общественных настроениях сумела удачно воспользоваться Фидес, которая построила свою предвыборную кампанию 2010 года на противопоставлении себя прошлому правительству. По результатам выборов партия закрепила за собой 2/3 парламентских мест, что стало беспрецедентным и поворотным событием для политической системы Венгрии и развития страны в целом [16, р. 1]. Еще одним потрясением стало то, что некогда второстепенная праворадикальная и крайне евроскептическая партия Йоббик с результатом в 16% голосов заняла третье место [16, р. 2]. Таким образом, в политической системе Венгрии произошел тектонический сдвиг в сторону правого крыла идеологического спектра, который был закреплен на парламентских выборах 2014 года, когда Фидес и Йоббик заняли 1 и 3 места соответственно, получив в общей сумме 156 из 199 парламентских мест.

Особое внимание к двум вышеназванным партиям обосновано тем, что обе являются наиболее влиятельными политическими силами в Венгрии и в то же время в той или иной степени занимают критическую позицию по отношению к ЕС. Евроскептицизм Фидес зачастую относят к «мягкому», что в категориях Таггарта и Щербяка предполагает отсутствие принципиальной оппозиции европейской интеграции или членству в Европейском Союзе при наличии беспокойства в отношении одной или нескольких сфер проводимой им политики или ощущения того, что направление, в котором ЕС движется, находится в противоречии с национальными интересами [19, р. 7]. Йоббик, в свою очередь, считает-

ся ярким примером «жесткого» евроскептицизма, так как партия не просто выступает с крайне острой критикой Брюсселя, но и считает необходимым выход Венгрии из Европейского Союза. Несмотря на то, что позиции партий по отношению к ЕС значительно отличаются друг от друга, именно они оказывают определяющее влияние на характер евроскептицизма в Венгрии. Таким образом, основываясь на анализе риторики партий в отношении ЕС и учитывая высокую поддержку данных партий со стороны населения Венгрии, можно выделить несколько характерных черт венгерского евроскептицизма.

Ключевым элементом рассматриваемого феномена является национализм. В глазах евроскептиков ЕС видится угрозой венгерскому суверенитету и культуре и критикуется за чрезмерное вмешательство во внутренние дела Венгрии. Иллюстрацией данного утверждения может служить скандал 2004 года, связанный с планами ЕС ввести запрет на паприку – один из важнейших ингредиентов венгерской кухни – в связи с несоответствием продукта европейским стандартам, что было многими воспринято не просто как вмешательство во внутренние дела Венгрии, но как атака против венгерской культуры. После начала миграционного кризиса недовольство Брюсселем было связано с планами введения централизованного расселения беженцев по странам ЕС, ответом на что стал референдум 2 октября 2016 года, по результатам которого 98% принявших участие проголосовало против введения ЕС миграционных квот [5].

Интересно, что критика со стороны европейских институтов мер венгерского правительства в сфере СМИ, миграционной политики, образования, судебной системы и т.д. некоторыми воспринимается как целенаправленные атаки против страны или даже своего рода «война» [2]. ЕС обвиняется в применении двойных стандартов при оценке политики стран-членов: в то время как нарушения, совершаемые крупными странами, остаются без внимания, схожие действия небольших стран подвергаются осуждению и наказываются.

Для венгерского евроскептицизма характерна не только критика ЕС, но и тенденция к повороту на восток в поисках альтернативных союзников; некоторые венгерские партии призывают к выходу из ЕС и укреплению отношений с Россией и Китаем.

Таким образом, венгерский евроскептицизм имеет несколько ярких характерных черт, делающих его крайне любопытным случаем для изучения, но в тоже время, трудным для категоризации. Некото-

рые исследователи полагают, что Венгрия является особым случаем и требует выработки специальной терминологии. Так, философ Гаспар Миклос Тамас утверждает, что официальная идеология Венгрии представляет собой комбинацию евроскептического национализма и этницизма. В то же время стратегический директор венгерского мозгового центра Republikon Institute Ксаба Тот (Csaba Tóth) полагает, что в Венгрии можно наблюдать уникальный «популистский» или «националистический» евроскептицизм, отличающийся от «либерального» евроскептицизма, присущего, например, Великобритании [6].

Евроскептицизм в Польше

В Польше, как и в Венгрии, первое десятилетие после падения социалистического режима было ознаменовано высоким уровнем поддержки ЕС как со стороны простых граждан, так и со стороны политических элит. Фактически до конца 1990-х годов «польский евроскептицизм» не существовал как сколько-нибудь значимое явление, а само словосочетание воспринималось некоторыми исследователями как оксюморон. Однако уже к концу XX века общественная поддержка членства в ЕС упала до 55-60% по сравнению с 80% в 1994, а на политическом горизонте появились первые евроскептические партии [12].

Данные тенденции оказали значительное влияние на выборы 2001 г., в ходе которых партии Самооборона и Лига польских семей, выступавшие с критикой Европейского Союза, закрепили за собой почти 20% парламентских мест. Стоит, однако, отметить, что Самооборона, позицию которой некоторые авторы относили к «жесткой» форме евроскептицизма, никогда не высказывалась против вступления Польши в ЕС, а лишь отвергала некоторые из предлагаемых в ходе переговоров условия членства. [7, р. 534] Лидеры Лиги польских семей, напротив, неоднократно заявляли о принципиальной оппозиции вхождению Польши в ЕС. Партия обвиняла Брюссель в «проведении колониальной политики в отношении Польши» и выражала особые опасения по поводу потенциальной угрозы, которую членство в ЕС представляло польской национальной идентичности, суверенитету и традиционным ценностям [9, р. 223].

По мнению некоторых исследователей, успех Самообороны и Лиги польских семей на выборах 2001, а затем и 2005 года можно отчасти объяснить тем, что в период существования безоговорочного

роевропейского консенсуса в правящих элитах евроскептически настроенная часть польского общества нуждалась в политической репрезентации, чем успешно и воспользовались вышеназванные партии [7, р. 537]. Однако существовали и другие важные факторы, побудившие польских граждан отдать голоса в пользу данных политических сил, среди которых усталость от традиционных партий и схожесть предвыборных программ основных кандидатов, что, возможно, делало вопрос членства в ЕС значимым ориентиром для избирателей. Стоит, однако, отметить, что в начале XXI века евроскептицизм по-прежнему не играл большой роли в польском обществе и политической системе [19]. Более того, к 2003 г. поддержка ЕС снова заметно выросла, о чем свидетельствует то, что почти 78% поляков проголосовало «за» на референдуме о членстве.

Парламентские и президентские выборы 2005 г. принесли неожиданную победу партии Право и Справедливость (ПиС), которая на сегодняшний день некоторыми считается едва ли не самой евроскептической партией ЦВЕ. Однако в начале 2000-х гг. она выступала за членство Польши в ЕС, хотя и открыто критиковала ход переговоров о вступлении. Так, в июле 2002 года представитель ПиС Андрей Завица заявлял: «Отношение партии Право и Справедливость к европейской интеграции является положительным. Однако процесс интеграции это одно, а вступление в Европейский Союз, зависящее от голоса на специальном референдуме, предложенном соответствующим парламентом в определенный момент, - другое» [9, р. 234].

В 2007 г. неудача в создании прочной правительственной коалиции, многочисленные скандалы и неблагоприятная экономическая ситуация вынудили президента Леха Качинского назначить досрочные выборы, которые принесли победу Гражданской платформе. Восемь лет нахождения этой либерально-консервативной партии у власти (ГП снова одержала победу на выборах 2011 г.) были ознаменованы не только успехами во внутренней политике, но и приобретением Польшей имиджа одной из наиболее приверженных европейской интеграции стран. Выступая в 2011 году перед европейской публикой, основатель Гражданской платформы Дональд Туск, являвшийся на тот момент премьер-министром Польши, предостерегал европейских лидеров от распространения «новой формы евроскептицизма» и критиковал политиков, которые предпринимают меры, чтобы «ослабить ЕС». При этом он восторженно отмечал, что «Европейский Союз – это

фантастика... это лучшее место на земле, где только можно родиться и прожить свою жизнь», и подчеркивал свою убежденность в необходимости дальнейшей интеграции [15]. В то же время поддержка ЕС среди населения Польши вновь вернулась к уровню 1990-х годов и составляла около 80% [18].

Однако по целому ряду причин по большей части внутреннего характера на выборах 2015 года победу одержала партия Право и Справедливость, которая к этому моменту уже придерживалась более евроскептических взглядов. Многие политологи и журналисты в тот момент припомнили обещание лидера партии Ярослава Качинского создать «Будапешт в Варшаве», данное после поражения на выборах 2011 года (интересным совпадением является то, что именно в тот год Венгрия передала Польше председательство в ЕС). В контексте данного исследования важно и то, что право-популистская партия Движение Кукиза (K'15) и крайне правая, «жесткая» евроскептическая KORWiN в сумме набрали около 15%. В целом же выборы 2015 г. ознаменовали не только серьезный сдвиг в политической системе Польши в сторону правого фланга политического спектра, но и рост евроскептицизма в правящих элитах.

Одна польская журналистка в своем обзоре изменений, произошедших за год нахождения ПиС у власти, отметила, что партию можно назвать евроскептической лишь на фоне откровенно проевропейской политической сцены Польши [1]. В этом есть доля правды. По словам лидера партии Ярослава Качинского, Польша никогда бы не стала проводить референдум о членстве [10]. Кроме того, ПиС не может не учитывать крайне высокий уровень одобрения, который ЕС имеет среди польского населения. Однако с момента победы на выборах партия постепенно занимает все более критическую позицию по отношению к Брюсселю. Изначально основными предметами недовольства была миграционная политика и чрезмерное вмешательство ЕС во внутренние дела Польши. Своеобразным водоразделом стал референдум о выходе Великобритании из Европейского Союза. По мнению членов ПиС, Брексит стал индикатором неэффективности Европейского Союза и привел к необходимости пересмотра основополагающих договоров [10]. Таким образом, можно говорить о появлении элемента ревизионизма в отношении партии к европейской интеграции.

В общем и целом польский евроскептицизм можно охарактеризовать как «прагматичный», так как он направлен на обеспечение извлечения Польшей максимальной выгоды из членства в ЕС. Подтверждением этому можно считать создание в марте 2016 г. формальной межпартийной Парламентской группы еврореалистов (Parlamentarny Zespół Eurorealistyczny), задачами которой является оценка членства Польши в ЕС через анализ выгод и затрат, контроль за деятельностью институтов ЕС и анализ влияния европейского законодательства на Польшу [14].

Еще одной характерной чертой современного польского евроскептицизма можно считать критику растущей роли и влияния Германии в ЕС. Если в период нахождения у власти Гражданской платформы ФРГ являлась ключевым европейским партнером Польши, нынешнее правительство всячески выражает желание дистанцироваться от этой традиции. Во многом критику провоцирует благосклонное отношение немецкого правительства к беженцам и активная поддержка системы миграционных квот, которая абсолютно не устраивает польское правительство. Кроме того, некоторыми политиками Берлин обвиняется в распространении в Польше до недавнего времени проевропейской пропаганды через находящиеся в собственности Германии СМИ [17].

Важно не забывать, что, как и любая политика или идеология, евроскептицизм подвержен влиянию культурных и исторических факторов, что делает появление этого феномена уникальным в каждой отдельной стране. В случае Польши одним из таких факторов является религия. Еще в конце 90-х – начале 2000-х гг. католическое националистическое Радио Мария, возглавляемое харизматичным священником Тадеушем Рыдзыком, активно поддерживало Лигу польских семей в распространении евроскептических настроений, сыграв ключевую роль в ее становлении как евроскептической партии. По словам Щербяка, Радио Мария с его 2,7 млн слушателей сформировало основное ядро «праворелигиозного» электората в Польше [9, р. 226]. В последнее время католическая церковь продолжает оказывать определенное влияние на позицию Польши по отношению к ЕС, а религиозные события все чаще становятся площадкой для политических дискуссий. Так, например, в своей речи на праздничной церемонии по случаю 1050-й годовщины католической церкви премьер министр Польши не преминула обвинить некоторых членов ЕС в поведении,

выражающем чувство превосходства над более новыми странами-членами ЕС из ЦВЕ [11].

Выводы

Подводя итог, стоит отметить, что партийный евроскептицизм Польши и Венгрии имеют целый ряд общих черт. В обеих странах первые значительные проявления евроскептицизма появились к концу 1990-х гг. и были связаны со стремлением договориться о наиболее выгодных условиях вступления в ЕС, причем необходимость членства практически не подвергалась сомнению. Как в Польше, так и в Венгрии европейская повестка дня не сыграла большой роли в приходе к власти правящих на сегодняшний день евроскептических сил, однако постепенно заняла значительное место в их риторике. Кроме того, в обоих государствах евроскептицизм представлен партиями правой политической ориентации, которые подвергаются жесткой критике со стороны ЕС, связанной с опасениями нарушения ими принципов верховенства закона. В свою очередь правящие элиты Венгрии и Польши часто обвиняют ЕС в чрезмерном вмешательстве во внутренние дела стран-членов и открыто выступают против предлагаемых ЕС путей преодоления миграционного кризиса.

В то же время евроскептицизм в Венгрии и Польше имеет существенные различия. Основной чертой евроскептицизма в Венгрии является национализм, который основывается на опасениях за венгерскую культуру и обвинении ЕС в непосредственных атаках на национальный суверенитет страны. Несмотря на присутствие националистического элемента в польском евроскептицизме, его можно скорее охарактеризовать как «прагматичный», что выражается в стремлении обеспечить наиболее выгодные условия членства Польши в ЕС и оценке его с точки зрения выгод и затрат. Кроме того, польская критическая риторика в отношении ЕС характеризуется меньшей остротой, а «жесткие» евроскептические партии имеют значительно меньшую поддержку среди населения. В Венгрии же партия Йоббик, решительно выступающая за выход Венгрии из ЕС, уже вторые парламентские выборы получает около 20% голосов. Некоторые различия имеются и в предпочтительных альтернативных ЕС союзниках, выделяемых евроскептическими силами стран. В то время как обе страны все большее внимание уделяют кооперации в рамках Вишеградской

группы, Венгрия, в отличие от Польши, стремится к поддержанию и укреплению отношений с Россией.

В последнее время в связи усилением евроскептических сил в Польше и Венгрии все чаще стали звучать опасения о возможных Ro-lexit'е или Nuxit'е (проведении странами референдумов о выходе из ЕС). Однако данный ход развития событий не представляется реалистичным. Во-первых, выгоды от членства в ЕС по-прежнему перевешивают издержки, что неоднократно подчеркивалось членами правящих партий. Во-вторых, несмотря ни на что, жители Польши и Венгрии остаются наиболее приверженными сторонниками ЕС, что не может не приниматься во внимание правительствами государств.

Чего, возможно, стоит ожидать, так это более тесного сотрудничества правительств Польши и Венгрии с целью укрепления своих позиций в ЕС. Так, в начале года Виктор Орбан заявил, что не поддержит предложенные Еврокомиссией санкции против Польши, принятие которых требует единогласия всех стран-членов. По всей видимости, в скором времени в Европейском Союзе голоса Польши и Венгрии зазвучат громче и увереннее.

Литература

1. Бабакова Е. Польша, которую не узнать. Что изменилось за год в соседней стране / Е. Бабакова // Европейская правда: информационно-аналитическое сетевое издание. – 2016. – 21 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/11/21/7057742/> (дата обращения: 19.04.2017) .
2. Boros T. Hungary: The country of the pro-European people and a Eurosceptic government / T. Boros // «Das Progressive Zentrum». – 2016. – 26 September [Electronic resource]. – URL: <http://www.progressiveszentrum.org/hungary-the-country-of-the-pro-european-people-and-a-eurosceptic-government/> (accessed date: 16.04.2017).
3. Elections in Europe / ed. by Dieter Nohlen, Philip Stöver. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2010. – 354 pp.
4. Flood C. Euroscepticism: A Problematic Concept / C. Flood // UACES 32-nd Annual Conference. – Belfast, 2002. – 21 pp. [Electronic resource]. – URL: <http://uaces.org/documents/papers/0201/flood.pdf> (accessed date: 12.04.2017).
5. Kingsley P. Hungary's refugee referendum not valid after voters stay away / P. Kingsley // Guardian. – 2016. – 02 October [Electronic resource]. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/02/hungarian-vote-on-refugees-will-not-take-place-suggest-first-poll-results> (accessed date: 07.04.2017).

6. Luining M. Rethinking Euroscepticism and European integration. The relevance of Viktor Orbán's Hungary / M. Luining // Master's thesis. University of Groningen. Groningen. – 2015 [Electronic resource]. – URL: http://arts.studenttheses.ub.rug.nl/17558/1/MA-2605287-L._Luining.pdf (accessed date: 06.04.2017).
7. Markowski R. Euroscepticism and the Emergence of political parties in Poland / R. Markowski, J. Tucker // Party politics. – 2010. – Vol.16. – No.4. – P.523-548 [Electronic resource]. – URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1354068809345854> (accessed date: 09.04.2017).
8. Mudde C. The Two Sides of Euroscepticism. Party Positions on European Integration in East Central Europe / C. Mudde, P. Kopecky // European Union Politics. – 2002. – Vol. 3, No3. – P. 297-326 [Electronic resource]. – URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1465116502003003002> (accessed date: 27.03.2017).
9. Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism /ed. by Aleks Szczerbiak and Paul Taggart. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – Vol. 1. – 403 pp.
10. Pawlak J. Eurosceptic Poland wants new EU treaty after Brexit / J. Pawlak // Reuters. – 2016. – 24 June [Electronic resource]. – URL: <http://www.reuters.com/article/us-britain-eu-poland-kaczynski-idUSKCN0ZA24W> (accessed date: 20.04.2017).
11. Polish PM: Western politicians feel 'superior' to new EU members // Radio Poland. – 2016. – 15 April [Electronic resource]. – URL: <http://www.thenews.pl/1/9/Artykul/248863,Polish-PM-Wester-politicians-feel-'superior'-to-new-EU-members> (accessed date: 22.04.2017).
12. Polish Public Opinion // Public Opinion Research Centre CBOS. – 1999. – July [Electronic resource]. – URL: http://www.cbos.pl/PL/publikacje/public_opinion/1999/07_1999.pdf (accessed date: 08.04.2017).
13. Public opinion on the image of the European Union // Официальный сайт Европейской Комиссии. – 2016 [Electronic resource]. – URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/tHEMEKy/19/groupKy/102> (accessed date: 10.04.2017).
14. Regulamin Eurorealistycznego Zespołu Parlamentarnego // Официальный сайт польского Сейма [Electronic resource]. – URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/agent.xsp?symbol=ZESPOL&Zesp=394> (accessed date: 20.04.2017).
15. Rettman A. Polish leader raises alarm about 'new' euroscepticism / A. Rettman // EUobserver. – 2011. – 01 July [Electronic resource]. – URL: <https://euobserver.com/institutional/32578> (accessed date: 18.04.2017).
16. Sardi T. Parliamentary elections in Hungary. The results and political implications / T. Sardi // Government Relations. – 2010. – 8 pp. [Electronic resource]. – URL:

<http://www.cecgr.com/fileadmin/content/analyses/Parliamentary%20elections%20in%20Hungary%202010.pdf> (accessed date: 15.04.2017).

17. Skwirczynski P. Polexit: Meet The Polish Eurosceptics Championing The Case Against The European Union / P. Skwirczynski // Breitbart. – 2016. – 22 May [Electronic resource]. – URL: <http://www.breitbart.com/london/2016/05/22/polexit-meet-the-polish-eurosceptics-championing-the-case-against-the-european-union/> (accessed date: 20.04.2017).

18. Stefaniak A. Euroscepticism and the rise of right-wing parties in Poland / A. Stefaniak, A. Haska // Project “Deconspirator”. – 2013. – 2.07. [Electronic resource]. – URL: <http://deconspirator.com/2013/02/07/euroscepticism-and-the-rise-of-right-wing-parties-in-poland/> (accessed date: 18.04.2017).

19. Szczerbiak A. The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States / A. Szczerbiak, P. Taggart // Falmer, Brighton, Sussex European Institute. 2002. – 45 pp. [Electronic resource]. – URL: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=sei-working-paper-no-51.pdf&site=266> (accessed date: 30.03.2017).

20. Szczerbiak A. When in doubt, (re-) turn to domestic politics? The (non-) impact of the EU on party politics in Poland / A. Szczerbiak, P. Taggart // Falmer, Brighton, Sussex European Institute. – 2008 [Electronic resource]. – URL: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=epern-working-paper-20.pdf&site=266> (accessed date: 18.04.2017).

21. Taggart P. A touchstone of dissent: Euroscepticism in contemporary Western European party systems / P. Taggart // European Journal of Political Research. – 1998. – Vol. 33. – No 3. – P. 363-388.

Информация о Центре Изучения Центральной и Восточной Европы

Центр изучения Центральной и Восточной Европы на кафедре международных отношений и мировой политики факультета международных отношений Воронежского государственного университета был создан в декабре 2005 г. Его возглавляет кандидат исторических наук доцент О.Ю. Михалев.

Направления деятельности Центра:

- 1) Международные отношения в Центральной и Восточной Европе
- 2) Современные политические процессы, режимы, системы стран Центральной и Восточной Европы
- 3) История государств Центральной и Восточной Европы
- 4) Национальные меньшинства в Центральной и Восточной Европе
- 5) Нации, идентичности, национальные движения в Центральной и Восточной Европе
- 6) Модернизационные процессы в странах Центральной и Восточной Европы

Центр активно сотрудничает с российскими и польскими научно-исследовательскими организациями и университетами, прежде всего с университетом им. А. Мицкевича (Познань). За период существования Центра был издан ряд монографий и коллективных сборников статей, а его сотрудники принимали активное участие в российских и международных научных конференциях, посвященных исследованиям региона Центральной и Восточной Европы.

Контакты:

Тел. +7 915 582 36 04 Михалев Олег Юрьевич

E-mail: mikhalev2003@mail.ru

Сайт: http://ir.vsu.ru/science/centers/east_europe.html

Информация о Центре исследования проблемной государственности

Центр исследования проблемной государственности создан 30.11.2016 г. при кафедре международных отношений и мировой политики ФМО ВГУ с целью изучения процессов возникновения и деградации государств в контексте становления постбиполярного мира.

Руководителем Центра является к.и.н., доцент В.И. Сальников

В число научных направлений Центра входят:

- изучение процессов деградации государств;
- исследование непризнанных государств: механизмов и тенденций их образования, функционирования, суверенизации;
- исследование связи революционных процессов и повстанчества с существованием зон проблемной государственности;
- изучение влияния геэкономики, геополитики и мирополитического фактора на существование зон проблемной государственности;
- изучение положения с соблюдением прав человека на территории проблемных государств;
- разработка научных рекомендаций для выработки и реализации внешней политики России в отношении «проблемных государств».

Предполагается установление сотрудничества с ведущими отечественными и зарубежными исследовательскими и правозащитными центрами и организациями, работающими на данном направлении; организация научных конференций и публикация материалов, посвященных проблемным государствам; установление деловых контактов с государственными и общественными структурами, а также жителями проблемных государств на взаимовыгодной основе.

к.т. 8 906 676 78 06 Сальников Вячеслав Иванович

эл. почта: vyachs@yandex.ru

сайт: <http://ir.vsu.ru/science/centers/cipg.html>

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СТРАН
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА,
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**
Сборник научных статей

Выпуск 1

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка Л.О. Мещеряковой

Подписано в печать 20.11.2017. Формат 60×84/16.
Усл. п.л. 16,6. Тираж 50 экз. Заказ 621.

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3